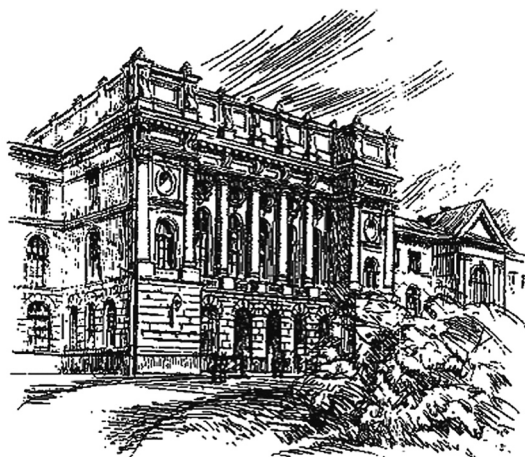

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные и общественные
науки

2 (244) 2016

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2016

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Васильев Ю.С., академик РАН (председатель); *Алферов Ж.И.*, академик РАН;
Згуровский М.З., ин. чл. РАН, академик НАН Украины; *Костюк В.В.*, академик РАН;
Лагерьков А.Н., академик РАН; *Лопота В.А.*, чл.-кор. РАН; *Окрепилов В.В.*, академик РАН;
Патон Б.Е., академик НАН Украины и РАН; *Рудской А.И.*, чл.-кор. РАН;
Тендлер М.Б., ин. чл. РАН (Швеция); *Федоров М.П.*, академик РАН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Васильев Ю.С., академик РАН (главный редактор); *Арсеньев Д.Г.*, д-р техн. наук, профессор;
Бабкин А.В., д-р экон. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Боронин В.Н., д-р техн. наук, профессор; *Глухов В.В.*, д-р экон. наук, профессор;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор; *Иванов А.В.*, д-р техн. наук;
Иванов В.К., д-р физ.-мат. наук, профессор; *Козловский В.В.*, д-р физ.-мат. наук, профессор;
Рудской А.И., чл.-кор. РАН (зам. гл. редактора); *Юсупов Р.М.*, чл.-кор. РАН.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Казанский Н.Н., академик РАН – председатель;
Бордовский Г.А., академик РАО;
Дегтярева Р.В., д-р ист. наук, профессор;
Козлов В.Н., д-р техн. наук, профессор;
Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор;
Пиджаков А.Ю., д-р юр. наук, д-р ист. наук, профессор;
Снетков В.Н., д-р полит. наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Кузнецов Д.И., д-р филос. наук, профессор – главный редактор;
Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор – зам. главного редактора;
Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор;
Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор;
Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор;
Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор;
Сурыгин А.И., д-р пед. наук, профессор;
Ульянова С.Б., д-р ист. наук, профессор.

Журнал выходит под научно-методическим руководством Российской академии наук с 1995 года

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года выпускается в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Подписной индекс **80634** в Объединенном каталоге «Пресса России».

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

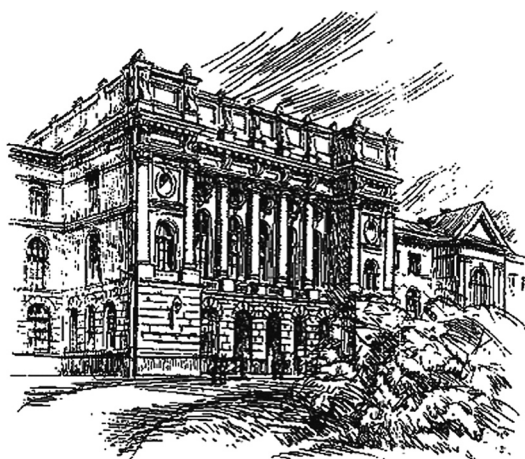
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции (812) 294-47-72.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**ST. PETERSBURG STATE
POLYTECHNICAL UNIVERSITY
JOURNAL**

**Humanities and Social
Sciences**

2 (244) 2016

Polytechnical University Publishing House
Saint Petersburg
2016

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

EDITORIAL COUNCIL

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University (head of the editorial council); *Alferov Zh.I.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Zgurovskii M.Z.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences, full member of the National Academy of Sciences of Ukraine; *Kostiuk V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lagar'kov A.N.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Lopota V.V.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Okrepilov V.V.*, full member of the Russian Academy of Sciences; *Paton B.E.*, full member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; *Tendler M.B.*, foreign member of the Russian Academy of Sciences; *Fedorov M.P.*, full member of the Russian Academy of Sciences.

EDITORIAL BOARD

Vasiliev Y.S., full member of the Russian Academy of Sciences, President of the St. Petersburg State Polytechnical University, editor-in-chief; *Arseniev D.G.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Babkin A.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof., deputy editor-in-chief; *Boronin V.N.*, Dr.Sc.(tech.), prof.; *Glukhov V.V.*, Dr.Sc. (econ.), prof.; *Degtyareva R.V.*, Dr.Sc. (history), prof.; *Ivanov A.V.*, Dr.Sc.(tech.); *Ivanov V.K.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Kozlovsky V.V.*, Dr.Sc.(phys.-math.), prof.; *Rudskoy A.I.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, deputy editor-in-chief; *Yusupov R.M.*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

JOURNAL EDITORIAL COUNCIL

Kazansky N.N., full member of the Russian Academy of Sciences, head of the editorial council;
Bordovsky G.A., full member of Russian Academy of Education;
Degtyareva R.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Kozlov V.N., Dr.Sc.(tech.), prof.;
Kuznetsov D.I., D.Phil., prof.;
Pidzhakov A.Yu., J.S.D., Dr.Sc. (history), prof.;
Snetkov V.N., Dr.Sc. (political sciences), prof.

JOURNAL EDITORIAL BOARD

Kuznetsov D.I., D.Phil., prof., editor-in-chief;
Shipunova O.D., D.Phil., prof., deputy editor-in-chief;
Almazova N.I., D.Ed., prof.;
Kulik S.V., Dr.Sc. (history), prof.;
Pogodin S.N., Dr.Sc. (history), prof.;
Popova N.V., D.Ed., prof.;
Surygin A.I., D.Ed., prof.;
Ulyanova S.B., Dr.Sc. (history), prof.

The journal is published under scientific and methodical guidance of the Russian Academy of Sciences since 1995.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is published since 2010 as part of the periodical edition *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU* (ISSN 1994-2354).

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

Subscription index **80634** in the "Press of Russia" Joint Catalogue.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>).

No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politehnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2016

Содержание

Политические науки и регионоведение

Кочнев Е.А., Мишин Ю.Д. <i>Терроризм в контексте глобальных опасностей мирного развития человечества</i>	9
Киселёв А.И. <i>Национальное самосознание русских и национализм</i>	21
Кудина О.М. <i>Роль визуального и нарративного образа в провоцировании аффекта массы</i>	28
Кузнецов Д.И., Симанова Н.В. <i>Евразийский образ мира и стратегии современного высшего образования</i>	37

Международные отношения

Пелевина Е.С. <i>Проблемы информационной безопасности стран БРИКС в контексте современных международных угроз</i>	45
--	----

Исторические науки и археология

Красноженова Е.Е. <i>Особенности социально-экономического развития городов Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945)</i>	52
Кулик С.В., Самыловская Е.А. <i>Участие православного духовенства в движении советского Сопротивления на оккупированной территории Северо-Запада России в 1941–1944 гг.</i>	59
Смирнова Д.Д. <i>Новгородский архиепископ Феодосий – видный пострижник Иосифо-Волоколамского монастыря</i>	66
Микуленок А.А. <i>Проблема денационализации русских детей в Польше в 1920–1930-е годы и способы борьбы с ней</i>	75

Философские и культурологические исследования

Евграфова Т.Н., Исмуков Н.А. <i>Диалектика и синергетика</i>	83
Гура В.А., Пазухина О.Р. <i>Возникновение феномена личности в античной философии, религии, культуре</i>	90
Болотникова Е.Н. <i>Философские интерпретации концепта «забота»: от «лекарства» в античности до «здорово быть» в современности</i>	98
Чернова Г.Р., Буленкова М.Е. <i>Представление русских православных философов о добре и зле</i>	105
Малинов А.В. <i>Критическое построение в социологии (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского)</i>	116
Быльева Д.С. <i>Сеть Интернет как новый тип пространства</i>	124

Образование и педагогические науки

Боровков А.И., Киселёва К.Н., Романов П.И. <i>Нормативные правовые и методические основы формирования фондов оценочных средств основных образовательных программ высшего образования....</i>	131
Березовская И.П., Новикова Е.С. <i>Современное образование: проблема влияния IT-активности на вербальный интеллект</i>	140
Гнитецкая Т.Н., Резник Б.Л., Шутко Ю.Е., Белоконь В.И., Чеботарев А.Ю. <i>Информационно-технологическая среда и эволюция физической картины мира</i>	146
Дашкина А.И., Фёдорова А.Я. <i>Применение наставничества на разных этапах подготовки студентов лингвистических направлений к научно-исследовательской деятельности</i>	155

Хроника

Хохлов А.В., Стычишина Л.П. <i>К 90-летию со дня рождения В.И. Максимова.....</i>	164
--	-----

Contents

Political science and area studies

Kochnev E.A., Mishin Yu.D. <i>Terrorism in the context of global dangers of peaceful development of humanity</i>	9
Kiselev A.I. <i>The national self-consciousness of the Russians and nationalism</i>	21
Kudina O.M. <i>Role of a visual and narrative image in provoking of affect of weight</i>	28
Kuznetsov D.I., Simanova N.V. <i>The Eurasian view of world and strategy of modern higher education</i>	37

International relationships

Pelevina E.S. <i>The problems of ensuring information security of the BRICS countries in the context of contemporary international threats</i>	45
---	----

Historical science and archaeology

Krasnozhenova E.E. <i>The features of social and economic development of the Lower Volga region in the Great Patriotic War</i>	52
Kulik S.V., Samylovskaya E.A. <i>The participation of the orthodox clergy in the movement of soviet resistance in the occupied territory of the North-West of Russia in 1941–1944</i>	59
Smirnova D.D. <i>The novgorodian archbishop Fejdosiy as the prominent monk of the Iosifo-Volokolamsky monastery</i>	66
Mikulenok A.A. <i>The problem of denationalisation of the Russian children in Poland in the 1920s–1930s and the ways of fighting it</i>	75

Philosophical and cultural studies

Evgrafova T.N., Ismukov N.A. <i>Dialectics and synergetics</i>	83
Gura V.A., Pazukhina O.R. <i>Origin of personality element in ancient philosophy, religion, culture</i>	90
Bolotnikova E.N. <i>Philosophical interpretation of the concept “care”: from “medicine” in antiquity to the “great to be” in the present</i>	98
Chernova G.R., Bulenkova M.E. <i>Representation of Russian orthodox philosophers about good and harm</i>	105
Malinov A.V. <i>The critical construction in sociology (From the lectures of academician A.S. Lappo-Danilevsky)</i>	116
Byl’eva D.S. <i>The internet as a new type of space</i>	124

Education and pedagogical science

Borovkov A.I., Kiseleva K.N., Romanov P.I. <i>The normative legal and methodological bases of formation of fund assets valuation of the basic educational programs of higher education</i>	131
Berezovskaya I.P., Novikova E.S. <i>Modern education: the impact of the it activity on verbal intelligence</i>	140
Gnitetskaya T.N., Reznik B.L., Shutko Yu.E., Belokon V.I., Chebotarev A.Yu. <i>Information-technological environment and the evolution of the physical picture of the word.....</i>	146
Dashkina A.I., Fyodorova A.Ya. <i>Collaboration on various stages of preparing training linguistics majors for doing scientific research</i>	155

Chronicle

Khokhlov A.V., Stychishina L.P. <i>To the 90 anniversary since the birth of V.I. Maximov</i>	164
---	-----

DOI 10.5862/JHSS.244.1
УДК 101.1:316

Е.А. Кочнев, Ю.Д. Мишин

ТЕРРОРИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОПАСНОСТЕЙ МИРНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Рассматривая проблему терроризма, авторы статьи показывают, что разбалансированность межрегиональных и транснациональных отношений с неизбежностью ведет к трансформации терроризма из глобальной опасности в глобальную угрозу. Терроризм приобрел масштабы мирового явления, а реальные возможности организаторов движения позволяют рассматривать его динамику как потенциальную глобальную опасность для мирного развития человечества. Только всемерное включение механизмов гражданского общества, образования и науки в антитеррористическую политику сможет предельно сузить социальную базу международного терроризма и тем самым предотвратить глобальную угрозу. Рассмотрены субъективные предпосылки распространения терроризма.

АНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА; ГЛОБАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ; ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ; ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Актуальной проблемой и по масштабу, и по агрессивности для переходного времени от XX к XXI столетию стал терроризм. Своими корнями террор уходит в глубь истории, но глобальной проблемой он стал именно сейчас, и на то имеются причины, как объективные, так и субъективные.

Исследование феномена терроризма ведется давно и с разных ракурсов. Терроризм изучают историки, политологи, психологи, правоведы, спецслужбы. Нас терроризм заинтересовал особенностью своего глобального масштаба. Логика проста: если объект исследования обрел определенный исторический статус, то нужно попытаться разобраться в нем в системе подобного масштаба явлений, рассмотреть как одну из глобальных опасностей в контексте уже имеющихся. Надо подчеркнуть переходный период терроризма из глобальной проблемы в глобальную угрозу, определить контрмеры со стороны общества.

Опасность существования имманентно присуща всему живому. Борьба за выживание – базовое условие жизни. Ф. Ницше был прав: «Жить – значит находиться в опасности» [1, с. 26]. Различаются формы и регуляторы, защищающие живой организм от опасностей. Жизнь человека не является исключением.

Со временем опасности человеческой жизни социально диверсифицировались, приобрели формы, соответствующие социальным субъектам и деятельности. К опасностям существования индивидуума, рода добавились национальная, региональная, глобальная и опасности отдельных видов общественной деятельности. Никакой общественный прогресс не устранил реальность опасности и не сделает проблему безопасности социально неактуальной. Даже предположив идиллическое будущее по райскому образцу, нам не удастся разминуться с опасностью угрозы человеческому существованию. Опасность примет космические

масштабы. К. Ясперс справедливо заметил: «Рассматривается ли время под углом зрения политики, благополучия людей, процветания искусства или оставшейся еще возможности человеческого существования, ощущение опасности проходит через всё последнее столетие: человек ощущает угрозу» [2, с. 295].

С определенностью можно сказать одно: когда человечество, преодолев существенные разногласия, консолидируется, то оно минимизирует реальность опасности, а чувство угрозы сводит к ощущению беспокойства. Беспокойство — чувство позитивного уровня, фактор поддержания энергии созидания. В наше время актуализируются все те действия, которые помогают продвижению человечества к солидарным отношениям, в связи с чем противники транснациональной солидарности на культурной, религиозной, экономической, политической почве из внутринациональных оппонентов превращаются в общечеловеческое зло.

Брошенный камень опасен сам по себе, но неизмеримо большую опасность имеют цель и время действия. Уместно вспомнить библейское наставление о «времени разбрасывать и собирать камни». У системы всегда есть свои слабые места, особенно она уязвима в период становления. Системообразующий фактор должен раскрыться и доказать способность существования в конкурентной среде. Система «безопасного» мира — это конструкция, минимизирующая опасности движения человеческого бытия к солидарным формам. Она выстроена из баланса универсальных, региональных и национальных интересов. Осуществимость такого построения гарантируется гуманистической сущностью подлинных ценностей, мотивирующих деятельность всех социальных субъектов. Ценности выражают отношение человека к необходимым явлениям жизни и, по сути, подчеркивают единство человеческой природы, указывают на общность условий ее реализации.

Наличие национальных и региональных историй накладывает отпечаток на конкретное выражение ценностей, конфигурацию ценностного рейтинга, что закономерно с точки зрения диалектики развития и никак не препятствует достижению солидарности: «...из расходящихся — прекрасная гармония, и всё происходит через борьбу» [3, с. 42]. Важно вовремя понять, какие ценности истинные и ложные, фальси-

фицированные; не противопоставлять явления сущности вне их диалектического единства.

Общественный прогресс традиционно определяют как процесс совершенствования качества жизни личности и форм, в которых закрепляются межличностные отношения, обретая тем самым устойчивость деятельности. В социологическом аспекте это правильно, но социологический ракурс не охватывает общую систему жизни *homo sapiens*. В широком смысле социальный прогресс представляется способом обеспечения человечеству его эволюционного права на особое положение в естественно-исторической среде обитания. Прогресс в общественной жизни возможен только как надстройка над устойчивостью отношений общества с природой, отсюда и особая значимость культурной истории человека. Культура призвана гарантировать фундаментальную безопасность существования общества. В культуре закладывается матрица общественного прогресса, начиная с требований, обусловленных спецификой биологии человека, раздвинувшей приспособительный потенциал и допускающей преобразования в рамках природной целостности.

Безопасность следует оценивать именно в культурологическом контексте. Деструктивные действия в любом спектре культурного выражения общественной жизни социально опасны, независимо от их мотивации. Они подрывают культурный статус социального движения, создают угрозу прогрессу, нарушают требования целостности и сбалансированности сил, обеспечивающих устойчивость развития.

Разумеется, направленные против устойчивости общественного развития действия сами должны обрести силу, сравнимую с инерцией социального движения, чтобы стать реальной опасностью. Политическая культура и заключается в искусстве своевременно блокировать эту опасность. В условиях информационного общества получить достаточные знания для своевременного противодействия деструктивным силам стало проще. Сложнее преодолеть абстрактное толкование демократии, сопряженное с отрицанием необходимости воинствующей профилактики и ослаблением политической воли, ведущее к потере инициативы и времени.

Большинство опасностей создаются или поддерживаются экономической политикой и

уходят корнями в экономику. Абсолютизация значения рынка в новейшей экономической теории своей обратной стороной имеет оттеснение на второй план труда, производящего товары, создающего добавленную стоимость. Роль «человеческого капитала» в развитии экономики признается определяющей теоретически, раскрывается подробно статистически. В конкретном же понимании «человеческий капитал» экономистами и политиками всё чаще сводится к искусству менеджмента и маркетинга.

Практически ориентированное массовое сознание воспринимает изменение расклада сил в современной экономике как эволюцию в направлении к обществу потребления. Производящая трудовая деятельность отодвигается или уже отодвинулась на периферию под напором труда в сфере распределения доходов и организации посреднических услуг на рынке — спекулятивной деятельности. Постклассический капитализм — «империализм», по В.И. Ленину [4, с. 387], характеризуется господством финансового капитала, опосредовано связанного с производством, что ведет к разбалансированию в базовых отношениях товарного производства и финансов, труда и вознаграждения, национальных и частных интересов, общечеловеческих и личных ценностей. В результате растет опасность активизации тех сил, которые не желают либо не надеются достигнуть социальной справедливости в рамках легитимной практики, не считают демократию действенным оружием в достижении своих целей. Сознание в подобных ситуациях, как правило, мифологизируется. Не является исключением и обращение за поддержкой к священным писаниям. Традиционное толкование Корана, по свидетельству религиозных деятелей, искажается, а «лица, пытающиеся оправдать свои преступления ссылками на Коран и Сунну, только отягчают свой и без того тяжкий грех, приписывая Всевышнему Аллаху свои личные пороки и ложные взгляды» [5]. Христианские идеологи также с очевидным напряжением сдерживают активность сектантов, анти- и псевдохристианских религиозных течений.

В XX столетии штормило экономику, политику, не наступил мир и в социальных, национальных отношениях. В 2015 году отдельного внимания удостоилась проблема обострения экологической ситуации под напором нерационально организованного массового произ-

водства — «изменение климата стало одним из самых серьезных вызовов, с которыми сталкивается человечество» [6]. Сложилась обстановка, заставляющая задать вопрос: «Почему социальный прогресс обостряет противоречия в обществе?» Ответов может быть два: во-первых, выбраны неверные критерии развития; во-вторых, признавая прогресс, не следует противопоставлять его развитию, так как прогресс является составляющей частью последнего и не исключает всех противоречий развития. Прогресс в конечном виде воспринимается поступательным движением. Процесс же прогресса противоречив, допускает обострение образующихся в движении отношений.

Общественный прогресс — продукт человеческой деятельности в условиях разнообразных отношений людей. История не железнодорожная колея, и мы не машинисты. Социальное движение похоже на поисковую работу геофизиков, ищущих оптимальный маршрут и принимающих на себя нагрузку реальных и возможных угроз. Социальное конструирование, несмотря на научно-технические достижения, остается сферой высокого уровня опасностей. Теоретически можно предположить, что создание ноосферы, реализация программы «живой этики» увеличат человеческие шансы на достижение консенсусного сосуществования и позволят руководствоваться в своем движении общечеловеческими интересами, двигаться по стрелке «социального компаса». Разумность и солидарность способны быть гарантией минимизации отклонения в движении к единой цели людей, разобщенных национальными и экономическими отношениями.

В настоящий момент очевидна необходимость разработки современной классификации опасностей, определения их социального рейтинга с учетом перспективы общественного прогресса. XX век «подарил» нам новое понятие «глобальная проблема». Неудивительно, что оно быстро заняло место в ряду наиболее актуальных направлений познания, привлекло внимание политиков, вызвало в обществе дискуссии — все-таки проблемы касаются всех сознающих ответственность за будущее жизни. Поразительно то, как удалось прикрыть формой «проблемы» реальное значение того, что «упаковали» в абстрактное понятие «глобальная проблема».

Все так называемые проблемы глобального масштаба есть не что иное, как действительные опасности, выросшие в XX веке до транснациональных масштабов. Прежде чем что-то возводить в ранг проблемы, существенно важно определить то, что заставляет вас это делать. Необходимо вскрыть сущность содержания суждения, выставяемого в качестве проблемы. В противном случае формат проблемности может маскировать главное в явлении, а масштаб проблемы – размывать ее происхождение и суть. С понятием «проблема» нередко обращаются слишком вольно, эксплуатируя эффект слова в общественном сознании. «Проблема» ассоциируется с теоретической значимостью чего-то, указывает на актуальность реальности как предмета изучения, а не объекта приложения практического действия.

Глобальные проблемы – это наиболее значительные опасности на пути социального прогресса. Вещи надо называть своими именами. Все глобальные проблемы следует определять как «опасности глобального масштаба» и подчеркивать «опасность» в самом определении. Современное человечество сплело сеть опасностей, соответствующих масштабам нашей деятельности. Базовым фактором нарастания глобальных опасностей для человечества является подчинение политики осуществлению экономической стратегии массового производства нерационального типа, ориентированной на максимальную прибыль и ограничение возможности контроля за ее распределением.

Учитывая особо значимый для общества статус глобальных опасностей, необходимо с осторожностью относиться к оценке разнообразных угроз, чтобы, с одной стороны, не пропустить их необоснованного причисления к глобальным, с другой – не позволить распылить энергию блокирования и нейтрализации реально глобальных опасностей. Построение системы глобальных опасностей имеет как теоретическое, так и практическое значение. Теоретически определяется множество угроз данного масштаба, а также системообразующий фактор – негативное влияние на социальный прогресс, обуславливающий их конфигурацию, создается общий образ системы. Практически мы получаем вектор консолидированных действий на наиболее актуальном направлении. Важно достигнуть международ-

ного правового признания системы глобальных опасностей и их адекватной оценки на уровне высших эшелонов власти. Только так можно эффективно противостоять подобного рода угрозам. В противном случае вместо реальной практики придется заниматься схоластическими согласованиями, упуская инициативу и время.

Решающий признак для признания опасности глобальной – реальность угрозы человеческой жизни в транснациональном масштабе. Имеется в виду жизнь в ее естественном комплексе проявления. Угроза не обязательно должна быть непосредственной самим людям, угрозой следует считать и действия на условия, необходимые для их жизни. Разумеется, понятие «человеческая жизнь» берется в ее социобиологическом измерении, т. е. включается культурная образующая как стержневое условие качества жизнедеятельности человека.

История глобальных опасностей началась вместе с появлением жизни на планете. Палеонтологи хорошо это знают со времен Ж. Кювье. До рождения цивилизаций, построенных homo sapiens, глобальные опасности имели исключительно естественное происхождение. Природа реализовывала возможный порядок своего движения. Шел процесс восхождения к более сложным системам организации. Катаклизмы были одним из способов осуществления такого самодвижения. В самих катастрофах закладывалось условие продолжения развития. Они имели «отрицательно-положительный» характер. Без этих катастроф не было бы истории человека.

Все остальные глобальные опасности есть продукт самой человеческой истории. Они, видимо, неизбежные издержки противоречивости развития цивилизационного прогресса. Утверждая свои права на определенный образ жизни, люди осознанно либо стихийно ограничивали права на качество существования всего остального. Стремление человека к гегемонии – следствие утраты способности культурного контроля за естественно-историческим процессом. Культуру недостаточно рассматривать в контексте собственно общественного прогресса. Культура – феномен, обусловленный универсальностью развития мира путем диверсификации механизмов движения к более высокой степени организации. Живые орга-

низмы получили преимущество активного перемещения в пространстве и влияния за счет такой активности на время жизни. Человек получил эксклюзивную возможность достроить приспособительную активность энергией преобразования среды обитания. Общество традиционно понимается как способ организации безопасности человеческой жизни. Отсюда делается фундаментальный вывод о верховности общественной организации отношений, безусловности подчинения законам — «закон есть закон». Законы можно и нужно совершенствовать, сохраняя власть закона неизменной.

Однако общественная жизнь возникла из более глубоких движений, ее взаимодействия с неживой реальностью. Качественная определенность биологического статуса человека не сводится к способности преобразовывать среду обитания. Преобразование диалектически отрицает приспособление, предполагает себя как противоположность приспособлению в условиях необходимости взаимосвязанного существования. Нужен был надежный механизм, обеспечивающий устойчивость подобного диалектического единства. Механизм, который бы связывал в единую реальность естественное и историческое, природную закономерность стихийного развития с разумной деятельностью человека. Человеческая разумность лишь отчасти итог саморазвития человека. В нашей разумности выразилась логика развития Природы. Культура выступила в качестве уникального механизма разрешения противоречивости естественного процесса. Она призвана гарантировать разумность реализации особых естественных прав человека на целенаправленное изменение природных явлений, не позволить перейти границу естественного системного порядка. Все наши современные глобальные опасности генерированы или культурными дефектами исторического развития, или попытками нарушить естественный ход природы вопреки культурным предписаниям.

Опасность, встраиваемая в условия жизнедеятельности, объективно требует контрмер — организации безопасного существования. В.И. Даль, раскрывая взаимосвязь опасности и готовности к ее отражению, писал: «Опасные — половина спасенья» [7, с. 676]. К сказанному Далем добавим: другая половина столь же действенной будет тогда, когда окажется столь

же бдительной. Всеобщий масштаб противодействия опасности понимал и отразил в «Левиафане...» Т. Гоббс. Один из создателей теории «общественного договора» предупреждал государство о естественности права граждан отстаивать свою безопасность, если государство не способно будет разработать и реализовать эффективную политику в защиту естественных прав своих граждан: «А соглашения без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность. Вот почему, несмотря на наличие естественных законов... каждый будет и может вполне законно применять свою физическую силу и ловкость, чтобы обезопасить себя от всех других людей, если нет установленной власти или власти достаточно сильной, чтобы обеспечить нам безопасность» [8, с. 129–130].

Возможности идеального устройства общественных отношений и разумности государства философы и политики, начиная с античности, связывали с преодолением опасностей. Подкрепление своему оптимизму они искали и в идеальной конструкции Космоса, и в логике мышления — «законе тождества», и «самодостаточности» системного развития. Реальность опасности всегда была актуальна для мыслящей части людей. Демократия, как идеология свободы личности и межсубъектных отношений, сконцентрировала идеи достижения возможно безопасного функционирования общества на субъективном статусе жизнепроявления. Неслучайно выросшая к концу второго тысячелетия популярность экзистенциалистской типологии угроз и тревог [9, с. 140–142]. Н.А. Костенко справедливо подчеркивал преемственность представлений об угрозах и тревогах М. Хайдеггера с предшествующим анализом опасностей Ф. Ницше [10, с. 49]. Х. Ортега-и-Гассет проследил зависимость усиления в общественном сознании ощущения тревоги с потерей интереса к культуре. XX столетие он назвал «веком самодовольных недорослей» [11, с. 326]. По его убеждению, «цивилизация — это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одиачание — процесс разобщения... Цивилизация не данность и не держится сама собой. Она искусственна и требует искусства и мастерства... Растущая цивилизация не что иное, как жгучая проблема. Чем больше достижений, тем в большей они опасности» [Там же. С. 329].

Известный психоаналитик К. Хорни выделила три вектора возможных отношений субъекта к сообществу: «направленность к людям», «от людей» и «против людей» [12, с. 27]. Стабилизация вектора поведения ведет к формированию трех типов ментально-невротического склада жизни: «услужливого, готового любой ценой добиваться признания...»; «отрешенного отшельника...»; «агрессивного, жаждущего власти, славы» [Там же. С. 31–73].

Ортега-и-Гассет был одним из первых западных мыслителей, кто прочувствовал приход очередной глобальной опасности, способной быть наиболее деструктивной для человечества, — упрощение культурного потенциала «массового человека». Он сумел вскрыть и направление, которым пойдет процесс минимизации культурных требований к развитию личности, нации, общества, — исторический нигилизм. Нигилизм самого примитивного содержания, усиленного «самодовольством недорослей». «...Новая социальная реальность, — предупреждал философ, — такова: европейская история впервые оказалась отданной на откуп заурядности... созрел новый человеческий тип — воплощенная посредственность» [11, с. 333]. И здесь Ортега-и-Гассет явно мыслит в унисон с К. Хорни — «в социальном плане психологический строй этого новичка определяется следующим: во-первых, подспудным и врожденным ощущением легкости и обильности жизни, лишенной тяжких ограничений, и, во-вторых, вследствие этого — чувства собственного превосходства и всемогущества... И массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта — вмешиваться во всё, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно, т. е. в духе „прямого действия“» [Там же. С. 333–334].

Культурный кризис массового человека, политическое индуцирование культурной ограниченности и рафинированный снобизм «элиты» (по сути являющийся также атакой на культурные традиции), завладевшие просвещением и образованием, — это не просто симптомы самой страшной глобальной опасности, это совокупный системообразующий фактор всех угроз цивилизованному, пусть и несовершенно организованному, обществу.

Глобальные опасности феноменально выглядят субъективными, следуя терминологию

постпозитивизма, intersubjectивными. У субъективного и intersubjectивного явлений общая форма реальности, поэтому их различие существенно в гносеологическом аспекте и не имеет особого значения в онтологическом плане. Онтологическая природа опасности скрыта в движении. Движение упорядочено и для своего осуществления предполагает условия — необходимые и достаточные. Необходимые условия движения включены в само движение; достаточные, в отличие от необходимых, не движут, а обеспечивают процесс. Они обусловлены всеобщностью взаимодействия и, так сказать, прокладывают путь движению.

Классификацию глобальных опасностей мы предлагаем проводить с учетом их онтологического качества. Три типа материального движения находят свое выражение в трех формах реальности: стихийно-естественное движение реализуется в форме Природы; разумно-деятельное — в форме бытия человека; естественно-историческое — в общественной форме жизни. Согласно такой диверсификации движения и реальных форм бытия, должны существовать три типа глобальных опасностей: 1) естественные, рожденные развитием Природы; 2) генерированные человеческой деятельностью, т. е. антропогенные; 3) социогенные, произведенные несовершенством социокультурных отношений, — издержки социальной дезинтеграции. Все типы опасностей проходят типично диалектический путь развития от формальной возможности через реальную к действительности.

Действительная форма опасности представляется в качестве угрозы. Угроза — действие, реализующее опасность. В форме угрозы опасность обретает конкретность выражения и вовсе не обязательно, чтобы угроза сопровождалась физическим насилием. Человеческая действительность сочетает мыслительную рефлексивность, чувства и физическую реальность, следовательно, действие на любую составляющую человеческого бытия означает действительную акцию и должно быть защищено законодательно: «основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические и национальные приоритеты... для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации...» [13]. Угрозу как

вектор практического воплощения опасности пояснил В. Даль: «...угрожать кому, чем наводить опасность...» [14, с. 470]. Исследователь без труда обнаружит в лингвистических исследованиях Даля указание на реальность угрозы с различных направлений.

Стремление выиграть в экономической конкуренции и социокультурном соревновании любой ценой ведет к разобщению и противопоставлению в мировом сообществе, что само по себе опасно, но еще опаснее, когда конкуренты свое преимущество хотят закрепить политической гегемонией. Современная реальность человечества характеризуется опасным нарастанием противоречий по всему периметру: с Природой; Культурой как общественной памятью, требующей ответственного поведения всех социальных субъектов; Историей как необходимостью транснационального взаимодействия для преодоления амбиций национального эгоизма. Исходя из этого, на наш взгляд, силы социального прогресса должны быть акцентированы не на достижении темпов развития, а на консолидации противодействия глобальным опасностям, интенсивно трансформирующимся в угрозы человечеству. Солидарность в борьбе с глобальными опасностями и угрозами способна придать ускорение решению многих научно-технических, социально-экономических и политических проблем. Формами подобной солидарности могут быть широкая коалиция, региональное сотрудничество, межправительственные соглашения, создание международных ассоциаций, союзов, совершенствование международного права.

Об актуальности международной кооперации свидетельствует и усиление терроризма, расширение планов террористов, изменение масштабов террористической борьбы, нарастание ее агрессивности и срастание терроризма с империалистическими интересами. Без поддержки извне – финансовой, военно-технической, идеологической, информационной – современный терроризм не имел бы перспективы вырасти до размеров мировой угрозы.

Есть основания считать, что при отсутствии согласованного понимания терроризма и скоординированных противодействий террористической практике терроризм сохранит ускорение, набранное к концу XX столетия, и выйдет в авангардный эшелон глобальных

угроз социальному прогрессу. Без большого риска ошибиться можно предположить, что в обозримой перспективе борьба с терроризмом будет проблемой номер один. Пока ясно одно: разрастанию террористической угрозы до глобального масштаба способствуют, с одной стороны, недооценка ее политической реальности, с другой – стремление определенных политических сил в мире использовать террористические организации для продвижения своих интересов. Террористы неплохо приспособились к политическим противоречиям, и первый раунд сложился в их пользу, они своего добились, став явлением мировой политики, заняв место среди глобальных угроз.

Нельзя было, противодействуя террору, без должного внимания оставить его историческую траекторию. Философский и научный анализ террора в системном виде, по существу, начался сравнительно недавно, когда пришло осознание закономерности явления в потоке развития исторического процесса. История террора позволяет выделить три этапа: «архаический», «освободительный» и «деструктивный». Менялся терроризм, изменялось и его толкование. Террористы, решившись на массовые действия, объявили войну на уничтожение всем, кто не приемлет их идеи и средства действия, поэтому и антитеррористическая деятельность свелась преимущественно к форме вооруженной борьбы. Без активных военных действий терроризм не победить, но их явно недостаточно. Надо искоренять террор комплексно, лишая социального и культурного воспроизводства.

Анализ идеологии и истории террора с целью достижения понятийной конкретности – необходимое условие политической и социокультурной характеристики этого феномена. В настоящее время можно констатировать как факт высокий уровень разброса в толковании базовых понятий. Существенно различаются и взгляды на социально-культурные условия воспроизводства рядов террористов. В одной из своих публикаций мы специально исследовали проблему определения террора и попытались дифференцировать искомые понятия «террор» и «терроризм» [15, с. 122]. Здесь же сосредоточимся на обсуждении субъективных предположений распространения терроризма.

Бесспорно, среди основных обстоятельств, провоцирующих выбор личности в пользу при-

соединения к террористам, присутствуют неблагоприятные условия жизни. Многие авторы (В.В. Чеботарев, А.А. Налчаджян, С.А. Кокорин, Ю.Ф. Болдырев, А.В. Никитин и др.) связывают террористический выбор с явлением отчуждения. Отчуждение — необходимая форма выражения отношений личности с обществом. Таким способом каждый человек осуществляет свою социальную реальность. Состояние отчуждения встроено в естественный процесс развития отношений личности и социума, определяется конкретностью условий проявления. В нормальном виде отчуждение подчеркивает значение личности. Когда же отчуждение оказывается аномальным — насильственным, односторонним, оно вынуждает личность искать альтернативные варианты действия для достижения удовлетворения своему, в принципе, естественному праву иметь социальные гарантии нормального становления. В большинстве случаев отклонения в характере отчуждения не приводят в ряды террористов, поэтому важно установить дополнительный фактор, влияющий на выбор террора. Поняв данное обстоятельство, можно прогнозировать динамику роста участников террора и даже политически влиять на ограничение террористического резерва.

Отчуждение по форме осуществления — личностная деятельность, а по существу это явление социальное, в значительной мере обусловленное уровнем социализации личности, ее культурным статусом, соотношением психического и культурного развития. Культура служит «диспетчером» движения чувств, определяет выбор личностью способа отчуждения. Дефекты культурного развития личности и оказываются тем самым дополнительным условием ухода в терроризм. *Бытовые и экономические трудности напрямую мало кого ведут в отряды насильников, к террористам склоняют дефекты психического состояния в условиях культурной ограниченности, отсутствия системного культурного образования.* Культурное развитие может быть различного уровня, главное, чтобы оно сформировалось системно, не сводилось к случайным, частным приобретениям культурных ценностей. Ценность культуры в ее цельности, только в системном выражении культурное развитие способно помочь личности найти дорогу к универсальным человеческим ценностям, преодолеть временные сложности жизни.

Жизнь — это всегда борьба, но борьба в форме терроризма — частный случай, отвергаемый всеми религиями мирового масштаба. И христианство, и ислам, не говоря уже о буддизме и конфуцианстве, относят покушения на убийства к смертным грехам.

Культурная нищета имеет две формы: одна — сознательная отстраненность от культуры, подобно киникам или хиппи, вторая — культурный ералаш, самое опасное состояние сознания, порождающее самомнение.

В истории революционного движения в России наглядно выступила зависимость толкования террора от степени культурного статуса личности. Примером культивирования террора как следствия культурной ограниченности сознания личности может выступить история С.Г. Нечаева. Чиновник III отделения, расследовавший дело Нечаева, дает своему подопечному такую характеристику: «Всюду сквозит крайняя недостаточность его первоначального образования, но видна настойчивость и сила воли в той массе сведений, которые он приобрел впоследствии... но в то же время развились в нем и все недостатки самоучки: подозрительность, презрение, ненависть и вражда ко всему» [16, с. 50]. Остальные члены террористической организации С.Г. Нечаева мало чем отличались от лидера.

На противоположном от группы Нечаева фланге находились революционеры-интеллектуалы. Большинство из них получили университетское либо эквивалентное образование, системное культурное развитие; иными маршрутами двигались их чувства и мысли, другими были понимание террора и отношение к нему. Они так же, как и нечаевцы, признавали террор в качестве способа достижения революционно-демократических идей, но рассматривали подобные действия в порядке исключительной и максимально локализованной меры. Народовольцы сознавали неизбежность конфликта террора с нравственными принципами, допуская снятие противоречия насильственных действий с моральными ограничениями в акте жертвенности за социальные идеи. А. Камю писал о них: «Всю историю русского терроризма можно свести к борьбе горстки интеллектуалов против самодержавия на глазах безмолвствующего народа... ..Принесенные ими жертвы и самые крайности их протеста способствовали воплощению в жизнь новых моральных ценно-

стей, новых добродетелей. Взрывая бомбы, они, разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие» [17, с. 300].

Большая часть народников вообще не признала эффективность террористических акций, согласившись с террором как «частным делом». К примеру, П.А. Кропоткин, по воспоминаниям М.И. Гольдсмит (М. Корн), «право призывать к террористическим актам признавал только за тем, кто совершает их» [18, с. 185]. Последовательно скептическое отношение к террору Кропоткин никогда не скрывал, равно как и его ближайший соратник С.М. Степняк-Кравчинский. В письме к В.Н. Черкезову Кропоткин высказался прямо: «Вообще, террор возводить в систему, по-моему, глупо» [19, с. 16]. Степняк-Кравчинский пояснял: «Террор — ужасная вещь, есть только одна вещь хуже террора: это безропотно сносить насилие» [20, с. 307].

Версия о том, что «влияние террористических идей было чрезвычайно велико в российском освободительном движении», «их не чуждались, вопреки распространенному мнению, не только эсеры и анархисты, но и социал-демократы», активно продвигавшаяся в 1990-е годы О.В. Будницким [21, с. 15], отражала увлечения либеральными проектами в обновленной России. Приписывать терроризм социал-демократам можно только за счет подборки «нужных» цитат, оторванных от контекста. Будницкий путает отношение к практическим приемам борьбы с идеологическими принципами. Так и П.А. Кропоткина легко записать в сторонники террора, и П.Л. Лаврова, принявшего участие в Парижской коммуне. Приверженцам идеи популярности террора в революционной борьбе, развернувшейся в постреформенной России, интересно было бы откровение П.А. Кропоткина в «Записках революционера»: «...Та самая молодежь, которую Александр II в слепом страхе и ярости отправлял сотнями в ссылку и в каторжные работы, охраняла его в 1871—1878 годы. Самые социалистические программы кружков мешали повторению нового покушения на царя. Лозунгом того времени было: „Подготовьте в России широкое социалистическое движение среди крестьян и рабочих. О царе же и его советниках не хлопчите“... Теперь я могу обнародовать факт, который до сих пор неизвестен. Из южных губерний приехал однажды в Петербург молодой человек с твердым намерением убить Александр

ра II. Узнав об этом, некоторые чайковцы долго убеждали юношу не делать этого; но так как они не могли переубедить его, то заявили, что помешают ему силой. Зная, как слабо охранялся в ту пору Зимний дворец, я могу твердо сказать, что чайковцы тогда спасли Александра II. Так твердо была настроена тогда молодежь против той самой войны, в которую она бросилась потом с самоотвержением, когда чаша ее страданий переполнилась» [22, с. 280—281].

Переведя авторский язык художественного повествования на аналитическое описание изменений в отношении к терроризму в части народнического движения, получим то, о чем мы писали ранее: причина принятия сознанием террора — в деформации культурного развития. И совершается этот переход, когда культура личности либо «склеена из осколков» культуры, однобока и примитивна, либо, что бывает значительно реже, антикультура того, против кого (чего) идет борьба, вынуждает сделать заключение о невозможности культурной дуэли. Противник демонстрирует полное пренебрежение к культурным отношениям, заставляя бороться не по правилам культурного поединка, а в жестких рамках отсутствия свободы выбора. Александр II спровоцировал террористическую практику, но даже в условиях террористической борьбы «Народная воля» не отказалась от понимания террора в качестве эксклюзивной, временной, вынужденной обстоятельствами формы действий революционеров. Для народовольцев террор был не столько приемом революционной борьбы, сколько техническим инструментом подготовки революции, средством, заимствованным из истории сопротивления абсолютной власти. И здесь мы согласны с О.В. Будницким, утверждавшим, что П.А. Кропоткин единственным позитивным следствием террористических актов признавал их активирующее воздействие на народные массы [21, с. 314]. Во всех иных ракурсах террор был обречен, о чем убедительно свидетельствует вся история терроризма, включая национальную российскую. Пришедшие на смену народовольцам эсеры не напрягали себя нравственными переживаниями, спокойно миновали культурный барьер в рефлексии по поводу антигуманной сути терактов и выстроили антикультуру терроризма.

Признание нормальности терактов — вызов культурному наследию, переход к культу-

вированию террора – терроризму, вызов культурному будущему, что наглядно показывает современный терроризм. Самое страшное в развитии общества – распад культурной преемственности. «Распалась связь времен», – говорил герой В. Шекспира. С Гамлетом был солидарен А. Шопенгауэр: «Чтобы жить вполне обдуманно и извлекать из опыта же поучения, какие в нем содержатся, для этого нужно чаще обращаться мыслью назад и делать сводку тому, что пережито, сделано, испытано и пережито» [23, с. 197].

Таким образом, ни террор, ни выросший на базе террористической практики терроризм никогда по своей сути не были и не могли быть способом революционной борьбы. В терроре нет ничего созидательного. В частном случае теракты могли иметь локальное политическое значение и условное моральное оправдание в рамках ответной меры на политику, поправшую элементарные нормы естественных прав создающей части населения и общечеловеческой морали. Революционность народнического и эсеровского террора не более чем миф.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ницше Ф. Странник и его тень // Соч. В 3 т. Т. 2. М.: Refl-book, 1994. 400 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левина. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
3. Материалисты Древней Греции / под ред. М.А. Дынника. М.: Госполитиздат, 1955. 239 с.
4. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. В 55 т. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. 644 с.
5. Гайнутдин Р., муфтий. Фетва о недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны: принято на заседании Совета муфтиев России 28 мая 2002 г. URL: <http://muslim.ru/articles/280/8469/> (дата обращения: 23.12.2015).
6. Путин В.В. Выступление на международной конференции по климату в Париже // Российская газета. 2015. 1 дек.
7. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1981. 779 с.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 452 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 1510 с.
10. Костенко Н.А. Философия и безопасность. Новосибирск: Изд-во ИППКС ФСБ России, 1998. 166 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
12. Хорни К. Наши внутренние конфликты. М.: Академ. проект, 2007. 198 с.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
14. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Рус. яз., 1981. 683 с.
15. Мишин Ю.Д., Кочнев Е.А. Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма // Истор., филос., полит. и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. 3. Тамбов: Грамота, № 10 (60), 2015. С. 118–123.
16. Кункль А.А. Нечаев. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1929. 56 с.
17. Камю А. Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Мн.: Попурри, 1998. 544 с.
18. Корн М. (М.И. Гольдсмит). П.А. Кропоткин и русское революционное движение // Интернациональный сборник, посв. 10-й годовщине смерти П.А. Кропоткина. Чикаго, 1931. 275 с.
19. Письма П.А. Кропоткина к В.Н. Черкезову, 8 января 1904 г. // Каторга и ссылка. 1926. № 4 (25). С. 7–28.
20. Письма П.А. Кропоткина к Н.В. Чайковскому, 2 февраля 1895 г. // Рус. истор. архив. Сб. 1. Прага, 1927. С. 301–317.
21. Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 577 с.
22. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1966. 504 с.
23. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Рипол классик, 2009. 368 с.

КОЧНЕВ Евгений Анатольевич — преподаватель Сибирского государственного университета путей сообщения.

Россия, 630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191
e-mail: vulpinos@yandex.ru

МИШИН Юрий Дмитриевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой Сибирского государственного университета путей сообщения.

Россия, 630049, Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191
e-mail: filos@stu.ru

E.A. Kochnev, Yu.D. Mishin

TERRORISM IN THE CONTEXT OF GLOBAL DANGERS OF PEACEFUL DEVELOPMENT OF HUMANITY

The analysis of terrorism is output to the system level of global dangers. It is shown that unbalance of inter-regional and international relations inevitably leads to transformation of terrorism from global danger to the global threat. Terrorism has become a scale of world width phenomenon, and real possibilities of movement organizers allow considering the dynamic of terrorism as a global potential danger for peaceful humanity development. Only total activation of civil society, educational, and scientific mechanisms into anti-terrorist policy can ultimately narrow down a social base of the international terrorism, and prevent the global threat.

ANALYSIS OF TERRORISM; GLOBAL DANGERS; GLOBAL THREATS; CIVIL SOCIETY.

REFERENCES

1. Nietzsche F. Strannik i yego ten' [Wanderer and his shadow]. [Complete works]. In 3 vol. Of vol. 2. Moscow, Refl-book Publ., 1994. 400 p. (In Russ.)
2. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Sense and purpose of history]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 527 p. (In Russ.)
3. *Materialisty Drevney Gretsii* [Materialists of Ancient Greece]. Moscow, Politizdat Publ., 1955. 239 p. (In Russ.)
4. Lenin V.I. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the highest stage of capitalism]. [Complete works]. In 55 vol. Of vol. 27. Moscow, Politizdat Publ., 1969. 644 p. (In Russ.)
5. Gainutdin R., muftiy. *Fetva o nedopustimosti opravdaniya ekstremizma i terrorizma normami Korana i Sunny* [Fatwah about inadmissibility of a justification of extremism and terrorism standards of the Koran and Sunnah]. [Council of muftis 28.05.2002]. Available at: <http://muslim.ru/articles/280/8469/> (accessed 23.12.2015).
6. Putin V.V. Vystupleniye na mezhdunarodnoy konferentsii po klimatu v Parizhe [Speech on united nations conference on climate change]. *Rossiyskaya gazeta*. 2015. Dec. 1. (In Russ.)
7. Dal' V. *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of great Russian language]. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 779 p. (In Russ.)
8. Hobbes T. [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil]. [Complete works]. In 2 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 452 p. (In Russ.)
9. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Life and time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 1510 p. (In Russ.)

10. Kostenko N. *Filosofiya i bezopasnost'* [Philosophy and safety]. Novosibirsk, IPPKS FSB of Russia Publ., 1998. 166 p. (In Russ.)
11. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass. Estetica. Filosofiya kul'tury* [Revolt of masses. Esthetics. Culture philosophy]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 588 p. (In Russ.)
12. Horney K. *Nashi vnutrennie konflikty* [Our Inner Conflicts]. Moscow, Academicheskii proekt Publ., 2007. 198 p. (In Russ.)
13. [Strategy of national security of the Russian Federation till 2020. Decree of the Russian President]. *Rossiyskaya gazeta*. 2009. May 12. (In Russ.)
14. Dal' V. *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of great Russian language]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981. 683 p. (In Russ.)
15. Mishin U., Kochnev E. [Relevance of use combination system and dialectic approaches in understanding of terrorism]. [*Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*]. Pt. 3. Tambov, Gramota Publ., no. 10 (60), 2015. Pp. 118–123. (In Russ.)
16. Kunkl A.A. Nechaev. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'nykh poselentsev Publ., 1929. 56 p. (In Russ.)
17. Camus A. *Mif o Sizife. Buntuyuchshiy chelovek* [The myth about Sisyphus. The revolting person]. Minsk, Popurri Publ., 1998. 544 p. (In Russ.)
18. Korn M. (M.I. Goldsmith). [Kropotkin and Russian revolutionary movement]. [*The international collection devoted to the tenth anniversary of death of P.A. Kropotkin*]. Chicago Publ., 1931. 275 p. (In Russ.)
19. [P.A. Kropotkin's letters to V.N. Cherkezov], 8 january 1904. *Katorga i ssylka*, 1926, no. 4 (25), pp. 7–28. (In Russ.)
20. [P.A. Kropotkin's letters to N.V. Chaycovskiy], 2 february 1895. *Russian historical archive*. Col. 1. Praga, 1927. Pp. 301–317. (In Russ.)
21. Budnitskiy O. *Istoriya terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh* [History of terrorism in Russia in documents, biographies, researches]. Rostov-na-Donu, Fenix Publ., 1996. 577 p. (In Russ.)
22. Kropotkin P. *Zapiski revolyutsionera* [Notes revolutionaries]. Moscow, Mysl' Publ., 1966. 504 p. (In Russ.)
23. Schopenhauer A. *Aforizmy zhiteyskoy mudrosti* [Aphorisms of worldly wisdom]. Moscow, Ripol classic Publ., 2009. 368 p. (In Russ.)

KOCHNEV Evgeniy A. — *Siberian transport university.*

Ul. D. Koval'chuk, 191, Novosibirsk, 630049, Russia
e-mail: vulpinos@yandex.ru

MISHIN Yuriy D. — *Siberian transport university.*

Ul. D. Koval'chuk, 191, Novosibirsk, 630049, Russia
e-mail: filios@stu.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.2
УДК 316.347

А.И. Киселёв

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКИХ И НАЦИОНАЛИЗМ

В статье рассмотрены проблема формирования национальной идентичности русского народа и роль сознания в этом процессе. Автор поставил своей целью определить место русского народа в системе других социальных общностей и выявить болевые точки процесса возрождения его национального духа, устранение которых могло бы обеспечить устойчивое развитие страны. Исследованы основы объективного статуса русского народа в структуре населения страны, а также причины неприятия такового со стороны политических элит исторической России. Обосновываются позитивное значение национализма и необходимость построения адекватной модели межнациональных отношений.

РУССКИЙ НАРОД; НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ; КУЛЬТУРА; ИДЕНТИЧНОСТЬ; НАЦИОНАЛИЗМ; ЭЛИТА; ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС; ТРАДИЦИЯ; ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Духовность и национальное самосознание – необходимое условие незыблемости, самобытности и могущества России на всем протяжении ее существования, и всякий раз их надлом или серьезное повреждение приводили к смутам и катастрофическим потрясениям основ народной жизни. Русский народ, как никакой другой, возложив на свои плечи бремя трудовых, государственно-строительных и военных тягот, объективно является системообразующим ядром российского общества, олицетворением державной нации, ибо она «основала, создала и держит государство... В России державною господствующей нацией является русская нация, а другие должны согласовывать с ней свою жизнь». При этом всякий инородец, сохраняющий свои веру, язык, обычаи и традиции в повседневности, но направляющий свою деятельность на благо державной нации, «является истинным сыном России и пользуется всеми правами русского гражданина. Он является равным любому члену державной нации и приемлется ею, как таковой» [1].

Будучи титульной нацией в составе исторической России, русские выработали особые черты национального духа и характера, среди которых доброта, отзывчивость, великодушие, инстинкт государственности, патриотизм, артельность, нестяжательство, жажда справед-

ливости, мужество, миролюбие, терпение, совестливость, религиозность и мессианство как готовность пострадать «за други своя», за то, чтобы удержать мир от эсхатологического финала (в этом многие мыслители видят смысл пребывания русского народа на планете). Всемирный русский народный собор принял Декларацию о русской идентичности, в которой определил: «Русский – это человек, считающий себя русским; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа на протяжении всей его истории» [Цит. по: 2, с. 2]. Но русским по духу не естественнее ли стать русскому по крови, по этнической принадлежности?

Народ организуется в нацию на базе сознательно принятых общих ценностей, смыслов и мировоззренческих установок, т. е. культурного кода, который реализуется посредством государственно-политической и социально-экономической деятельности. Не всегда, однако, соответствующие институты и социальные группы действовали плодотворно. Если до XVI в. они выражали глубинные потребности этнонационального развития, то впоследствии пренебрегали ими (и даже противостояли им), что порождало деструктивные явления во всех сферах

российского общества. Идея «Святой Руси» спланировала народ, возвышала его в собственных глазах и накладывала на всех (и простых смертных, и царей) особую ответственность за духовно-нравственное состояние социума и каждого его члена. Единая вера, единое чувство, единый Путь! Всякая же деформация этого потенциала приводила к тяжелейшим последствиям. Так, в середине XVII в. произошел церковный раскол, пошатнувший веру отцов и посеявший хаос в людских сердцах. В 1667 г. были отменены решения суверенно-русского Стоглавого собора, и церковь стала придатком государственной машины, а не защитницей народа от ее чрезмерных посягательств. А Петровские реформы уже разделили само этнокультурное поле нации и сам народ на два полюса: дворянство, ставшее инородным образованием, подпавшим под европейское влияние, и крестьянство – хранителя исторической памяти, традиций и православия. «Два направления русского духа в его историческом развитии после Петра Великого сводятся к двум мыслям: мы утратили свою самобытность и мы отстали от просвещенного Запада» [3, с. 175]. Причем это преклонение перед иноземным часто принимало форму пресмыкательства и раболепия, сопровождалось презрением ко всему отечественному.

В России русские юридически и фактически не были доминирующей общностью и не ассимилировали нерусские народы. Окраины часто обладали большими правами и льготами (на Севере и в Сибири отсутствовал институт крепостничества; на Кавказе и в Средней Азии неправославное население освобождалось от воинской повинности, жило по своим традиционным канонам, а крест соседствовал с полумесяцем).

Русские отстранялись от реального участия в судьбе страны, и этнический состав Российской империи не был преобразован в нацию, а государство – в национальное государство. Поэтому степень экономической и культурной интеграции оказывалась недостаточной, чтобы обеспечить надежное развитие общества. Реформа 1861 г. ударила «одним концом по барину, другим – по мужику», дав новый толчок как разложению крестьянского общинного мира, так и распаду «дворянских гнезд», их отрыву от земли и народной культуры, что подготовило благоприятные предпосылки событий Февраля

и Октября 1917 г., ставших очередными вехами отречения от старого (т. е. соборно-православного русского) мира.

Национальный дух русского народа всячески третировался и подавлялся в период, когда осуществлялся курс на перманентную мировую революцию, призванную окончательно разрешить национальный вопрос. А те, кто пытался своим творчеством выражать чаяния и помыслы русского народа, подвергались травле, гонениям, репрессиям, вплоть до расстрела (Клюев, Клычков, Ганин, Есенин и мн. др.). Повсеместно переименовывались улицы и города, осквернялись православные храмы, памятники и могилы героев, шли аресты видных историков и славистов-русистов.

И только в преддверии страшнейших испытаний, например войны, власть вспоминала об отечественной культуре и реабилитировала русских деятелей истории, искусства и науки (на время). И хотя к 1937 г. место русского народа в советской семье других социальных общностей определялось как «великий», «первый среди равных», «старший брат» и т. п., он был исключен из состава субъектов советской федерации. И тост Сталина «За великий русский народ!», произнесенный на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. в честь командующих войсками Красной армии, не изменил ситуацию. Политика разрушения этнонациональных основ государственности привела к тому, что, например, 1,2 млн граждан СССР воевали в войсках вермахта и служили в полиции в годы Великой Отечественной войны.

Нельзя обойти вниманием и экономический аспект проблемы. Русские объявлялись виновными в исторической отсталости национальных окраин и, следовательно, были обязаны завоевывать их доверие, поставив себя в заведомо худшие условия жизни, чтобы ликвидировать фактическое их неравенство. Еще председатель Совнаркома А.И. Рыков указывал, что Россия отличается от всех колониальных государств тем, что наши национальные образования существуют за счет метрополии, а не наоборот. Аналогичную мысль высказал уже в 1989 г. израильский политолог М.С. Агурский: «Главный национальный вопрос в СССР – русский, не армянский, не эстонский, не еврейский, а русский. Русский народ, русская культура подвергались наибольшему подавлению».

нию. Сравнительно высокий уровень жизни в Закавказье и Средней Азии осуществляется за счет России» [Цит. по: 4, с. 383]. А председатель правительства РФ Н.И. Рыжков в 1994 г. констатировал: «Русский народ не был империей... Начиная с 1917 года Россия постоянно отдавала больше, чем получала от других республик» [Там же. С. 351].

И, наконец, 90-е гг. XX в. – апофеоз игнорирования национальных интересов страны, совершенного номенклатурно-криминальной буржуазией, которой дорогу к власти расчищали либеральные круги интеллигенции и СМИ, принадлежавшие новоявленным олигархам и их ставленникам. Ими осуществлялась целенаправленная политика, ориентированная на разрушение ментальности русского и других коренных народов России, искоренение традиций, осмеяние национальных святынь и символов, глумление над нравственными устоями и чувством гордости за великую Родину. Тотально культивировалась беспочвенность. Результат? Денационализация русского народа! Распад СССР привел не к повышению, а к снижению статуса русского народа в угоду другим. Уклон был сделан на построение этнонациональных государств, в то время как русские, оставаясь титульной общностью всего российского населения, вновь, как и при образовании СССР, не получили своей государственной суверенности. Попытки же ускоренно формировать общероссийскую нацию (как согражданство) без учета интересов русского (и не только) народа и вопреки им вряд ли будут успешными.

Мало сохранить русский народ как этнос, как потенциальную опору державности и православия, как потенциальный гарант спокойствия и стабильности общества в его многонациональном составе. Народ утрачивает способность реализовать эти возможности в той мере, в какой поколеблен его стержень – национальное сознание. Возродить его – вот задача. Для этого необходимо посредством системы воспитания, образования и просвещения воссоединить деchristианизированное и денационализированное население с ценностями православно-национального духа, активно противодействовать космополитизму и глобализму в форме глобализации, поддерживая суверенность государства как основу, на которой только и сможет вырасти и устоять русский народ.

Осуществить такой поворот сложно, если мы учтем и тот факт, что коллективный Запад объявил информационную войну России, чтобы принудить ее к покаянию и извинениям за свою непохожесть и альтернативность культурно-цивилизационного развития, и это желание с поразительной готовностью воспринято российской интеллигенцией, так как в ее рядах уже давно взошли ростки смердяковского комплекса неполноценности [См.: 5, с. 2]. Насколько нова данная оценка? Еще в 1882 г. К. Леонтьев отмечал: «Интеллигенция русская стала слишком либеральна, т. е. пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она мало национальна именно там, где следует быть национальной. Творчества своего у нее нет ни в чем; она только всё учится спокон веку у всех и никого ничему своему не учит и научить не может, ибо у нее нет своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски. Русская интеллигенция так создана, что она, чем дальше, тем бесцветнее; чем дальше, тем сходнее с любой европейской интеллигенцией; и она без разбора, как огромный и простодушный страус, глотает все камни, стекла побитые, обломки медных замков (лишь бы эти стекла и замки были западной фабрики)» [Цит. по: 6, с. 73]. Эту жесткую характеристику, конечно, нельзя отнести ко всей интеллигенции страны, а только к той ее части (пусть и значительной), у которой перерублены национальные корни.

В связи с этим возникает несколько принципиальных вопросов, без решения которых нельзя построить адекватную модель межнациональных отношений в РФ:

- Почему русские, составляя 80 % населения страны, до сих пор не обрели своих государственных границ, своего гимна и флага, своего законно избранного президента, своего законодательного собрания, правительства и других подходящих институтов, а все остальные ее народы такими государственными образованиями обзавелись (так, у 7,02 % населения – нерусского – имеются: 21 республика, национальная область и 10 национальных округов)? Почему если русским не нужна своя республика, то другим она жизненно необходима?

- Почему у русских нет своей политической партии, которая выражала и отстаивала бы интересы державной нации?

- Почему налоги, взимаемые с республик, входящих в состав РФ, несоизмеримо меньше,

чем налоги с остальных субъектов Федерации, и их лепта в финансирование социальных программ, вооруженных сил и пополнение казны непропорциональна мала?

- Почему под покровом десталинизации и демократизации продолжается коренизация высшего и среднего управленческого аппарата, сопровождаемая вытеснением русских кадров из национальных республик?

- Почему с поощрения властей реабилитация репрессированных народов опять-таки оборачивается массовым выездом русского населения?

- Почему в стране с преобладанием русских процветает русофобия?

- Почему патриотизм окраинных республик всегда прогрессивен, а русский всегда реакционен (шовинизм, фашизм и т. п.)? Почему самоопределение русского народа всячески клеймится, а самоопределение других народов — это условие их развития? Где логика и здравый смысл?

- Почему государство не выработало систему поощрительных мер, открывающих простор для возвращения русских — самой разделенной нации в мире — на историческую родину и восстановления их семей?

- Почему в верхних слоях российского общества заметно больше нерусских, чем в нижних?

Можно предположить, что отсутствие русской республики удобно для оттока средств и ресурсов в национальные образования, поэтому их нерусские элиты препятствовали при советском режиме, препятствуют и впредь будут активно препятствовать перспективе ее создания. Объяснение такого положения вещей может быть дополнено и следующим доводом: любой глава России опасается «иметь рядом с собой и помимо себя официального выразителя интересов русской нации. В этом же кроется действительная причина той легкости, с которой в стране с преобладающим русским населением живет совершенно немыслимая... русофобия» [4, с. 358].

Сюда же логично приплюсовать и многовековую практику, направленную на обуздание пробуждающегося национального самосознания русского народа, ставшую нормой и предрассудком политического мышления элит, замороженных западным образом жизни как эталонным и единственно возможным. «Нужно только найти и взрастить предателей среди

элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное — дело времени» (Отто фон Бисмарк). Перенимать чужое надо осмотрительно и избирательно, а не заимствовать всё скопом слепо и фанатично. «Гражданские учреждения должны быть сообразимы с характером народа: что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле» [7, с. 90]. Но такой подход способен демонстрировать лишь политический класс, воспринимающий себя как плоть от плоти и дух от духа русского народа в качестве его представителя и уполномоченного, оставаясь нераздельно с ним в поражениях и победах. Только действенная любовь и забота могут исцелить от недугов и восстановить волю к жизни и борьбе. Не велика заслуга причислять себя к народу в его силе и славе, а попробуйте его любить жертвенно — в немоги, страданиях и заблуждениях. Антинациональные страты элиты необходимо отрешить от рычагов власти не на словах, а на деле, применяя все средства давления, предусмотренные Конституцией РФ, во имя будущего России.

К негативным факторам, усугубляющим ситуацию, относится также легальная и нелегальная миграция, которая размывает этническую среду обитания коренного населения и не поддается интеграции, что рано или поздно взорвет изнутри российское общество, переводя его в качественно другое состояние. Да и либеральная идеология работает, по сути, в том же направлении — изменения идентичности, навязывая социуму ценности «я — цивилизация» в ущерб идеалам «мы — цивилизация», исконно присущим русским людям. Эти тенденции стали возможными и в результате уклонения государства от выполнения культурно-воспитательных функций в полном объеме.

Если народ как нация формируется и организуется животворящим духом (культурным кодом), если политический класс реализует национальные интересы народа, то что же такое национализм? В современной науке обычно различают два вида национализма: этнический и гражданский. Мы считаем данное употребление некорректным. Борьбу определенного этноса за выживание целесообразнее обозначить термином «этнизм», а национализм, включающий в себя чувство сопричастности определенной

системе ценностей и смыслов, есть способ самоутверждения народа в качестве самостоятельного субъекта, сделавшего однажды свободный и самостоятельный выбор исторического пути к идеалу как образу должного бытия. Подлинный, «истинный национализм есть не темная, антихристианская страсть, но *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ – к духовному расцвету» [8, с. 332].

Национализм предполагает защиту самобытности народа, понимание его судьбы и ответственность за выполнение принимаемой миссии. Сколько наций, столько и национализмов. Безнациональное общество – агонизирующая конгломерация людей. Национализм призван отделять своих от чужих, «мы» от «они» и отстаивать собственную идентичность перед внешними угрозами и посягательствами на национально-государственную независимость с перспективой растворения в чужеродной среде, а также сохранять единство и целостность народа в период обострения внутренних противоречий. «Национализм – это проявление уважения, любви и преданности до самопожертвования в настоящем, почтения и преклонения перед прошлым и желания благоденствия, славы, величия, мощи и успеха в будущем (той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит)» [1, с. 9]. И в современных зарубежных изданиях (например, в «Американском политическом словаре», «Британской энциклопедии» и др.) национализм трактуется исключительно в позитивном значении – как верность и приверженность своей нации, как готовность ставить общественное выше личного.

Национализм надо воспитывать и развивать, отстраняя неверные интерпретации. В частности, недопустимо отождествлять его с идеологией враждебности и ненависти. Нельзя также считать, что нация и соответственно национализм есть порождение только индустриальной эпохи. Неоправданно ставить знак равенства между национализмом и нацизмом, который как раз базируется на признании врожденной неравноценности народов и превосходстве одних над другими, что морально оправдывает практику истребления «неполноценных» (американцы признавали «неполноценными» индейцев и чернокожих, опираясь на закон «одной капли крови», если она обнаруживается вплоть до 7-го колена; немцы –

славян, цыган, евреев, а нынешние украинские нацисты – русских жителей ДНР и ЛНР).

Русский национализм в силу ранее выявленных типовых черт характера русского народа (по словам Ф.М. Достоевского, «...ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено...») и его места среди других – гарант целостности страны и ее успешного развития.

На политический класс России возлагается особое упование за состояние общественного организма. Национально мыслящая, национально чувствующая и национально действующая элита никогда не допустит развала экономики и научно-технического потенциала страны и превращения ее в топливно-энергетический придаток мирового сообщества, ослабления геополитических позиций государства, опустошения и гибели десятков тысяч деревень и сел, вымирания населения исконно русских земель (Псковская, Новгородская, Тверская, Смоленская области), чудовищного обогащения одних и погружения в нищету миллионов других соотечественников, бегства капиталов и «мозгов» за границу, деятельности СМИ, растлевающих сознание молодого поколения и отравляющих соборную душу народа.

Разнообразный состав народов России – благо, так как чем сложнее система, тем она пластичнее и стабильнее по отношению к историческим вызовам и резким колебаниям окружающей среды, но при условии установления оптимального режима функционирования центрального структурного компонента общества, к которому относится русский народ как государствообразующий этнос и нация. Искусство управления этнонациональными отношениями требует огромных интеллектуальных усилий, и здесь нет однозначных решений. Есть лишь варианты решений как материал для размышлений и вероятностных прогнозов.

1. Устройство РФ должно включать в себя и русскую республику. Только тогда будет обеспечиваться полное и фактическое равенство всех субъектов Федерации и равноправие национальных групп внутри каждого из них.

2. Россия – государство русских с предоставлением широкой национально-территориальной и культурной автономии для всех других народов.

3. Во избежание потенциального сепаратизма должно быть восстановлено административно-хозяйственное деление страны вместо национально-территориального.

4. Сложившееся этнонациональное положение в стране консервируется, а разрешение

противоречий в этой сфере откладывается на неопределенный срок.

Какой сценарий будет реализован, покажет время, но в любом случае «русский народ был, есть и будет главным народом России! Ему не жить без России, и России не жить без него» [9, с. 313].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалевский П.И. Психология русской нации. Пг., 1915. 60 с.

2. Демури́н М. Время осознать себя // Лит. газ. 2014. 26 ноября – 7 декабря.

3. Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея: антол. М.: Республика, 1992. С. 171–184.

4. Вдовин А.И. Подлинная история русских. XX век. М.: Алгоритм, 2010. 432 с.

5. Макаров А. Почему нас не любят // Лит. газ. 2014. 9–25 ноября.

6. Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии / сост. С. Фомин. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Серда-Пресс, 1998. 560 с.

7. Карамзин Н.М. Записки о новой и древней России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. 125 с.

8. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Одинокий художник. М.: Искусство, 1993. 347 с.

9. Самоваров А.В. Останутся ли в России русские? М.: Яуза-пресс, 2010. 320 с.

КИСЕЛЁВ Анатолий Иванович — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: amalexey@gmail.com

A.I. Kiselev

THE NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIANS AND NATIONALISM

The article is devoted the problem of forming the national identity of the Russian people and the role of consciousness in this process. Studed as the bases of its objective status in the structure of the population of the country and the causes non-recognition by political elites of historical Russia. The positive value of nationalism and need to build adequate model of interethnic relations are substantiated.

RUSSIAN PEOPLE; NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS; IDENTITY; NATIONALISM; ELITE; POLITICAL CLASS; TRADITION; INTELLIGENSIA.

REFERENCES

1. Kovalevskiy P.I. *Psikhologiya russkoy natsii*. Petrograd, 1915. 60 p. (In Russ.)
2. Demurin M. Vremya osoznat' sebya. *Literaturnaya gazeta*, 2014, 26 Nov. – 7 Dec. (In Russ.)
3. Kareyev N.I. O dukhe russkoy nauki. *Russkaya ideya: antologiya*. Moscow, Respublika Publ., 1992. Pp. 171–184. (In Russ.)
4. Vdovin A.I. *Podlinnaya istoriya russkikh. XX vek*. Moscow, Algoritm Publ., 2010. 432 p. (In Russ.)
5. Makarov A. Pochemu nas ne lyubyat. *Literaturnaya gazeta*, 2014, 9–25 Nov. (In Russ.)
6. *Rossiya pered vtorym prishestviyem. Materialy k ocherku Russkoy eskhatologii*. Moscow, Serda-Press Publ., 1998. 560 p. (In Russ.)
7. Karamzin N.M. *Zapiski o novoy i drevney Rossii v yeye politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 125 p. (In Russ.)
8. Ilin I.A. *Osnovy khristianskoy kul'tury. Odinokiy khudozhnik*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1993. 347 p. (In Russ.)
9. Samovarov A.V. *Ostanutsya li v Rossii ruskiye?* Moscow, Yauza-press Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)

KISELEV Anatoliy I. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: amalexey@gmail.com

DOI 10.5862/JHSS.244.3
УДК 130 2:717.026

О.М. Кудина

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОГО И НАРРАТИВНОГО ОБРАЗА В ПРОВОЦИРОВАНИИ АФФЕКТА МАССЫ

Проанализирован визуальный и нарративный образ, способный провоцировать аффект массы. Сравниваются визуальный ряд греческих скульптур в фильме Л. Рифеншталь «Олимпия» и выступления Гитлера. Для сравнительного анализа был применен структурный метод К. Леви-Стросса, который дает возможность сопоставить взаимоисключающие культурные образы. Автор развивает идею о разделении образа и наррации (Лессинг «Лаокоон») и делает вывод, что визуальный образ (фильм «Олимпия») дает представление о новом теле нации, выстраивая его в каноне древнегреческой скульптуры. Выступления Гитлера исключают эстетизацию страданий, в его речи проявляется голос униженной нации. Перед нами принцип синхронии: визуальный опыт представляет пластика греческой скульптуры; внутренний протест получает выражение в страстном говорении, в речи.

ОБРАЗ И НАРРАЦИЯ; АФФЕКТ МАССЫ; САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИИ; СИНХРОНИЯ.

В интерпретации визуальных образов в современном социогуманитарном знании используют следующие методы: семиотический (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон, Р. Барт, Ю. Лотман), структурный (К. Леви-Стросс, В. Пропп), дискурсивный (М. Фуко), психологический анализ (гештальт-теория) [10, с. 34–74, 108]. Накопленные методы исследования позволяют говорить о необходимости создания новой дисциплины «visual studies» [12]. Остается открытым вопрос: что будет положено в основу новой дисциплины? Предметом визуального может стать аффективная интенциональность: желание, отвращение, ностальгия, эйфория [2], т. е. аффект, который и побуждает нас смотреть на фотографию, картину, рекламу, харизматическую личность и т. д.

Актуальность данного исследования состоит в том, что разработка проблематики визуального позволяет применять различные методы анализа для исследования аффектов власти, структур подчинения «вождь – масса». Работы западных философов и социологов, таких как Э. Канетти (политическая антропология), М. Фуко (археология знания, в том числе и политического), Р. Барт (политическая семиология), Ж. Рансьер и Д. Агамбен (политическая философия), позволили расширить понятие

феномена власти и привести новую методологию для исследования данной проблемы.

Постановка проблемы возникла при знакомстве с докладом В.А. Подорога «„Голос власти” и „письмо власти”» [14], а также с работой К. Леви-Стросса «Путь масок» [7]. В.А. Подорога пишет, что Гитлер был «эмпириком массы» и ее «вождем». Чтобы масса образовалась, нужен голос вождя, при этом скорее животный, чем человеческий или божественный. Коммуникативная структура реализуется как «вождь – архитектурная форма – массовидное тело». Сталинский режим реализовал другую схему: «вождь – святой текст власти – массовидное тело» [14, с. 109–110].

Цель нашего исследования – продолжить логику работ В.А. Подорога и К. Леви-Стросса и применить структурный метод для анализа коммуникативной связи «вождь – масса», но уже в контексте феномена визуальности.

Чтобы понять, почему именно тот или иной визуальный образ способен вызвать аффект массы, в качестве рабочей гипотезы мы выдвигаем предположение, что визуальный образ (лицо-маска) должен рассматриваться в целом ряде масок [7], т. е. образов, которые представляют культурный опыт. Рассмотрим это на примере визуальных образов А. Гитлера

и образа новой Германии, созданного в фильме «Олимпия» Л. Рифеншталь.

При анализе визуальных образов мы будем исходить из учения об эстетике А. Шопенгауэра, Г. Лессинга, а также учитывать работы К. Леви-Стросса и концепцию К. Юнга о равновесии между сознанием и бессознательным и работу Ж. Лакана «Функция и поле речи и языка в психоанализе» [6].

Немецкий историк философии К. Фишер относит учение А. Шопенгауэра не к области морали и искусства, а к эстетике, мораль же он определяет как следствие воли. Эстетика в учении Шопенгауэра занимает третье место, этика – четвертое, последнее. Воля проявляет себя в формах, образах тел и аффектах людей, поэтому можно говорить об объективации воли в эстетике. Так как воля – это суть предметов от низших до высших, то и искусство подразделяется на три части: изобразительное искусство, поэзию, музыку. В изобразительном искусстве Шопенгауэр анализирует архитектуру и скульптуру. При анализе скульптуры он пишет, что высшая объективация воли проявляется в образе тела. Задача греческой скульптуры – изображать не только красоту, но и пластику, поэтому изображение обнаженных тел призвано выражать собой не аффекты, а именно пластику. Греческая скульптура выражает идеал человеческой красоты и пластики.

Тот факт, что в пластике движений невозможен крик, Шопенгауэр связал с тем, что изобразительное искусство – это немое искусство. Только голосовые виды искусства могут выразить крик страдания во всей его силе. Эту идею о разделении образа и наррации (голоса) впервые подверг анализу Г. Лессинг в работе «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» [9]. Идея разграничения как раз и состоит в том, что скульптура и живопись – это немые искусства, в отличие от поэзии. Лессинг утверждал, что страдание, выраженное криком, несовместимо с сущностью изобразительного искусства, так как оно призвано показывать красоту [18, с. 400–401]. В текстах Гомера и Софокла, как писал Лессинг, крик выражает страдание и боль. Раненые герои Гомера с криком падают на землю. Даже Марс, раненный Диомедом, кричит, как тысячи разъяренных воинов. Но скульптура Лаокоона выражает боль только телом, лицо же показывает нам страдание. В древнегреческом

искусстве крик от физической боли должен быть совместим с величием духа. Но для этого греки ослабляли нестерпимую физическую боль в скульптуре и живописи, заменяя крик стоном. Этот прием должен был совместить красоту с телесной болью [9, с. 389]. Боль выражает предельную точку аффекта, эстетизация или сокрытие боли должно дать воображению свободу.

Стон Лаокоона позволяет представить его кричащим, но изображение только крика лишает нас этого, за криком от непереносимой боли может следовать только смерть. Цель греческого искусства состоит в том, чтобы привести боль, страдания, ненависть на уровень осмысления, духа, преодолеть в человеке самый аффект. И если текст позволяет проговорить страдания и боль, то искусство, как визуальный тип восприятия, устанавливает свои границы и требования. Так, Тимонах изображает Медею не в момент убийства ею своих детей, а немного раньше, когда материнская любовь борется с ревностью. И этот выбор художника успешен, так как дает зрителю возможность почувствовать борьбу страстей и, несмотря на известный финал, надеяться на другой исход [Там же. С. 398–399].

Можно предположить, что визуальный образ может выражать себя в «высоких» аффектах человеческой души. «Высокие» аффекты можно определить как ряд преобразованных душевных переживаний, боли, страдания. Визуальный ряд «высоких» аффектов представлен пластикой греческих образов («Олимпия»), а вот наррация – «низкими» аффектами, которые звучат в речи. Голос можно рассматривать как способ идентификации личности по признаку ландшафта (месту, где родился), по признаку рода. В этом случае «низкие» аффекты воплощаются в голосе, который ближе к природному, к архэнации. В нашем примере – это речь Гитлера, которая во время его выступлений была одновременно и угрожающей, и умоляющей. «Его слова напоминали удары кнута. Когда он говорил о позоре Германии, я готов был с кулаками наброситься на врага. Он казался вторым Лютером» [16, с. 35]. Эти слова поражали людей, ни одна политическая группа того времени не имела оратора, который так воздействовал бы на слушателей.

Мы предполагаем, что образ и, главное, речь Гитлера представляют собой реакцию масс

на социальное положение Германии после Первой мировой войны (по Версальскому договору Германия потеряла ряд своих земель, все колонии, боеспособную армию и должна была выплатить странам-победителям огромный долг — более 200 млрд рейхсмарок золотом, товарами, судами и ценными бумагами) [4, с. 89]. Образы олимпийских героев, спустившихся с Олимпа, чтобы побеждать в честь нового народа Германии («Олимпия» Р. Рифеншталь), — это другой полюс проявления аффекта.

Перед нами два образа — визуальный и нарративный. Первый из них работает на внешний вид нации — лицо, второй — на внутренний протест нации — крик. Визуальный образ — это дань греческой классической традиции как в искусстве, так и в философии. Поиск собственных истоков заставил немецких мыслителей XIX—XX вв. обратиться к древнегреческой философии. Это была попытка немецкой культуры стать частью европейского мира, войти на равных в западную мировую мысль [13].

С возникновением науки вождеведения научные академические работы меняют предмет своего исследования, теперь главным в изучении становятся не идеальные ценности (классическая философия, поэзия, искусство), а национальные и социальные идеи. Диссертация Э. фон Литтров «Основы вождизма», работа Г. Мелиса «Вождь и народное сообщество», доклад К.А. Эмге «Идеи по философии вождизма», прочитанный в Обществе общепользуемой деятельности в Любеке, работа Г.Б. Брауссе «Система руководства немецким народом. Основы науки о руководстве» и ряд других работ [17, с. 599–607] прямо указывают на сложившийся в академической среде интерес к проблеме руководства и воспитания сильной личности.

Так, Г. Мелис пишет, что его поколение отличается от поколения Канта и Гете, а также всего немецкого идеализма. Немецкий народный характер не изменился, изменилась система ценностей. В немецком идеализме вся интеллектуальная мысль была отдана философии и искусству, теперь «немецкая поэзия — это не райская птичка, а мысль не блуждает по метафизическим задворкам» [Там же. С. 125], и в государстве идеальное должно сочетаться с реальным, жизнь принимает новые формы. Новое — это сильная и свободная Германия.

Сосуществование разных типов опыта в одно время можно объяснить, применяя анализ К. Леви-Стросса к ряду масок [7]. Танцевальные маски обряда инициации Британской Колумбии воплощают в себе образы страха, смерти, поглощения. Уникальность этого искусства в том, что оно в какой-то мере структурно повторяет визуальный и телесный опыт, вписывающий индивида в христианский архетип: тема страстей и распятия, мистическая трансформация вина и хлеба в плоть Христа, пост, аскеза, раскаяние и др. История церкви знает разные способы приобщения к телу Христа. В XIII—XIV вв. это образ нищенствующего и странствующего Христа, в XV—XVI вв. — образ страдающего и униженного Христа и др. [5, с. 30]. Тема карнавала, изображения египетских гробниц также отражают эту традицию.

«Не только мифы, но и маски не поддаются интерпретации в себе и для себя как изолированные объекты. Миф обретает значение, только будучи помещен в группу из своих трансформаций» [7, с. 25]. Тот же анализ можно применить и к маскам. «Функции масок казались непонятными в самой их дробности, с их выступающими глазами, отвисшей нижней челюстью, выставляющей язык, и даже демонический стиль, не похожий не только на маски другой культуры, но и на свой собственный, внутренний стиль» [Там же. С. 24]. Чтобы понять назначение масок, нужно поместить их в целый ряд масок, так же как и миф, который Леви-Стросс рассматривал во всех его вариантах [7]. Далее Леви-Стросс предлагает рассматривать маски в соответствии с их происхождением. Из данной работы мы предлагаем взять несколько идей, применимых для нашего анализа.

1. Маска не существует в единичном варианте; она подразумевает другие маски, всегда присутствующие у нее по сторонам, реальные либо возможные, которые могли бы быть альтернативой для того, чтобы заменить ее собой.

2. Маска является прежде всего не тем, что она изображает, но тем, что она трансформирует. Как и миф, маска и отрицает, и утверждает; она построена на том, что она говорит, и на том, что она исключает [Там же. С. 94].

Ни мифы, ни маски не могут быть интерпретированы как изолированные объекты, т. е. взятые по отдельности. Для их анализа нужен

весь ряд масок, принадлежащий к данной культурной группе.

Маски, которые анализирует Леви-Стросс, были предназначены для ритуалов потлача, инициации, а также для свадеб и похорон. Инвариативный признак масок просматривался в их происхождении: островные маски упали с неба, и каждая из них доставила особое благо: оружие, орудия охоты или рыболовства, домашнюю утварь, магическое лекарство, а маски континента пришлось с трудом добывать из-под воды, из хтонического мира.

Можно предположить, что визуальный ряд, представленный античными героями в фильме «Олимпия», — это тело, предназначенное для воспитания и тренировки (гимнастика, скульптура, театр) [15, с. 316], а речи Гитлера — это крик униженной нации, требующей самоутверждения и возвращения статуса независимости, поэтому они могут рассматриваться как проявление хтонического начала, архэ немецкой нации.

Разделение опыта на два типа мы можем объяснить влиянием греческой культуры и протестантизма, который, как писал К.Г. Юнг, привел к оживлению древних дохристианских символов Германии. Механизм, способствующий подобному проявлению в культуре, постулирован Юнгом в концепции того, что сознание и бессознательное должны находиться в равновесии. При нарушении этого равновесия, когда содержания бессознательного теряют свое символическое выражение, бессознательное обращается к архаическим мифам. В качестве такого примера Юнг приводит Германию времен Второго рейха (1871–1918). С реформой церкви символы, наполняющие сознание смыслом и полнотой бытия, потеряли свою силу. Католический символизм включает в себя частично самые разные символы, которые гораздо древнее христианства, например символ тела Христова. Этот символизм принадлежит культуре Митры. Ритуал освящения воды восходит к алхимической процедуре вечной воды. Данные и другие мистерии заключают в себе традиции, сложившиеся за несколько сот лет до христианства. В этих ритуалах человек выражает базовые психологические состояния. Изменение или упрощение этих символов приводит к нарушению символической жизни, а следовательно, к нарушению равновесия между сознанием

и бессознательным. Протестантизм исключил многие таинства, поэтому религиозный символизм утратил свою силу и на смену ему пришли древнегерманские мифы [21, с. 9].

Изобразительное искусство, скульптура воплощают собой высокую культуру и дают нам прекрасные и совершенные образы («Олимпия»), а наррация, крик в выступлениях Гитлера призваны заявить об унижении нации. Оба эти способа несут в себе одно и то же сообщение: мы нация, достойная уважения.

И здесь применим еще один вывод, сделанный Леви-Строссом: пластический аспект маски проявляет себя в том, что, несмотря на инверсию пластической формы (замена одной маски на другую), сообщение остается тем же.

Другими словами, предъявляемые культурные маски, выражающие «высокие» и «низкие» аффекты масс, несут в себе одинаковый смысл, но рассматривать их надо в общем единстве. Высокое греческое искусство (образный ряд, созданный Рифеншталь) воплощает в себе способность немецкой нации усваивать образцы другой культуры и приобщать их к своему культурному опыту. Визуальный образ заимствуется из греческой скульптуры. Нарративный образ включает в себя страстное говорение, речь, которая соответствует инстинктивной природе человека. Голос принадлежит к природной особенности человека. В голосе или звучании присутствует бытие. Ж. Деррида по поводу голоса замечает, что у человека есть три различных голоса: разговорный, членораздельный; поющий или мелодический; страстный, интонированный. Последний пользуется языком страстей, который одушевляет и пение, и речь [3].

В нашем исследовании можно использовать понятие глоссы, выраженного интонацией, ритмом, тембром. Природная основа речи во многом сохраняет энергию рода, порождения, энергетику ландшафта. М. Хайдеггер рассматривает пространство диалекта как пространство земли. Язык диалекта земной, «родной», территориально замкнутый, всегда «здесь», и он не поддается воздействию других языков и наречий и разворачивается благодаря силам земли. Диалектную форму языка философ называет высшей формой языка, подлинным языком, языком бытия [19, с. 261]. Язык бытия можно сравнить с голосом природы. Невозможно послушаться мягкого голо-

са природы, т. е. сострадания. Голос природы нельзя понимать как чувство вседозволенности. Мягкого голоса матери ребенок не может послушаться, это голос природы, который непреклонен. Материнский закон — это голос. Нарушить естественную привязанность — значит заменить ее страстью [3, с. 330].

Голос проявляет себя как обмен речевыми потоками и подключает телесный опыт. Это выражается в его интонации, ритме, тембре, диалектном звучании. Голос может выдавать значимость ситуации. Эмоциональность, иступленность речи Гитлера и отклик на нее слушателей показывают, что он стал выражением ожидания всего народа в условиях политической и экономической ситуации Германии после Первой мировой войны. Голос стал выражением близости кризиса, к которому пришла нация после всех попыток создать единое национальное государство.

Поиск национальной идеи, которая объединила бы немецкие земли в империю в конце XIX в. (1871—1890), привел к тому, что романтические представления о германском величии в общественном сознании связывались со Средними веками. Вильгельм I в своем титуле германского императора видел лишь уступку времени [16, с. 112]. Император Вильгельм II интересовался древнеримскими пограничными укреплениями — лимесами, содействовал их реставрации и проведению раскопок. В 1900 г. по его приказу в крепости Заальбург, части лимеса, пришедшие в упадок древнеримские сооружения были частично восстановлены или выстроены заново в соответствии с оригиналами. После поражения Германии в Первой мировой войне и подписания Версальского договора пострадало не только государство, но и сам дух нации, ее престиж и самоуважение. Все мечты о мировой державе рухнули. Веймарская республика просуществовала на кредиты США недолго (1924—1933). «В конце 1931 г. союзническая комиссия констатировала неплатежеспособность страны, что означало конец репарационных платежей» [20, с. 171].

То, что голос подключает телесный опыт и проявляет инстинктивную природу человека, видно в «страданиях» Гитлера на его портретах. Эти эмоции исходят из его заявлений о том, что Германия «**пострадала**» и только он сможет извлечь ее от этого унижения.

Гитлер предлагал **избавление от вины**. На собрании лидеров национал-социалистов он, в частности, говорил: «...Вы оставили шахты, пашни, повседневные работы, чтобы разделить это чувство: мы вместе... и мы теперь — Германия!» В своих выступлениях Гитлер нередко рассуждал о «**воскресении**» немецкого народа, заявлял: «Я иду той дорогой, которой ведет меня **Провидение**» [16, с. 143]. Используемые им религиозные термины, тем не менее, не подразумевали христианский опыт, это была риторика, призванная подчеркнуть значимость и судьбоносность собственной фигуры. В разговоре с А. Шпеером Гитлер как-то заметил: «Ты знаешь, нам не повезло — нам попалась неправильная религия. Почему нам не досталась религия японцев, в которой наивысшим благом считается пожертвовать собой во благо родины? Даже мусульманская вера подошла бы нам больше, чем христианство с его кротостью и мягкотелостью» [Там же. С. 142].

«Страдания Германии», «избавление от вины», «провидение», «воскресение» — эти слова присутствуют в структуре речи в выступлениях Гитлера. Речь является функцией защиты. Защита может перерасти в нападение: громкий голос, угрожающие жесты. Она позволяет уходить от проблемы. Не меньшее значение имеет еще один регистр — ритм, т. е. скорость речи: быстрая — медленная. Так, если человек находится в экстатическом переживании, когда бессознательное аффектирует его (побуждает к некоторому аффекту, например к аффекту речи), он может говорить быстро, как бы захлебываясь, перебивая самого себя, не заканчивая фразы, пропуская слова, повторяя их. Такая ритмическая речь может свидетельствовать об истечении желания, которое настолько бурное, сильное и мощное, что бессознательное «прорывает плотину» и выражает себя в некоторых аффектах речи. Быстрая (убыстренная), захватывающая речь может свидетельствовать о некотором освобождении потоков бессознательного, канализирующихся через речь. Когда человека захватывает какая-то эмоция и она продуцирована или инициирована прорывом бессознательного, язык, особенно структура речи, является тем препятствием, которое человек хотел бы преодолеть, и речь разрушается в пользу проговаривания бессознательного.

Идея мировой державы, которая так долго пыталась обрести Слово, наконец прорывается через речь Гитлера. Его выступления становятся воплощением того События, которого так долго ждали: мечты о признании, об избавлении от унижения, о сильной империи. Для анализа речи Гитлера предлагаем взять разбор структуры речи и языка, предложенный Ж. Лаканом в работе «Функция и поле речи и языка в психоанализе» [6]. Рассматривая функцию речи при анализе пациентов, Лакан различает пустую речь и полную. Пустая речь поглощена проговариванием обыденных, даже стереотипных высказываний. Речь наполненная должна выразить истину, в этом смысле она ближе к символическому. В процессе психоаналитического анализа речи, исходя из лакановского треугольника «реальное — воображаемое — символическое», она располагается между воображаемым и реальным [1]. И эта речь не является ложной. Ее можно рассматривать как процесс становления собственной истории, которая существует в виде речи, адресованной другому. Д. Оруэлл в рецензии на «Майн кампф» писал о Гитлере: «У него трагическое, несчастное, как у собаки, выражение, лицо человека, страдающего от невыносимых несправедливостей» [цит по: 16, с. 140]. Важной составляющей речей Гитлера было высказывание о том, что Германия «пострадала» и что именно ему суждено исправить эту ошибку. Он меньше говорит о политике, больше — о судьбе, которая предлагает им великий крестовый поход. Речь полная (символическая) упорядочивает проявления прошлого: все попытки внутренней консолидации и мечта о мировой державе оказались несостоятельными, отсюда всё напряжение появилось в идее страдающей и униженной Германии. Напряжение, в котором существовала немецкая нация, нашло свое выражение в аффектах речи Гитлера: его слова об избавлении от вины, провидении и воскресении новой нации и сильной империи прорвали границу бессознательного. Подобные события есть проявления принципа синхронии.

Как пишет Ж. Лакан, бессознательное — это часть личной истории, которая прошла цензуру [6]. Но событие личной истории может быть восстановлено в традициях и легендах, которые облакаются в героизированные формы. Гитлера называли мессией, посланником

Бога, верой и светом, его личность была героизирована и выдвинута на роль спасителя нации. При этом именно христианская часть истории была утрачена и осталась только фигура вождя, харизматического лидера. Примечательно, что слово «фюрер» прежде употреблялось лишь в сочетаниях типа «водитель локомотива». В XVII–XVIII вв. фюрер — это промежуточное звено между солдатом и офицером [17, с. 68].

Можно предположить, что совпадения ожиданий бессознательного нации есть дискурс другого. В ходе работы психоаналитик должен вписать часть истории бессознательного субъекта в дискурс. К. Леви-Стросс в работе «Структурная антропология», в главе «Эффективность символов», сравнивает работу современного психоаналитика с ритуалом, который выполняет шаман при излечении роженицы. Если в работе с пациентом психоаналитик — это слушатель, то шаман — оратор и герой, поскольку он дает избавление от страданий. Оба метода создают определенное переживание. В первом случае это индивидуальный миф, а во втором — социальный, привнесенный извне, который изначально не соответствует состоянию пациента. Отреагирование должно быть подготовлено, поэтому шаман говорит [8].

Если провести параллель с приходом к власти национал-социалистов, то первоначально эта партия была немногочисленной, ее поддерживали штурмовики, которых набирали из числа мелкой буржуазии, чиновников, деклассированных элементов. Гитлер вначале еще не мог держаться как вождь, фюрер, но он упорно тренировался. Сохранились фотографии из альбома личного фотографа Гитлера, на которых он практикуется в произнесении речей перед зеркалом, затем эти навыки были применены на практике [11]. Коллективные аффекты, выражавшие себя в идеях немецкого национализма с конца XIX в., были подавлены Первой мировой войной, кризисом экономики и политики и поучили свое разрешение в речах Гитлера. «К январю 1930 г. в Германии было более 3 млн безработных и около 4 млн частично занятых. В этой атмосфере многие немцы с готовностью внимали призывам Гитлера к национальному единству. На выборах 1930 г. количество голосов выросло с 2,5 до 18,3 %. Такой результат был достигнут без подробной политической программы» [20, с. 86].

Если ожидания и дискурс совпадают, дискурс можно рассматривать как полную речь. Визуальный образ статичен, а голос динамичен и призван передавать разные коннотации, что дает нам возможность применять разные способы интерпретаций.

Таким образом, коммуникативная структура «вождь — масса» устанавливает и проявляет себя двояко: анализ показал разделение образа и нарратива. Структурный метод К. Леви-Стросса позволил нам расширить понимание визуального и нарративного образа и рассматривать не один, а ряд образов в одном временном срезе. Образ новой Германии в фильме Л. Рифеншталь «Олимпия» и образ Гитлера — это два совершенно разных образа, которые стали выражением нового лица нации. Методологически возможности структурализма позволяют собрать такие феномены и проанализировать их визуальное и нарративное расхождение. Основная идея при анализе структуры мифов состоит в том, что

миф существует как полный и неполный вариант и может функционировать и при неполном наборе событий. Эту концепцию Леви-Стросс применяет и к разбору ряда различных масок, принадлежащих одной культурной группе. В культуре визуальный образ не существует в единичном варианте. Мы пришли к выводу, что в провоцировании аффекта массы визуальный образ дополняется нарративным, что также можно рассматривать, используя принцип синхронии/диахронии. Принцип синхронии позволяет анализировать события, происходящие в один период времени. В данном случае синхрония проявляется в том, что для создания визуального образа Л. Рифеншталь использовала античную эстетику, чтобы в ней воплотить идеал духа и новой телесности нацистской Германии. Одновременно нарративный образ близок архэ нации и воплощен в голосе Гитлера, ставшем голосом нации. Последнее мы рассматривали как проявление идей вождизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.А. Лакан. Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/1607.html>.
2. Барт Р. *Camera lucida: комментарий к фотографии* / пер. с фр., послесл. и коммент. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с.
3. Деррида Ж. *О грамматологии* / пер. с фр. и вступ. ст. Н.А. Автономовой. М.: Ad marginem, 2000.
4. *История дипломатии* / сост. А. Лактионов. М.: АСТ : АСТ Москва, 2006.
5. *История тела*. В 3 т. Т. 1. От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло; пер. с фр. М.С. Неклюдовой, А.В. Стоговой. М.: Новое лит. обозрение, 2012.
6. Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. Доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис, 1995. URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Levi_Strauss_Mask.html.
7. Леви-Стросс К. *Путь масок* / пер. с фр. А.Б. Островского. М., 2000. URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Levi_Strauss_Mask.html.
8. Леви-Стросс К. *Структурная антропология* / пер. с фр. В.В. Иванова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
9. Лессинг Г.Э. *Лаокоон, или О границах живописи и поэзии* / пер. с нем. Е. Эдельсона, под ред. Н.Н. Кузнецовой // Избр. произв. М.: Худож. лит., 1953. С. 385–516.
10. Назаров М.М., Папантиму М.А. *Визуальные образы в социальной и маркетинговой коммуникации*. М.: Либроком, 2009.
11. *Обыкновенный фашизм: док. фильм [VD]* / авт. сцен. М. Ромм и др., реж.-пост. М. Ромм. М.: Крупный план, 1999.
12. Петровская Е.В. *Теория образа*. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 281 с.
13. Подорога В.А. *О чем спрашивают, когда спрашивают, что такое философия? Доклад на ученом совете, декабрь 2006 г.* URL: <http://podoroga.com/shto.html>.
14. Подорога В.А. «Голос власти» и «письмо власти» // *Тоталитаризм как исторический феномен*. М., 1989. С. 108–111.
15. Подорога В.А. *Феноменология тела*. Введение в философскую антропологию: матер. лекционных курсов 1992–1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995. 339 с.
16. Рис Л. *Темная харизма Адольфа Гитлера. Ведущий миллионы в пропасть* / пер. с англ. В. Евменова. М.: КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2014.
17. *Философия вождизма: хрестоматия по вождению* / пер. с нем. А.М. Иванова; предисл., сост. и ил. В.Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2006.
18. Фишер К. *История новой философии*. Т. 9. Артур Шопенгауэр. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
19. Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. 447 с.
20. Шульце Х. *Краткая история Германии* / пер. с нем. В.А. Брун-Цеховой. М.: Весь мир, 2004.
21. Юнг К.Г. *Структура психики и архетипы* / пер. с нем. Т.А. Ребеко. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2009.

КУДИНА Оксана Михайловна – библиотекарь, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

Россия, 690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

e-mail: oksana.kudinavl@mail.ru

O.M. Kudina

ROLE OF A VISUAL AND NARRATIVE IMAGE IN PROVOKING OF AFFECT OF WEIGHT

The article analyses the visual and narrative image which is capable to provoke the affect of the crowd. For this purpose the author compares a visual number of the Greek sculptures in L. Rifenshtal's movie "Olimpia" and Hilter's speeches. The comparative analysis applies structural method of K. Levi-Stros, which gives the chance to compare mutually exclusive cultural images. Furthermore, the author develops the idea of separation of an image and narration (Lessing "Laokoon") and draws a conclusion that the visual image (movie "Olimpia") provides an idea of a new body of the nation, developing it in terms of the Ancient Greek sculpture. In addition, we can see that Hilter's speeches exclude the aestheticization of sufferings. His speech demonstrates the Voice of the humiliated nation. Therefore, we can see the principle of synchronism: the plasticity of the Greek sculpture represents the visual experience; the internal protest receives expression in passionate speaking, in the speech.

IMAGE AND NARRATION; AFFECT OF THE CROWD; SELF DETERMINATION OF THE NATION; SYNCHRONISM.

REFERENCES

1. Avtonomova N.A. Lakan. Novaya filosofskaya entsiklopediya. Available at: <http://iph.ras.ru/elib/1607.html>.
2. Bart R. Camera lucida: kommentariy k fotografii. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 223 p. (In Russ.)
3. Derrida Zh. O grammatologii. Moscow, Ad marginem Publ., 2000. (In Russ.)
4. Istoriya diplomatii. Moscow, AST, AST Moskva Publ., 2006. (In Russ.)
5. Istoriya tela. In 3 vol. Of vol. 1. Ot Renessansa do epokhi Prosveshcheniya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. (In Russ.)
6. Lakan Zh. Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize. Doklad na Rimskom kongresse, chitan-nyy v Institute psikhologii Rimskogo universiteta 26 i 27 sentyabrya 1953 goda. Moscow, Gnozis Publ., 1995. Available at: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Levi_Strauss_Mask.html.
7. Levi-Stross K. Put' masok. Moscow, 2000. Available at: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Levi_Strauss_Mask.html.
8. Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001. 512 p. (In Russ.)
9. Lessing G.E. Laokoon, ili O granitsakh zhivopisi i poezii. *Selected works*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1953. Pp. 385–516. (In Russ.)
10. Nazarov M.M., Papantimu M.A. Vizual'nyye obrazy v sotsial'noy i marketingovoy kommunikatsii. Moscow, Librokom Publ., 2009. (In Russ.)
11. Obyknoennyy fashizm: dokumental'nyy fil'm: [VD]. Moscow, Krupnyy plan Publ., 1999. (In Russ.)
12. Petrovskaya Ye.V. Teoriya obraza. Moscow, RGGU Publ., 2012. 281 p. (In Russ.)
13. Podoroga V.A. O chem sprashivayut, kogda sprashivayut, chto takoye filosofiya? Doklad na uchenom soвете. Dekabr' 2006 g. Available at: <http://podoroga.com/shto.html>.

14. Podoroga V.A. "Golos vlasti" i "pismo vlasti". *Totalitarizm kak istoricheskiy fenomen*. Moscow, 1989. Pp. 108–111. (In Russ.)
15. Podoroga V. Fenomenologiya tela. Vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu: materialy lektsionnykh kursov 1992–1994 gg. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 339 p. (In Russ.)
16. Ris L. Temnaya kharizma Adol'fa Gitlera. *Vedushchiy milliony v propast'*. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2014. (In Russ.)
17. *Filosofiya vozhdizma: khrestomatiya po vozhdedeniyu*. Moscow, Belyye alvy Publ., 2006. (In Russ.)
18. Fisher K. *Istoriya novoy filosofii*. Of vol. 9. Artur Shopengauer. Moscow, Direktmedia Publishing Publ., 2008. (In Russ.)
19. Khaydegger M. *Vremya i bytiye*. Moscow, Respublika Publ., 1993. 447 p. (In Russ.)
20. Shultse Kh. *Kratkaya istoriya Germanii*. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. (In Russ.)
21. Yung K.G. *Struktura psikhiki i arkhetypy*. Moscow, Akademicheskiy proyekt Publ., 2009. (In Russ.)

KUDINA Oksana M. – *Vladivostok State University Economics and Service*.

Ul. Gogolya, 41, Vladivostok, 690014, Russia

e-mail: oksana.kudinavl@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.244.4

УДК 122/129

Д.И. Кузнецов, Н.В. Симанова

ЕВРАЗИЙСКИЙ ОБРАЗ МИРА И СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена актуальной проблеме развития евразийских интеграций в современном высшем образовании. Проанализированы общая тенденция развития высшей школы по евразийскому вектору и возможные перспективы развития отечественной науки в рамках партнерских отношений технических вузов евразийского пространства. Определена роль университетов в формировании нового образа специалиста, соответствующего требованиям современных глобальных и глокальных условий, а также их влияние на постепенные попытки организации нового образа мира, важным звеном которого является Евразийский регион. В качестве примера глокального евразийского университета рассмотрен Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИИ; ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ; ЕВРАЗИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ; НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ГЛОКАЛЬНОСТЬ; САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО.

Современные евразийские идеи продвигают понимание необходимости объединения народов евразийского пространства для формирования новой уникальной и сильной ячейки мировой системы. При этом цель данных преобразований заключается не в возрождении Советского Союза, а в построении нового объединения, основанного на общей историчности стран Евразии, их культуре и защите своих национальных интересов в условиях глобализации. Евразийский мир подразумевает самостоятельное развитие всех стран-участниц, объединенных в Евразийский союз, но при их активном сотрудничестве и взаимоуважении, т. е. по принципу партнерских взаимодействий, а не слияния воедино. Основные сферы, где начинают постепенно реализовываться евразийские идеи, — это экономика и высшее образование, представляющее собой главный институт формирования мировосприятия среди молодежи.

Сегодня высшее образование, ключевым звеном которого являются университеты, — один из главных факторов устойчивого, эффективного и гармоничного развития территорий и общества. Высшие школы не только продвига-

ют научно-исследовательскую деятельность, но и сами создают ее в собственных лабораториях и научных центрах, способствуя развитию общества, экономики, производства и, как следствие, международных отношений.

С одной стороны, международные влияния являются стимулом развития новых знаний, технологий и практик в вузовской среде. Именно это лежит в основе гонки за первенство среди университетов, за статус «мирового вуза», что влечет за собой необходимую сегодня для их качественного развития активную академическую мобильность среди студентов и преподавателей, а также лидерство в научной и образовательной деятельности. С другой стороны, международные влияния унифицируют системы образования и исследования в вузах, задавая им единые, вне зависимости от специфики менталитета, традиций и практик, стандарты развития.

Оба случая важны с точки зрения развития отечественной науки и евразийского образования. При этом в первой ситуации можно говорить о формировании единого образовательного пространства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и развитии многостороннего со-

трудничества России в рамках ЕАЭС, БРИКС, ШОС, СНГ и АТР. Именно это направление и представляет собой основной вектор современных евразийских научно-образовательных интеграций. Во втором случае, учитывая опасность полной унификации и стандартизации системы обучения и проведения исследовательских работ, стоит говорить о необходимости глокализации современного образования, которая является ключевым компромиссом развития отечественной науки в глобальном мире.

Основной вектор развития отечественной университетской среды сегодня постепенно смещается на Восток, что представляет собой абсолютно логичный и перспективный шаг для всей евразийской высшей школы. В основе данного развития лежит понимание национальных интересов, а также традиционной и исторической общности России и Азиатского региона.

К настоящему времени в АТР уже обучается треть от общего мирового числа студентов, активно участвующих в программах международной академической мобильности. При этом более половины мировых мегауниверситетов, а именно тех, количество студентов в которых составляет не менее 100 тыс. человек, размещены в АТР. Образовательные процессы в регионе характеризуются созданием крупных открытых университетов, быстрым развитием дистанционного и трансграничного образования, широким применением информационно-коммуникационных технологий. В качестве примеров специалисты называют Малазийский мультимедийный суперкоридор, 15 цифровых университетов в Республике Корея, 67 онлайн-колледжей при университетах Китая и т. д. По версии QS (Quacquarelli Symonds World University Rankings) 2012–2013 гг. в «Топ 500» мировых университетов включены 235 университетов из 15 государств АТР [1]. Эти данные доказывают перспективность азиатского направления, а значит, и строгую необходимость иметь с ними партнерские отношения и развивать совместные образовательные и научно-исследовательские программы.

Сегодня существует множество объединений, направленных в том числе и на создание и развитие единого образовательного пространства Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов. К этим организациям относятся: международная некоммерческая организа-

ция «Азиатско-Тихоокеанская ассоциация международного образования» (Asia-Pacific Association for International Education – APAIE), главной целью которой является активизация и укрепление интернационализации высшего образования в АТР и во всем мире и решение проблем обучаемых в сфере международного образования; созданная в 2009 г. Международная ассоциация транспортных университетов стран АТР (МАТУ АТР) (International Association of Transport Universities of Asian Pacific Countries), в которую в настоящее время входят 12 транспортных вузов и организаций из России, КНР, Республики Корея, Японии, Монголии, Австралии и Казахстана [2]; образованная в 2013 г. и ставшая основой для формирования единого образовательного пространства Ассоциация азиатских университетов, в которую вошли Россия, Китай, Армения, Казахстан, Киргизия, Монголия, Таджикистан [1].

Россия, являясь евразийским государством, играет ключевую роль в развитии образовательных систем на границе Востока и Запада, именно поэтому эффективные евразийские интеграции в образовательной среде являются важным аспектом, способным решить вопросы качественного образования современной молодежи и формирования профессиональных специалистов – патриотов, готовых и желающих развивать отечественную науку и общество в целом.

При этом особенно важным остается вопрос сохранения своей национальной особенности в рамках глобального характера образовательных интеграций, в чем положительную роль играет именно евразийское направление, основывающееся на поддержании традиционных, культурных, исторических и ментальных особенностей каждой страны-участницы евразийского пространства. Неотделимым свойством евразийских интеграций является их глокальный характер, подразумевающий сохранение своих локальных особенностей при выходе на глобальный уровень.

Так, престиж вузов сегодня определяется их местом в рейтингах как своей страны, так и мировых. Это означает, что учебные заведения осуществляют свою деятельность по определенным глобальным научным и образовательным стандартам, определяющим успешность вузов. Подобные системы ориентируют и готовят выпускников к трудоустройству на ведущие

международные предприятия и производства. При этом важным аспектом является наличие у каждого университета своей истории, культуры и традиций, что объединяет учащихся и сотрудников, а также влияет на формирование определенного вектора внутреннего и внешнего развития. И именно этот фактор представляет собой локальную составляющую.

Главная цель, которую пытаются достичь вузы, следуя стандартам и пытаясь занять высшее место в системе рейтингов, заключается в стремлении стать университетами мирового класса. Как отмечает в своей книге «Создание университетов мирового класса» Д. Салми, международный эксперт в области высшего образования, в основе этого становления лежат два важных фактора: внешний – роль правительства на национальном, региональном и местном уровнях и ресурсы, привлекаемые для повышения статуса университета, и внутренний – внедрение возможностей самих университетов, т. е. необходимые процессы изменений и шаги, которые требуется сделать по пути к созданию учебных заведений мирового класса [3, с. 8]. Очевидно, что данные факторы также представляют собой глобальные и локальные уровни воздействия на формирование внутренней университетской среды, соответствующей международным стандартам.

В данном случае прослеживается парадокс глобально-локальных отношений. Стремление вывести государственные университеты на мировой уровень приводит к следованию глобальным унифицированным стандартам, что, в свою очередь, ведет к упадку традиционной национальной системы образования из-за сильных различий в экономической, управленческой и научной базах вузов. Этому также способствует академическая мобильность студентов и преподавателей. Академическая замкнутость, когда в вузе обучаются и работают только представители определенной страны, приводит к застою в научно-исследовательской и образовательной деятельности вуза, а чрезмерная академическая мобильность, наоборот, создает слишком разрозненную и глобальную научную среду, которая теряет национальные специфические черты, но увеличивает показатели международной активности вуза, выводя его на лучшие позиции рейтингов. Таким образом, не только отсутствие, но и чрезмерное наличие международных

обменов студентами и преподавателями может иметь негативные последствия для системы образования.

Говоря о глокальных университетах, следует понимать их прямую связь с евразийскими интеграциями, поскольку они представляют собой отражение единых целей и задач на образовательном и научном международном рынке. Вопросы евразийского направления в образовании всё чаще звучат в ведущих университетах России и стран Евразийского региона как фактор создания единого образовательного и духовного пространства, тем самым совершаются плавные шаги к реализации одной из главных идей евразийской философии – организации нового мирового уклада с важной ролью Евразийского региона. Так, с 1992 г. значительный вклад в формирование, развитие и сохранение единого евразийского образовательного пространства и гуманитарного сотрудничества вносит Евразийская ассоциация университетов, которая осуществляет мероприятия, направленные на практическую реализацию идей евразийства в сфере образования и науки [4].

Сегодня уже активно работают Евразийский открытый институт (г. Москва) и Евразийский национальный университет (ЕНУ) им. Л.Н. Гумилева (г. Астана). Они базируются на тесной интеграции образования, науки и производства в первую очередь в Евразийском регионе и стремятся стать его ведущими научными и образовательными центрами, в том числе в области самых приоритетных современных направлений подготовки специалистов.

В октябре 2015 г. председатель Госдумы РФ С.Е. Нарышкин сообщил о разработке концепции сетевого университета ЕАЭС и новых учебных курсов по специальности «Евразийская интеграция». В их создании и организации под руководством ректора МГУ В.А. Садовниченко будут принимать участие ведущие университеты стран ЕАЭС. При этом акцентируется внимание на том, что одним из ключевых направлений обучения молодых специалистов станут вопросы ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути [5].

Кроме того, организуются специальные молодежные евразийские школы для подготовки молодых специалистов в области развития евразийской интеграции и реализации проекта ЕАЭС, а также для популяризации евразийской

интеграции, формирования позитивного образа ЕАЭС в молодежной среде и средствах массовой информации [6].

Целью данных евразийских школ и университетов является возвращение таких кадров, которые видели бы необходимость и приоритетность развития России и стран евразийского пространства именно по евразийскому пути и способствовали этому, а также стали бы высококлассными профессионалами в области гуманитарных и технических знаний и развивали отечественную и евразийскую науки, обеспечив качественную конкуренцию ведущим мировым университетам и производствам.

В качестве примера глокального университета, развивающего евразийский интеграционный вектор образовательных и научно-исследовательских связей, можно привести *Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ)*. Являясь одним из ведущих мировых университетов и развиваясь соответственно международным требованиям, СПбПУ чтит и хранит свою историю, культуру и традиции, прививая их всем студентам и аспирантам. И, что особенно важно в рамках рассмотрения глокальной специфики, при выходе на международный уровень коммуникаций — конференции и выставки, академические мобильности, укрепление партнерских отношений — обязательным элементом представления университета становится демонстрация его символики и национальных особенностей культуры и традиций вуза и страны в целом.

СПбПУ является одним из участников программы «5-100-2020», главная цель которой к 2020 г. обеспечить входение не менее пяти российских вузов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно QS World University Rankings. В соответствии с данной программой Политехнический университет модернизируется и развивается как глобальный конкурентоспособный научно-образовательный центр, интегрирующий мультидисциплинарные научные исследования и технологии мирового уровня, повышает общее качество академической мобильности, в том числе привлекая международных профессоров к чтению лекций и ведению практических занятий. Университет делает значительный акцент на расширение возможности студентов обучаться за рубежом по программам двойных

дипломов, участвовать в международных стажировках, а также летних и зимних школах.

Благодаря этому в 2015 г. СПбПУ попал сразу в два ведущих мировых рейтинга (THE и QS), заняв в каждом из них одну из лидирующих позиций: по результатам рейтинга THE WUR 2015/2016 — 201–250-е место в общем мировом рейтинге и 2-е место среди 21 российского университета; QS BRICS — 60-е место среди мировых и 9-е место среди российских вузов; QS WUR — 471–480-е и 7-е места соответственно [7]. Эти данные подтверждают качество научно-исследовательской и образовательной деятельности вуза на мировом рынке.

В настоящее время в СПбПУ обучается 4540 иностранных студентов из 115 стран, работают 148 иностранных преподавателей. Подписаны 342 партнерских соглашения с вузами со всего мира, среди которых стратегическими партнерами являются: Университет Цинхуа, Чжецзянский университет, Технический университет Берлина, Политехнический университет Милана, Университет Штутгарта, Ганноверский университет им. Лейбница, Университет Сити Лондон, Политехнический университет Валенсии, Лаппеенрантский университет технологий, Технический университет Граца, Белорусско-Российский университет, Российско-Армянский (Славянский) университет. Кроме того, подписано 86 соглашений с зарубежными компаниями-партнерами, что дает возможность заниматься практическими разработками с ведущими мировыми специалистами на крупных мировых производствах, не только европейских, но и евразийских, что очень важно [8]. Научная часть университета поддерживает публикационную активность, направленную на рост публикационных показателей. Данная глобальная сторона деятельности вуза дает шанс СПбПУ претендовать на входение в число университетов мирового класса за счет развития в рамках приоритетных направлений международных унифицированных стандартов контроля образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Однако при этом особенно важным является вопрос локальных, внутригосударственных и внутриуниверситетских потребностей, так как единые мировые стандарты не учитывают внутреннюю специфику каждого университета. СПбПУ — глокальный университет,

поскольку он ведет активную международную деятельность, развивая совместные проекты, сотрудничество и академические обмены, и при этом эффективно поддерживает свою историчность, создавая аллеи памяти выдающихся ученых – выпускников вуза, стимулирует отечественные разработки и достижения, а также поддерживает своих преподавателей, студентов и аспирантов в получении грантов, стипендий и субсидий, способствующих развитию именно отечественной науки и образования.

СПбПУ ведет активную научно-образовательную и культурно-просветительскую деятельность, в том числе, как отмечалось выше, и международную. Основные университеты-партнеры представляют такие страны, как Германия, США, Великобритания, Канада, Франция, Италия, Испания, Швеция, Финляндия и др. Студенты и аспиранты имеют возможность проходить стажировки и обучаться во многих европейских вузах, которые являются востребованными научными центрами, однако дают знания, основанные на европейских стандартах и нормах, зачастую расходящихся с отечественными видениями изучаемой проблемы. При этом Политехнический университет начал активно развивать научно-партнерские отношения с университетами стран Азии, среди которых Китай, Индонезия, Казахстан, Киргизия, Монголия, Вьетнам, Узбекистан [9].

Однако наиболее важными стратегическими партнерами СПбПУ в рамках развития евразийских идей, исследований и взаимодействий сегодня являются Российско-Армянский (Славянский) университет и Белорусско-Российский университет. Кроме того, близким партнерским вузом, также имеющим большое значение для формирования единого евразийского идейно-образовательного пространства, является Киргизско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина.

Российско-Армянский (Славянский) университет (РАУ) был основан в 1997 г. Одним из приоритетных направлений деятельности РАУ является развитие международного сотрудничества, направленное на интеграцию вуза в мировое образовательное и научное пространство. Им подписаны договоры о сотрудничестве более чем с 60 ведущими вузами и организациями Российской Федерации и зарубежья. Универ-

ситет учредил Почетный орден РАУ, которым награждаются наиболее видные деятели науки, образования, искусства, культуры и литературы, политики, бизнеса, внесшие весомый вклад в становление, укрепление и развитие отношений между Арменией и Россией в различных областях деятельности, в укрепление дружбы между российским и армянским народами, а также в развитие РАУ как центра, очага российского образования и культуры в Армении и в регионе в целом [10].

Белорусско-Российский университет (БРУ) является уникальным международным образовательным центром в Белоруссии, так как он представляет возможность обучения по белорусским и российским образовательным стандартам с получением диплома о высшем образовании государственного образца Белоруссии и России. Подготовка специалистов по образовательным программам РФ с выдачей российских дипломов государственного образца в университете осуществляется с 2003 г. В настоящее время международное сотрудничество БРУ осуществляется по трем основным направлениям: образовательное, инновационное и научно-техническое взаимодействие с вузами и научными учреждениями РФ, стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. На начало 2015 г. вузом заключено 95 договоров с учреждениями образования РФ в области образовательного и научного сотрудничества [11].

Киргизско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (КРСУ) участвует в активации образовательного, научного и культурного сотрудничества государств – участников СНГ, развитии процессов интеграции в области образования и науки, удовлетворения образовательных и культурных потребностей российских соотечественников в Киргизии. Большое внимание уделяется научно-инновационной деятельности в вузе, которая направлена на развитие интеллектуальной деятельности университета и коммерциализации ее результатов, а также на создание условий для правовой защиты результатов творческой деятельности как вуза, так и авторов, что способствует укреплению вузовской науки [12].

Для всех рассматриваемых университетов развитие и поддержание международных отношений является приоритетным направлением развития научно-образовательной деятельно-

сти. Вузы осуществляют совместную подготовку инженеров, поддерживают студенческие и аспирантские программы обучения по обмену, направленные на модернизацию и развитие системы инженерных знаний учащихся, а также академическую мобильность преподавателей для чтения лекций и обмена опытом. Взаимодействие рассматриваемых университетов является важным аспектом в поддержании и развитии научно-образовательной и культурной сфер их деятельности, в укреплении общей системы научно-культурных ценностей учащихся. Наличие контактов и общих программ между данными вузами способно стать хорошей базой для формирования единого круга ценностей и интересов в образовательной, научно-исследовательской и культурной деятельности вузов, что приведет к объединению России, Армении, Белоруссии и Киргизии в образовательное евразийское пространство. Это будет способствовать развитию научно-исследовательской деятельности, не ориентированной на западные стандарты, а формирующей свои собственные и уникальные требования, ценности и способы мотивации в сфере образования.

Подобные партнерские отношения могут способствовать развитию у молодежи патриотических чувств по отношению к научной деятельности своих стран за счет демонстрации отечественных достижений в исследовательской и проектной деятельности, повышению уровня вовлеченности молодежи в практический процесс изучения. Это будет способствовать также росту уровня заинтересованности молодых инженеров и ученых в развитии отечественных разработок в своих родных вузах или университетах-партнерах, входящих в евразийское пространство. Качественное развитие евразийских коммуникаций в сфере образования сможет стать фактором, снижающим уровень миграции российских квалифицированных и талантливых выпускников в западноевропейские и американские исследовательские институты и соответственно способствующим развитию отечественной науки.

Развитие и постепенное внедрение евразийских идей в современное общественное и политическое сознание ведет к формированию нового образа современного мира, а его важным звеном является Евразийский регион, основу которого

составляют страны евразийского пространства, совместно развивающиеся и взаимодействующие на основе партнерских отношений, базирующиеся на взаимоуважении, культурной, исторической и национальной самодостаточности.

При этом одним из ключевых факторов развития и осуществления данных идей является устройство системы высшего образования с учетом потребностей евразийского вектора развития. Это связано с тем, что качественное изменение существующих порядков и систем взаимодействия возможно только при активном участии молодежи, чье мировоззрение во многом формируется именно в университетской среде. Поэтому отечественные университеты постепенно начинают уделять особое внимание стратегическому взаимодействию с вузами АТР, а также развитию совместных с ними научно-исследовательских и образовательных площадок.

Именно университеты будут выступать ключевым институтом формирования некоей евразийской идеологии в случае дальнейшего оформления и закрепления на государственном уровне евразийских идей. При этом данная идеология может быть выражена не в отрицании культур различных евразийских государств, во главе которых находится Россия как центральное звено евразийского пространства, а в гармоничном и взаимоуважительном развитии своей национальной самобытности каждым участником евразийских отношений.

Так, создание совместных научно-исследовательских и образовательных лабораторий и центров на базе университетов, таких как СПбПУ, РАУ, БРУ и КРСУ, организация взаимной академической мобильности студентов, аспирантов и преподавателей являются не только актуальным направлением сотрудничества данных вузов, но и одним из способов формирования молодых профессионалов, востребованных современным евразийским сообществом.

Таким образом, евразийские направления в современных интеграционных стратегиях образования – это одна из наиболее актуальных и перспективных областей развития и становления современных научных и профессиональных знаний, стремящихся к формированию развитой, поликультурной, но при этом традиционной и самобытной высшей школы, конкурентоспособной и активно продвигающей на международной арене отечественную науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гурулева Т.Л.** Единое образовательное пространство в АТР // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 134–140.
2. **Хузиятов Т.Д.** Регионализация в АТР: условия и предпосылки формирования единого образовательного пространства // Философия образования. 2006. № 6.
3. **Салми Д.** Создание университетов мирового класса [пер. с англ.]. М.: Весь мир, 2009.
4. **Исаева С.Н., Тихомирова Н.В.** Евразийское пространство: развитие на основе экономической интеграции, информатизации и научно-образовательного сотрудничества // Евразийское пространство: приоритеты социально-экономического развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2011. С. 13–18.
5. **Евразийский** коммуникационный центр. URL: <http://eurasiancenter.ru/news/20151006/1004262235.html> (дата обращения: 03.03.2016).
6. **Программа** Первой евразийской молодежной школы. URL: http://iq.expert/evraziyskiy-klass/evraziyskiy-shkoly/?ELEMENT_ID=79 (дата обращения: 15.03.2016).
7. **СПбПУ** в рейтингах THE и QS. Центр мониторинга науки и образования, Проектный офис Программы «5-100-2020». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2016.
8. **СПбПУ.** Международная деятельность в цифрах. URL: <http://www.spbstu.ru/international-cooperation/general-information/international-activity-in-figure/> (дата обращения: 12.01.2016).
9. **СПбПУ.** Зарубежные партнеры. URL: <http://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/map-partners/> (дата обращения: 12.01.2016).
10. Электронный ресурс. Официальный сайт РАУ. URL: <http://www.rau.am/rus/31/650> (дата обращения: 20.03.2016).
11. Электронный ресурс. Официальный сайт БРУ. Международная деятельность. URL: <http://www.bru.by/content/departments/internationaldepartment/internationalactivities> (дата обращения: 20.03.2016).
12. Электронный ресурс. Официальный сайт КРСУ. URL: http://www.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=846&Itemid=125&lang=ru (дата обращения: 12.01.2016).

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Иванович — доктор философских наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: dkuznec@list.ru

СИМАНОВА Наталья Владимировна — аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: natashsimanova@yandex.ru

D.I. Kuznetsov, N.V. Simanova

**THE EURASIAN VIEW OF WORLD
AND STRATEGY OF MODERN HIGHER EDUCATION**

This paper is devoted to consideration of actual problem of Eurasian integrations in modern higher education. Analyzed the tendency of development of higher education in the Eurasian vector and the possible prospects of development of domestic science in the framework of partnerships of technical universities of

the Eurasian space. Attention is drawn to the role of universities in shaping a new image of a specialist that complies with the requirements of current global and glocal conditions. Also considered the impact of universities on gradual attempts to organize a new image of the world in which one of the key positions of the Eurasian region. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University is considered as an example of glocal Eurasian University.

EURASIAN REGION; EURASIAN INTEGRATIONS; HIGHER EDUCATION; EURASIAN UNIVERSITIES; SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITY; GLOCALISATION; PETER THE GREAT ST. PETERSBURG POLYTECHNIC UNIVERSITY.

REFERENCES

1. Guruleva T.L. [The unified educational space in the Asia Pacific region]. *Higher education in Russia*, 2014, no. 12, pp. 134–140. (In Russ.)
2. Khuzyiatov T.D. [Regionalization in Asia Pacific: conditions and preconditions of formation of uniform educational space]. *Filosofiya obrazovaniya*, 2006, no. 6. (In Russ.)
3. Salmi D. *Sozdaniye universitetov mirovogo klassa* [Creating world class universities]. Moscow, Ves' mir Publ., 2009. (In Russ.)
4. Isayeva S.N., Tikhomirova N.V. [The Eurasian space: development through economic integration, Informatization and scientific and educational cooperation]. *Yevraziyskoye prostranstvo: priority sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Eurasian space: the priorities of socio-economic development: materials of international scientific-practical conference]. Moscow, EOI Publ., 2011. Pp. 13–18. (In Russ.)
5. Online resource. [The Eurasian communication center]. Available at: <http://eurasiancenter.ru/news/20151006/1004262235.html> (accessed 03.03.2016).
6. [The program First Eurasian youth school]. Available at: http://iq.expert/evraziyskiy-klass/evraziyskiy-shkoly/?ELEMENT_ID=79 (accessed 15.03.2016).
7. [SPbPU in the rankings THE and QS. The monitoring center of science and education, Project office of the Program “5-100-2020”]. SPbPU Publ., 2016. (In Russ.)
8. [SPbPU. International activities in figures]. Available at: <http://www.spbstu.ru/international-cooperation/general-information/international-activity-in-figure/> (accessed 12.01.2016).
9. [SPbPU. Foreign partners]. Available at: <http://www.spbstu.ru/international-cooperation/international-activities/map-partners/> (accessed 12.01.2016).
10. Online resource. [The official website of RAU]. Available at: <http://www.rau.am/rus/31/650> (accessed 20.03.2016).
11. Online resource. [The official site of BRU. International activities]. Available at: <http://www.bru.by/content/departments/internationaldepartment/internationalactivities> (accessed 20.03.2016).
12. Online resource. [The official website of KRSU]. Available at: http://www.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=846&Itemid=125&lang=ru (accessed 12.01.2016).

KUZNETSOV Dmitriy I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: dkuznec@list.ru

SIMANOVA Natalya V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: natashsimanova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН БРИКС В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГРОЗ

Рассмотрены проблемы обеспечения международной и информационной безопасности стран БРИКС на современном этапе. Актуальность темы статьи связана с формированием нового мирового порядка, объективным процессом изменения места стран БРИКС в системе мировой политики, а также с обострением нестабильности внешнеполитической ситуации во всем мире. Уточнено и раскрыто понятие «национальная безопасность». Дана характеристика направлений сотрудничества стран БРИКС в сфере информационных технологий. Отдельно рассмотрены направления обеспечения эффективной системы функционирования информационного общества стран БРИКС. Выявлены ключевые направления совершенствования информационной политики на основании стратегических документов и определены ориентиры дальнейшего развития. Автор статьи приходит к выводу, что в условиях формирующегося глобального информационного пространства проблемы международной информационной безопасности обусловлены всё усиливающимся процессом развития и внедрения современных информационных, кибернетических и телекоммуникационных технологий.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; СТРАНЫ БРИКС; НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ; ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ; ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО.

Группа из пяти стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) представляет собой объединение объективных лидеров в регионах, недовольных сложившимся порядком вещей и претендующих на усиление своего влияния на решение существующих международных проблем, в том числе проблемы информационной безопасности.

Новые политические реалии и требования к технологиям вносят дополнительные риски в глобальные рыночные процессы. Начинают формироваться «трещины» в тенденции глобализации, симптомом чего являются санкции. В этих условиях для стран БРИКС небезопасно недооценивать важность решения вопросов импортозамещения.

Национальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в разных сферах жизнедеятельности от внешних и внутренних угроз, с помощью чего обеспечивается устойчивое развитие страны. Информационная безопасность государства является более узким понятием, характеризующим состояние сохранности информационных ресурсов государства и защищенности законных прав личности и общества в информационной безопасности государства и его институтов, общества и граждан [1, с. 59].

Информационные технологии способствуют росту устойчивости развития и конкурентоспособности стран БРИКС, обеспечивают возможность компаниям этих стран стать крупнее

и повысить свою капитализацию. В контексте решения вопросов национальной безопасности и развития ИТ страны БРИКС уделяют всё больше внимания инновациям и реализации политики импортозамещения. Новые мировые технологические тенденции выдвигают свои требования и к управлению регионами, странами и т. д.

Международная обстановка становится всё менее предсказуемой. Объективный процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства связан с ростом нестабильности на региональном и глобальном уровнях. При этом основной причиной такой напряженной ситуации эксперты называют дефицит поиска компромиссов. Кроме того, к системным проблемам можно отнести упорное стремление некоторых государств к сохранению своего доминирования в мировых делах. Страны БРИКС, декларируя внутри государств нормы демократии, часто игнорируют их на международной арене, отвергая закрепленный в Уставе ООН принцип равенства государств [2].

Еще один спорный момент – вопрос координации в рамках ООН. Так, по мнению стран БРИКС, присутствие всех пяти государств в Совете Безопасности ООН в 2011 году укрепило диалог членов группы по вопросам международной безопасности. Также сюда можно отнести проблему скоординированности позиции членов объединения динамично развивающихся стран с начала кризиса в Ливии и Сирии. К примеру, пятерке стран удалось выступить единым фронтом и добиться отсрочки голосования по роли Евросоюза в Генеральной Ассамблее ООН, а также высказаться по общей позиции в части проблем Кот-д’Ивуара и Судана [3, с. 39].

Проблемы международно-политической безопасности практически всегда занимают особое место во внешней политике России. Отношения со странами БРИКС не являются исключением. Например, в Концепции участия России в объединении БРИКС сотрудничество в области международной безопасности имеет приоритетное положение по сравнению с иными вопросами, включая проблемы валютно-финансового и торгово-экономического характера. В документе подчеркивается, что формат БРИКС «не предусматривает рассмотрение вопросов военно-политического характера и

создание механизмов сотрудничества в военной области», однако такая постановка задач не исключает выработки общих подходов по вопросам борьбы с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, нелегальной миграцией и другими угрозами международной безопасности. Среди целей России в документе указана также и необходимость сотрудничества в интересах обеспечения международной информационной безопасности [4].

Сотрудничество в сфере обеспечения международной информационной безопасности и регулирования Интернета является наиболее перспективным направлением. Здесь интересы Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики не сталкиваются и не противоречат друг другу. Географическая удаленность этих стран друг от друга также не создает препятствия для развития такого сотрудничества, в отличие, например, от противодействия международному терроризму. В таком случае потенциал сотрудничества, как правило, ограничен обменом информацией о лицах, которые участвуют в террористической деятельности.

Ключевые направления сотрудничества стран БРИКС в области информационной безопасности, принятые на VII Международном ИТ-форуме в июле 2015 года, приведены в табл. 1.

При грамотном подходе эффект от развития многосторонних проектов в рамках БРИКС может быть сопоставим с предыдущими форматами взаимодействия между странами на региональном или глобальном уровнях [Там же]. Подводя итоги саммита БРИКС, проходившего 8–9 июля 2015 года в Уфе, президент России В.В. Путин сообщил, что лидеры стран содружества условились теснее координировать внешнеполитические шаги, в том числе в вопросах противодействия экстремизму и терроризму, а также в отношении попыток возрождения идеологии нацизма. Серьезное значение лидеры стран БРИКС придают и борьбе с торговлей наркотиками, пиратством, вопросам информационной безопасности, в том числе и в сети Интернет [5].

Важными являются решения, принятые на VII Международном ИТ-форуме в отношении создания условий для повсеместного развития «умных, бережливых регионов», в которых

Таблица 1

Направления сотрудничества стран БРИКС в сфере информационной безопасности [6]

Направление	Характеристика
Электронная демократия и открытые данные: «открытый регион – умный регион»	Создание базы данных о территориальных информационных системах, используемых в странах БРИКС и ШОС для решения управленческих задач на региональном уровне
IT-решения для стратегического и территориального планирования	Определение и формирование единых подходов к структуре, а также единых стандартов к электронным документам стратегического и территориального планирования; формулирование единых требований к метаданным, электронным и исходным данным для их подготовки и согласования в электронном виде при реализации инвестиционных проектов в сфере стратегического и территориального планирования, градостроительной деятельности
Современные решения и медицина будущего, телемедицина	Повышение доступности высококвалифицированной медицинской помощи для населения, даже в удаленных районах; рост качества медицинской помощи и медицинских услуг в условиях дефицита узких специалистов; обеспечение совместимости национальных телемедицинских систем стран БРИКС и ШОС как средства повышения качества медицинской помощи
Открытое образование	Дальнейшее развитие сетевого университета стран БРИКС и ШОС; развитие образовательного, научного, делового и проектного сотрудничества в сфере IT стран БРИКС и ШОС; продвижение мобильных, мультимедийных и когнитивных технологий в образовании, формирование массовых открытых онлайн-курсов; организация образовательно-научно-производственных сетей для повышения адекватности образовательной системы потребностям социума и практики
Электронная культура	Развитие взаимодействия и обмена передовым опытом по использованию IT в сфере музейной и библиотечной деятельности, сотрудничества с учреждениями культуры различных регионов стран БРИКС и ШОС, бизнесом, наукой; содействие формированию единого информационного пространства и совместных действий музеев по реализации крупных партнерских проектов в России и за рубежом с учетом современных инструментов продвижения
Электронный документооборот и электронное взаимодействие в открытом государстве	Содействие органам местного самоуправления в получении сертификатов ключей квалифицированной электронной подписи и подключении их к региональным информационно-коммуникационным системам безопасного электронного взаимодействия; внесение изменений в законодательство Российской Федерации, в том числе в законодательство об архивах и электронных подписях, направленных на обеспечение юридической силы электронных документов, подписанных электронной подписью, при длительных сроках хранения таких документов
Многоязычие в киберпространстве (ЮНЕСКО)	Противодействие процессам монополизации языков в киберпространстве, которые препятствуют развитию различных философий и мировоззрений; обеспечение развития и совершенствования международной, региональной и национальной политики в сфере сохранения языков и развития языкового и культурного разнообразия в киберпространстве
Современные IT-решения в недропользовании и топливно-энергетическом комплексе	Создание интегрированных информационных систем экологического и технологического мониторинга природных ресурсов и топливно-энергетического комплекса на базе IT-технологий, современных систем сбора и обработки данных с использованием сети суперкомпьютерных дата-центров

приоритетными направлениями применения ИТ являются решения, связанные с улучшением качества и удобства жизни людей, активизация предпринимательской деятельности, а также эффективное внедрение лучших практик применения ИТ в социальной сфере, в том числе путем активного и конструктивного подключения самих людей к решению важнейших вопросов социально-экономического развития.

В контексте этих целей в сотрудничестве стран БРИКС явно формируется намеченная на VI Международном ИТ-форуме с участием стран БРИКС линия, когда наряду с большими межгосударственными проектами и планами действий развивается постоянное сотрудничество стран на уровне регионов. Продолжается проработка инициативы по созданию Совета регионов стран БРИКС. Эта инициатива форума поддержана президентом Российской Федерации [6].

При этом озабоченность возникает в связи с возможностью применения информационно-кибернетических технологий с целью обеспе-

чения военно-политического превосходства, вооруженного противоборства. Увеличение военного потенциала развитых государств путем использования новейших информационных технологий может привести к изменениям в расстановке глобальных и региональных балансов сил, что будет способствовать усилению напряженности между традиционными и вновь возникающими центрами силы, появлению новых областей конфронтации.

Таким образом, обозначенные выше стратегические ориентиры и возникающие при реализации угрозы требуют срочного решения целого комплекса ключевых проблем, в частности проблемы, связанной с обеспечением безопасности в информационном обществе, что активно обсуждается и решается странами БРИКС (см. табл. 2).

Несмотря на очевидные успехи в укреплении сотрудничества в рамках объединения, всё же нельзя забывать, что новый мировой экономический кризис постепенно может привести

Таблица 2

Направления обеспечения безопасности в информационном обществе стран БРИКС [6]

Направление	Характеристика
Компьютерные атаки и кибертерроризм	Организация постоянного мониторинга мировых тенденций развития современных систем обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы. Исследование природы кибертерроризма и создание способов борьбы с ним
Безопасность средств связи и мобильных решений	Повышение безопасности систем связи и информационных коммуникаций, в том числе с применением принципиально новых решений, например методов квантовой криптографии. Уделение особого внимания информационной безопасности мобильных решений. Усиление защиты персональных данных, в том числе при предоставлении электронных услуг населению. Развитие методов повышения осведомленности населения в вопросах вызовов и угроз информационной безопасности
Обеспечение информационной безопасности в условиях чрезвычайной ситуации	Обеспечение информационной безопасности систем управления критически важными объектами и инфраструктурами, в том числе с применением информационно-аналитических и экспертно-аналитических систем. Упреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций с применением специализированных информационно-аналитических систем поддержки решений
Концепция «умного региона»	Нормативное правовое регулирование при реализации концепций по созданию безопасного и «умного региона». Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения в «умном регионе» стран БРИКС и ШОС на основе конвергентного функционирования применяемых информационных систем и технологий

к обострению проблем информационной безопасности, развитию новой волны информационных войн и кибертерроризма. В западном информационном пространстве появляются материалы, в которых можно увидеть предвестников данного кризиса. Очевидно, что произошедшие перемены – это лишь начало пути консолидации объединения стран БРИКС в полноценную организацию, контролирующую большую часть экономики мира, что особенно важно в условиях крымского кризиса и введения санкций в отношении России [7].

Крайне важна и выработка странами БРИКС консолидированной политики в сфере обеспечения информационной безопасности. Ряд мер в этом направлении уже принят ими.

Во-первых, появились новейшие технические разработки в сфере противодействия угрозам информационной безопасности. Так, заслуживает внимания новейшая разработка российской группы компаний InfoWatch – система «Щит», направленная на обеспечение защиты автоматизированных систем управления технологическими процессами от кибератак на предприятиях современной промышленности. Использование системы позволит избежать нарушений работоспособности систем управления, аварий на промышленных объектах и даже техногенных катастроф [8].

Во-вторых, создаются информационные инструменты сотрудничества стран БРИКС, например совместный сайт Министерств иностранных дел государств – участников БРИКС (<http://infobrics.org>).

В-третьих, наблюдается рост интереса ученых к проблематике информационной безопасности стран БРИКС и количества исследований в контексте современных международных угроз. Так, в 2011 году в целях выполнения утвержденного президентом РФ плана мероприятий по реализации договоренностей, достигнутых на саммите БРИКС (Санья, КНР), был создан На-

циональный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС). Его основная цель – организация и проведение исследований роли и места стран БРИКС и других «восходящих держав» в мировой политике и экономике. Комитет призван способствовать формированию единого информационного поля в области отечественных исследований БРИКС, продвижению российской позиции и экспертных оценок на международной арене, координации деятельности ведущих научно-исследовательских организаций и экспертов на направлении БРИКС.

С учетом важности информационного взаимодействия стран БРИКС и сотрудничества исследователей ценно, что с апреля 2012 года НКИ БРИКС приступил к выпуску на регулярной основе бюллетеня. В нем собрана информация о наиболее интересных российских и зарубежных публикациях и исследованиях по тематике БРИКС, публикуются новости НКИ БРИКС, дается обзор предстоящих мероприятий.

Необходимо также отметить, что информационная безопасность неотделима от инновационной. И в этой связи перед странами БРИКС в условиях четвертой технологической революции стоят новые угрозы. Данный вопрос подробно обсуждался в Давосе уже в 2016 году.

Таким образом, в условиях формирующегося глобального информационного пространства проблемы международной информационной безопасности обусловлены активизацией процесса развития и внедрения современных информационных, кибернетических и телекоммуникационных технологий. Обеспечивая беспрецедентные возможности по накоплению и использованию информации, такие технологии и средства образуют фундаментальную зависимость от нормального функционирования, оказывая существенное влияние на все сферы жизни общества (экономику, политику, культуру) и обеспечение национальной и международной безопасности [9, с. 118–119].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилипенко В.Ф. Безопасность: теория, парадигма, концепция, культура: слов.-справ. 2-е изд. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2005.
2. Лавров С. Судьбы мира не могут определять-ся одной страной. URL: <http://tass.ru/opinions/> (дата обращения: 08.02.2015).

3. Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Обозреватель. 2013. № 1. С. 39–53.

4. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС: утв. Президентом РФ В.В. Путиным 9.02.2013 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf>.

5. **Противостоять** угрозам терроризма и экстремизма страны БРИКС будут все вместе. URL: <http://www.yoki.ru/news/news/09-07-2015/441929-0/>.

6. Югорская декларация VII Международного IT-форума с участием стран БРИКС и ШОС (Ханты-Мансийск, 6–7 июля 2015 г.). URL: <http://itforum.admhmao.ru/2015/>.

7. **Langsameres** Wachstum für Schwellenländer. URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/> (дата обращения: 08.02.2015).

8. **Разработку** МИФИ для защиты предприятий от кибератак купят страны БРИКС. URL: <http://ria.ru/science/20150713/>.

9. **Коваленко А.П., Белов Е.Б.** Концепция подготовки кадров в области обеспечения информационной безопасности (проблемы, анализ, подходы) // Науч. и методолог. проблемы информ. безопасности: сб. статей. М.: МЦНМО, 2004.

ПЕЛЕВИНА Екатерина Сергеевна — аспирант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43
e-mail: 984931@gmail.com

E.S. Pelevina

THE PROBLEMS OF ENSURING INFORMATION SECURITY OF THE BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY INTERNATIONAL THREATS

The article considers the problems of ensuring international information security and BRICS countries at the present stage. Identified the relevance of the research topic associated with the formation of a new world order, objective process of changing the place of the BRICS in the system of world politics and the instability of foreign policy situation, given that international-political security almost always have a special place in Russia's foreign policy. The paper clarifies the concept of "national security", describing the areas of cooperation of the BRICS countries in the sphere of information security. We look separately at the trends of security in the information society of the BRICS countries. It is noted that to date, the cooperation in the field of ensuring international information security in the sphere of regulation of the Internet is the most promising direction. The article also identified key directions for improving policy in the field of information security on the basis of strategic documents, as well as the strategic reference points of development of the information society. In conclusion the author concludes that in the emerging global information space, the problems of international information security consists in increasing the development and introduction of modern information, telecommunication and cyber technology.

INFORMATION SECURITY; BRICS COUNTRIES; NATIONAL SECURITY; INFORMATION TECHNOLOGY; INFORMATION SOCIETY.

REFERENCES

1. Pilipenko V.F. [Security: theory, paradigm, concept, culture. Dictionary]. Moscow, PER SJe-Press, 2005. (In Russ.)
2. Lavrov S. *Sud'by mira ne mogut opredelyat'sya odnoy stranoy* [The fate of the world can't be defined by one country]. Available at: <http://tass.ru/opinions/> (accessed 08.02.2015).
3. Panova V.V. [BRICS: problems of interaction and potential cooperation]. *Obozrevatel'*, 2013, no. 1, pp. 39–53. (In Russ.)
4. *Koncepciya uchastiya Rossiyskoy Federatsii v ob'edinenii BRIKS* [The concept of Russia's participation in BRICS]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf>.
5. *Protivostoyat' ugrozam terrorizmu i ekstremizmu strany BRIKS budut vse vmeste* [To confront threats of terrorism and extremism, the BRICS countries are all together]. Available at: <http://www.yoki.ru/news/news/> (accessed 08.02.2015).
6. *Yugorskaya deklaratsiya VII Mezhdunarodnogo IT-foruma s uchastiem stran BRIKS i ShOS* (Hanty-Mansiysk, 7 iyulya 2015 g.). [Ugra Declaration of the VII Int. IT-Forum with participation of BRICS and the SCO]. Hanty-Mansiysk, 2015, Jul. 7. Available at: <http://itforum.admhmao.ru/2015/>.
7. *Langsameres Wachstum für Schwellenländer*. Available at: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/> (accessed 08.02.2015).
8. *Razrabotku MIFI dlya zashchity predpriyatiy ot kiberatak kuyat strany BRIKS* [The development of a MIFI to protect businesses from cyber attacks by BRICS countries]. Available at: <http://ria.ru/science/20150713/> (accessed 08.02.2015).
9. Kovalenko A.P., Belov E.B. [The concept of training in the field of information security (problems, analysis, approaches)]. *Nauchnye i metodologicheskie problemy informacionnoy bezopasnosti* [Scientific and methodological problems of information security (collection of articles)]. Moscow, MTsNMO Publ., 2004. (In Russ.)

PELEVINA Ekaterina S. — *North-Western Institute of management Russian Academy of national economy and state service under the RF President.*

Sredniy pr. V.O., 57/43, St. Petersburg, 199178, Russia
e-mail: 984931@gmail.com

DOI 10.5862/JHSS.244.6
УДК 94(47).084.8

Е.Е. Красноженова

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)**

Статья посвящена исследованию роли городов Нижнего Поволжья в социально-экономическом развитии страны в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Представлена отраслевая структура региональной промышленности того времени, отмечен рост военного производства, рассмотрены проблемы, с которыми сталкивались предприятия легкой промышленности. Показано значение предприятий местной промышленности в производстве продовольствия и товаров широкого потребления. Вскрыты трудности в работе городских коммунально-бытовых предприятий. Определены изменения в социальной структуре нижеволжских городов. Рассмотрен комплекс мер по оказанию материально-бытовой помощи населению, который был необходим для сохранения социально-политической стабильности в тылу и организации эффективной работы по оказанию помощи фронту.

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ; ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО; ТОВАРЫ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ; КОММУНАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ; МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВАЯ ПОМОЩЬ НАСЕЛЕНИЮ.

В период Великой Отечественной войны города Нижнего Поволжья играли немаловажную роль в социально-экономическом развитии как региона, так и страны в целом. Быстрыми темпами развивались города областного значения. Крупными промышленными центрами являлись Саратов и Сталинград. В Астрахани работали заводы судостроительной и судоремонтной отраслей. Они производили военную продукцию, выпускали аэросани, лодки-волокуши, тральщики, огнеметы, подводные лодки и др. В Астрахани и городах Калмыцкой АССР были сосредоточены предприятия пищевой промышленности. Астраханский рыбокомбинат им. А.И. Микояна в военный период освоил выпуск новой продукции из рыбы: муки, крупы, сухарей [1, л. 17].

Необходимость противостоять врагу потребовала концентрации всех имеющихся в Нижнем Поволжье ресурсов для решения военных задач. Приоритетными направлениями производства стали тяжелая индустрия, машиностроение, оборонная, химическая, электротехническая отрасли промышленности. Увеличилось производство военной продукции. Сталинградский тракторный завод выпускал танки Т-34, на заводе «Судоверфь» осуществлялась сборка танков Т-60. Производство боевой техники не прекращалось даже во время прорыва немецко-фашистских войск к городу 23 августа 1942 г. В Сталинграде было сосредоточено и крупное производство артиллерии. Завод «Баррикады» к началу 1942 г. увеличил выпуск 76-мм пушек более чем в 2 раза. Около 9 % всей производи-

мой для оборонной промышленности стали выпускаться на сталинградском заводе «Красный Октябрь» [2, л. 158].

Промышленные предприятия Саратовской области также производили продукцию для фронта. Так, завод «Трактородеталь» выпускал мины, боеприпасы, авиационные бомбы, противотанковые ружья. Производство навигационных и артиллерийских приборов, горючего для фронта было налажено на крекинг-заводе им. С.М. Кирова. На Саратовском паровозоремонтном заводе делали корпуса для танков. На заводе № 292 шили обмундирование, изготавливали предметы фронтового быта. На Саратовском авиационном заводе строили самолеты-истребители Як-1 [3, л. 68].

Территория Нижнего Поволжья в период войны стала основной продовольственной, промышленной и сырьевой базой. Относительно успешное решение продовольственных проблем в регионе было обусловлено формированием местной производственной базы и развитием предприятий пищевой промышленности, в первую очередь рыбной. Производство рыбной продукции было развито в Калмыцкой АССР и в Астраханской области. В военный период существенно возросла роль Волго-Каспийского рыболовного бассейна. Необходимо отметить, что предприятия рыбодобывающей промышленности Нижнего Поволжья находились в непосредственной близости от фронта, особенно во время Сталинградской битвы, продолжавшейся 200 дней и ночей – с 17 июля 1942 г. до 2 февраля 1943 г. Они работали под обстрелами и бомбежками немецко-фашистской авиации, продолжая поставлять рыбную продукцию для Красной армии и гражданского населения.

В условиях недостатка продовольственных товаров основным способом обеспечения населения продуктами питания явилась централизованная система их распределения. В городах Нижнего Поволжья распределение продовольствия по карточкам было введено 23 августа 1941 г. [4, л. 34]. В Сталинграде мясные и рыбные продукты, жиры, крупы и макаронные изделия 1 ноября 1941 г. были включены в перечень нормированных продовольственных продуктов [2, л. 334]. В последующие месяцы список товаров, которые продавались по карточкам, постоянно расширялся. При этом калорийность питания населения понизилась

на 20–25 %. Городские власти не могли обеспечить отоваривание даже детских карточек. В 1943 г. около 30 тыс. таких карточек остались неотоженными из-за отсутствия продовольствия [5, л. 13–15].

К недостатку продовольственных товаров вели ограниченное их поступление из централизованных государственных фондов и транспортные проблемы. Значительная доля населения, которое обеспечивалось продуктами питания по низким нормам, ощущала трудности в снабжении ими. При этом отдельные категории населения Нижнего Поволжья часто не могли получить продовольствие даже по минимальным нормам.

Серьезный урон предприятиям местной промышленности был нанесен боевыми действиями под Сталинградом. В городе перестали работать торговые точки и общественные столовые, хлебозаводы и продовольственные склады. 7 сентября 1942 г. в Сталинграде нормы выдачи населению продовольствия были сокращены [6, л. 28].

В конце февраля 1943 г. были разработаны первые планы восстановления Сталинграда [7, л. 125–139]. Оно осуществлялось достаточно быстрыми темпами. Уже к апрелю 1943 г. Сталинградский тракторный завод выпустил партию дизельного оборудования. Сталинградский завод им. Сакко и Ванцетти приступил к производству медицинского оборудования.

В Ерманском районе города возобновили работу артель им. Кирова, артель им. 1 Мая и др. Сапожный цех артели им. 1 Мая к июню 1943 г. произвел починку 3500 пар различной обуви, швейный цех выполнил большое количество различных заказов – на сумму 13 797 рублей. Артель им. Кирова начала вырабатывать пряжу для вязки. Заработала артель им. 23-й годовщины Октября в Баррикадном районе Сталинграда. Начали прием заказов слесарно-бытовой и швейный цеха [8]. В городах Сталинградской области были открыты сапожные мастерские и пункты по ремонту обуви для семей военнослужащих и эвакуированного населения [9]. Предприятия легкой промышленности работали со значительными перебоями, снабжались по остаточному принципу, испытывали постоянный недостаток в сырье, электроэнергии, квалифицированных рабочих кадрах и оборудовании.

В организации продовольственного снабжения городского населения большую роль сыграли мероприятия, проведенные местными партийно-государственными органами власти для восстановления работы предприятий местной пищевой промышленности. Налаживалось производство продовольствия и предметов первой необходимости из местного сырья. Так, в Сталинграде в Доме грузчика была открыта пекарня. В городской пекарне № 5 организован лапшевый цех, выпускавший 800–900 килограммов продукции в сутки. Кондитерский цех ежедневно производил 400 килограммов печенья. Были полностью закончены восстановительные работы на Сталинградском хлебозаводе № 3. Его мощность в 1943 г. достигала 60 тонн хлеба в сутки. По решению Сталинградского городского комитета обороны от 31 августа 1943 г. в городе была организована работа 7 столовых, открыто около 40 полевых хлебопекарен [10, л. 36]. В регионе создавались подсобные хозяйства, развивалось коллективное и индивидуальное огородничество, практиковались централизованные заготовки продовольствия, реализовывались иные меры, направленные на обеспечение роста товарных фондов. Всё это позволило существенно увеличить ресурсы потребления и организовать снабжение гражданского населения Нижнего Поволжья и действующей армии в тяжелейших военных условиях.

В военный период отмечалось резкое снижение обеспеченности населения региона промышленными товарами. Значительный урон их производству был нанесен в период боевых действий в регионе и во время оккупации части его территории немецко-фашистскими войсками [11, с. 40]. Поэтому большое внимание уделялось и восстановлению производства ширпотреба, особенно в Сталинграде. Так, в 1944 г. возобновил работу завод силикатного кирпича. В 1943 г. возросло производство потребительских товаров на восстановленных предприятиях местной промышленности Нижнего Поволжья [12, л. 62–69], которые освоили выпуск новых видов продукции бытового назначения.

Значительная работа по организации производства промтоваров из местного сырья была проведена в Саратовской области. Так, в Балтайском районе области в начале войны производство промтоваров было развито крайне

слабо, работали только три промысловые артели швейного, валяльно-сапожного и деревообделочного профиля. К концу 1943 г. в этих артелях появились новые цеха и было освоено производство новых видов товаров. Например, при артели «Ударник» открылись горшечный, шорный, кожевальный, овчинный, пуговичный и гребенчатый цеха. Артелью «Деревообделочник» было освоено производство телег, саней, колес, корзин, домашней утвари и других предметов быта [13]. В целом объем производства предметов повседневного спроса в общем удельном весе продукции, производимой промышленными предприятиями Саратовской области, вырос с 55,5 до 85,8 %.

В Астраханской области было много промартелей, обслуживавших население. Так, в 1942 г. артель «Трикотажница» выпустила товаров ширпотреба на сумму 1470 рублей, артель «Красный факел» приступила к выработке зубного порошка, артель «Металлист» наладила производство столовых ложек [14, л. 6]. Предприятиями легкой промышленности в том году было изготовлено 309 тыс. пар кожаной обуви, 81 600 пар валенок, 1223 литра гончарной посуды, 635 тонн хозяйственного мыла [15, л. 124–130]. Необходимо отметить, что указанные объемы производства промтоваров еще значительно отставали от довоенных.

В городах Калмыцкой АССР к осени 1943 г. действовало 53 предприятия местной промышленности и промысловой кооперации [16, л. 23–28]. В Малодербетовском районе республики были открыты 3 пошивочные мастерские, в Кетченеровском районе – 15 сапожных и 2 швейные [17, л. 3–4]. В декабре 1943 г. при артели «5 декабря» Уланхольского района Калмыкии был организован сапоговаляльный цех [18, л. 99–100].

Военные условия затрудняли работу предприятий городской инфраструктуры. Только в областных центрах Нижнего Поволжья имелись разветвленное водопроводно-канализационное хозяйство и система электроснабжения. В них же были сосредоточены коммунальные бани и прачечные, крупные жилищно-ремонтные службы и учреждения по благоустройству и очистке, была создана система постоянного контроля за санитарно-эпидемической ситуацией.

Городские коммунально-бытовые предприятия работали с перебоями, испытывали финан-

совые затруднения, недостаток оборудования, сырья и квалифицированных рабочих. Работы по благоустройству городских центров Нижнего Поволжья осуществлялись общественными организациями и простыми горожанами в рамках воскресников, месячников и декадников.

В военный период отмечались значительные изменения и в социальной структуре нижеволжских городов. Возросло количество семей военнослужащих, инвалидов войны, рабочих промышленных предприятий, увеличилась численность малообеспеченных категорий населения. Специфической социальной группой стали граждане, эвакуированные в Нижнее Поволжье из других районов страны.

В Сталинградскую область уже к ноябрю 1941 г. прибыло около 200 тыс. человек эвакуированного гражданского населения для размещения в Сталинграде, Астрахани, Камышине и в сельских населенных пунктах [19, с. 297]. К концу 1942 г. численность населения Сталинграда возросла до 800 тыс. человек за счет притока эвакуированных граждан [20, л. 7–12]. В их числе были жители Ленинграда (около 10,5 тыс. человек), Курска, Орла, Украины и Смоленска (не менее 400 тыс. человек), а также стихийные беженцы (около 300 тыс. человек) [21, с. 169].

В Саратовской области к началу 1942 г. было расселено свыше 307 тыс. эвакуированных [3, л. 50]. Численность населения Саратова в военный период увеличилась с 372 до 500 тыс. человек [22, л. 241]. Кроме того, в городах Саратовской области было размещено около 100 эвакуированных промышленных предприятий. В связи с ростом численности населения региона за счет эвакуированных граждан возникли дополнительные социальные трудности. Не хватало жилых помещений и мест в детских учреждениях, затруднялась работа бань, больниц, поликлиник, предприятий общественного питания.

Чтобы сохранить социально-политическую стабильность в регионе, центральные и городские власти приняли целый комплекс мер по оказанию материально-бытовой помощи наименее защищенным группам населения (детям, семьям военнослужащих, инвалидам, эвакуированным, рабочим промышленных предприятий).

Руководством страны была разработана система льгот и денежных пособий для поддерж-

ки эвакуированных семей фронтовиков. Так, согласно решению Сталинградского облсовета от 16 октября 1941 г., для оказания им помощи было выделено 5 тыс. рублей [23, л. 11]. Около 108 тыс. семей военнослужащих, размещенных в Саратове, в 1943–1944 гг. получили пенсии и пособия на сумму 238 млн рублей. В порядке единовременной помощи им было выдано свыше 292,5 млн рублей [24, л. 42].

Семьи военнослужащих получали в военкоматах аттестаты на обеспечение продовольствием и промышленными товарами, имели льготы при трудоустройстве, уплате налогов и квартирной платы, поставках сельскохозяйственной продукции [25, с. 28]. Принимались специальные решения по выпуску одежды и обуви для членов семей военнослужащих, прежде всего детей. Для них в первую очередь выделялись места в детских учреждениях, им предоставлялись различные льготы. Летом 1944 г. в Астраханской области 1037 детей фронтовиков были направлены в пионерские лагеря [26, л. 4], 701 ребенок к началу 1945 г. был обеспечен одеждой и обувью [1, л. 1–2]. Большое значение для поддержания здоровья детей имели оздоровительные кампании — поездки в пионерские лагеря, санатории, на дачи, занятия на детских летних площадках при школах, клубах и парках, направление ослабленных детей в санаторные группы.

Однако подобные мероприятия лишь частично решали проблему обеспечения детей военнослужащих. В 1941/42 учебном году многие из них по различным причинам не могли посещать образовательные учреждения. Многие подростки были вынуждены оставить школу до окончания войны. Так, из-за отсутствия одежды и обуви в 1944 г. в Трусовском районе Астрахани около 150 детей военнослужащих не посещали школу [27, л. 77].

Для организации социальной помощи рабочим на промышленных предприятиях создавались отделы рабочего снабжения, при органах государственной власти и профсоюзах открывались отделы заработной платы, рабочего снабжения, социального страхования, охраны труда, производственно-массовой работы, а также жилищно-бытовой отдел. Источниками оказания социальной помощи были государственные бюджетные пособия, страховые профсоюзные средства, деньги, пожертвован-

ные рабочими и служащими или заработанные на воскресниках.

Таким образом, Великая Отечественная война привела к значительным изменениям социально-экономического уклада городов Нижнего Поволжья. Городские центры региона стали важнейшей военно-оборонной и продовольственной базой, позволившей обеспечить сражавшиеся под Сталинградом войска необходимым вооружением, а гражданское население – продовольствием и предметами широкого потребления. В военный период существенно изменилась отраслевая структура региональной промышленности. В Сталинграде и Саратове увеличилась доля предприятий военно-промышленного комплекса. Вместе с тем рост удельного веса тяжелой промышленности обусловил сокращение производства товаров широкого потребления для горожан. Недостаточность централизованных фондов способствовала развитию в регионе собственного производства продовольственной продукции. В городах Астраханской области и Калмыцкой АССР значительное внимание уделялось работе предприятий пищевой промышленности. Однако объемы произведенной продукции не могли обеспечить потребности всего городского населения, снабжение его продовольствием и промышленными товарами до конца войны оставалось неудовлетворительным.

Война оказала влияние и на материально-бытовое обеспечение городского населения. В 1941–1945 гг. оно испытывало дефицит продовольствия и товаров широкого потребления в связи с перебоем в централизованном снабжении и переходом местных производителей на изготовление военных заказов. Недостаток финансовых, технических и кадровых ресурсов

затруднял работу предприятий городской инфраструктуры.

Военные условия изменили структуру городского населения, привели к появлению новых категорий горожан – инвалидов войны, семей военнослужащих, эвакуированных граждан. В 1941 г. города Нижнего Поволжья приняли значительное количество эвакуированных. Выросла численность тружеников промышленных предприятий. Увеличилось количество семей фронтовиков и инвалидов войны. В условиях военной экономики городское население обеспечивалось продовольствием и промышленными товарами исходя из дифференцированных норм снабжения. Однако ограниченность продовольствия часто приводила к значительным перебоям в снабжении. В целях сохранения социально-политической стабильности в регионе разрабатывались меры по материально-бытовой помощи наименее защищенным группам населения, в их числе выдача материальных средств, ремонт жилья, трудоустройство, открытие столовых для обслуживания детей и инвалидов.

Необходимо отметить, что города Нижнего Поволжья вследствие непосредственной близости к фронту внесли значительный вклад в дело победы советского народа в Великой Отечественной войне. Победу обеспечивали и постоянный рост производства военной техники в регионе, и формирование местных продовольственных ресурсов вследствие развития предприятий пищевой промышленности, и организация оказания социальной помощи малообеспеченным категориям населения, которая позволила удовлетворить минимальные потребности горожан и решить их материально-бытовые трудности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив современной документации Астраханской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 723.
2. Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-2115. Оп. 3. Д. 19.
3. Государственный архив Саратовской области. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 1200.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 2. Д. 391.
5. Государственный архив современной документации Астраханской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1184.
6. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 100.
8. Сталинградская правда. 1943. 5 июня.
9. Сталинградская правда. 1943. 15 июня.
10. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 171. Оп. 1. Д. 147.
11. Кулик С.В. Экономическая политика гитлеровцев и советское сопротивление на оккупиро-

ванной территории России 1941–1944 гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История. 2007. № 1. С. 141–147.

12. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 17. Оп. 88. Д. 435.

13. **Коммунист** (Саратов). 1943. 17 февраля.

14. **Государственный архив современной документации Астраханской области.** Ф. 6. Оп. 1. Д. 732.

15. **Государственный архив Астраханской области.** Ф. Р-3205. Оп. 3. Д. 127.

16. **Национальный архив Республики Калмыкия.** Ф. П-2. Оп. 1. Д. 176.

17. **Национальный архив Республики Калмыкия.** Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 184.

18. **Национальный архив Республики Калмыкия.** Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 45.

19. **Водолагин М.А.** Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М.: Наука, 1970. 448 с.

20. **Центр документации новейшей истории Волгоградской области.** Ф. 113. Оп. 12. Д. 67.

21. **Ванчинов Д.П.** Военные годы Поволжья (1941–1945). Саратов: Изд-во СГУ, 1980. 325 с.

22. **Государственный архив новейшей истории Саратовской области.** Ф. 594. Оп. 1. Д. 2787.

23. **Государственный архив Астраханской области.** Ф. 1095. Оп. 1. Д. 567.

24. **Российский государственный архив социально-политической истории.** Ф. 17. Оп. 88. Д. 219.

25. **Кулик С.В.** Категории партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 27–32.

26. **Государственный архив Астраханской области.** Ф. 6. Оп. 2. Д. 288.

27. **Государственный архив современной документации Астраханской области.** Ф. 325. Оп. 1. Д. 236.

КРАСНОЖЕНОВА Елена Евгеньевна – доктор исторических наук, доцент Астраханского государственного университета.

Россия, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а

e-mail: eleena@inbox.ru

E.E. Krasnozhenova

THE FEATURES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article investigates the Lower Volga region cities in socio-economic development of the country during the Great Patriotic War. Represented by the branch structure of the regional industry, marked by the growth of military production, shows the problems occurring in the light industry. The role of regional industrial cooperatives in the production of food and consumer goods. Revealed difficulties in the urban municipal enterprises. Marked changes in the social structure of the Lower Volga cities. It shows a set of measures for material and household care, necessary to preserve social and political stability in the rear and the organization of effective relief work of front.

THE LOWER VOLGA; THE GREAT PATRIOTIC WAR; REGIONAL INDUSTRY; MILITARY PRODUCTION; CONSUMER GOODS; MUNICIPAL SERVICES; MATERIAL AND CONSUMER AID TO THE POPULATION.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy dokumentatsii Astrakhanskoy oblasti. F. 9. Op. 1. D. 723.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti. F. R-2115. Op. 3. D. 19.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti. F. 1723. Op. 2. D. 1200.
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 2. D. 391.
5. Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy dokumentatsii Astrakhanskoy oblasti. F. 6. Op. 1. D. 1184.
6. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti. F. 171. Op. 1. D. 5.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 644. Op. 1. D. 100.
8. Stalingradskaya pravda. 1943. Jun. 5. (In Russ.)
9. Stalingradskaya pravda. 1943. Jun. 15. (In Russ.)
10. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti. F. 171. Op. 1. D. 147.
11. Kulik S.V. [The economic policy of the Nazi and Soviet resistance in the occupied territory of Russia, 1941–1944]. *Vestnik of St. Petersburg University*. Ser. 2. History. 2007, no. 1, pp. 141–147. (In Russ.)
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 88. D. 435.
13. *Kommunist (Saratov)*. 1943. Febr. 17. (In Russ.)
14. Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy dokumentatsii Astrakhanskoy oblasti. F. 6. Op. 1. D. 732.
15. Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti. F. R-3205. Op. 3. D. 127.
16. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya. F. P-2. Op. 1. D. 176.
17. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya. F. R-1. Op. 3. D. 184.
18. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya. F. R-76. Op. 1. D. 45.
19. Vodolagin M.A. *Ocherki istorii Volgograda. 1589–1967* [Essays on the history of Volgograd. 1589–1967]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 448 p. (In Russ.)
20. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti. F. 113. Op. 12. D. 67.
21. Vanchinov D.P. *Voyennyye gody Povolzhya (1941–1945)* [The war of the Volga region (1941–1945)]. Saratov, SGU Publ., 1980. 325 p. (In Russ.)
22. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti. F. 594. Op. 1. D. 2787.
23. Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti. F. 1095. Op. 1. D. 567.
24. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 17. Op. 88. D. 219.
25. Kulik S.V. [The categories of the guerrilla groups during the Great Patriotic War]. *Military law Journal*, 2006, no. 11, pp. 27–32. (In Russ.)
26. Gosudarstvennyy arkhiv Astrakhanskoy oblasti. F. 6. Op. 2. D. 288.
27. Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy dokumentatsii Astrakhanskoy oblasti. F. 325. Op. 1. D. 236.

KRASNOZHENOVA Elena E. – *Astrakhan State University*.

Ul. Tatishcheva, 20a, Astrakhan', 414056, Russia

e-mail: eleena@inbox.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.7

УДК 93

С.В. Кулик, Е.А. Самыловская

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ДВИЖЕНИИ СОВЕТСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1941–1944 ГГ.

В статье рассмотрено участие православного духовенства в движении антифашистского Сопротивления на оккупированной территории Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. На основе анализа малоисследованных архивных источников и российской историографии проанализировано его положение во время нацистской оккупации. Отмечен тот факт, что священники оказались в центре идеологической конфронтации фашистской и советской пропаганды. Оккупанты возлагали надежды на религиозный фактор в их пропагандистской политике, поэтому возродили религиозный культ. Подпольщики и партизаны, в свою очередь, только в начале 1942 г. осознали важность привлечения духовенства к борьбе против захватчиков. С 1942 г. священники активно помогали партизанам, осуществляя разведку и диверсии. Они проводили антигитлеровскую агитацию и пропаганду среди населения, вносили средства в фонд обороны. Авторы статьи пришли к выводу, что, несмотря на предыдущие репрессии, направленные против Русской православной церкви, многие священники как истинно русские патриоты поддерживали антифашистское движение Сопротивления.

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО; РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ; ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА; НАЦИСТСКАЯ ОККУПАЦИЯ; СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ; КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ; СОВЕТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ.

В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес отечественных исследователей к изучению деятельности православного духовенства, оказавшегося на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны. Обычно историки фокусируются на изучении сотрудничества духовенства с немецкими захватчиками – «духовном коллаборационизме». Данная проблематика поднята в фундаментальных исследованиях Д.В. Поспеловского [11], М.В. Шкаровского [13, 14], В.Н. Якунина и Б.Н. Ковалева [5–7]. При этом участие православного духовенства в вооруженном Сопротивлении изучено не столь хорошо.

Последовательная политика атеизации, проводившаяся советским руководством на протяжении 1920–1930-х гг., привела к тому, что к началу Великой Отечественной войны на свободе почти не осталось священников Русской православной церкви (РПЦ). Закрытие храмов нередко сопровождалось действиями, которые были направлены на оскорбление

чувств верующих: церкви использовались в качестве конюшен и хлевов, иконы сжигались, на предметы культа испражнялись, священнические ризы одевались на собак и свиней [4, л. 12]. В действующих же церквях могли проходить одновременно религиозные службы и занятия союза воинствующих безбожников. Так, в действующем смоленском кафедральном соборе находился антирелигиозный музей. Подобный музей существовал также в закрытом советской властью кафедральном соборе Псковского кремля [5, с. 245].

Северо-Западная Россия наиболее пострадала от данной политики: десятки православных, католических и протестантских храмов были взорваны, а остальные использовались под хозяйственные нужды и жилые помещения. На территории Ленинградской области, образованной в 1928 г. и включавшей в себя Новгородскую, Псковскую, Мурманскую, а также части Вологодской, Тверской и Смоленской областей, в 1917 г. было 2500 православ-

ных храмов (из 2654 всех конфессий). К 1929 г. 530 церквей было закрыто, а с начала 1930-х гг. началось массовое закрытие храмов [7, с. 499; 12, с. 16]. В конце 1930-х гг. за пока открытыми храмами был установлен тщательный контроль. Имена большинства посетителей храмов были известны НКВД: те прихожане, которые представляли хоть какую-то опасность, высылались [12, с. 19]. В итоге к лету 1941 г. в Ленинградской епархии был открыт только 21 православный храм (13 церквей в Ленинграде и пригородах). К примеру, в Смоленске, где до войны было почти 170 тыс. жителей, действовала только одна церковь [Там же. С. 21]. Поэтому неудивительно, что немецкие оккупанты возлагали на «духовный коллаборационизм» особые надежды, рассматривая православное духовенство в качестве потенциального союзника.

Религиозный фактор играл важную роль в фашистской пропаганде. Еще в 1933 г. нацистская Германия заключила конкордат, позволивший привлечь на свою сторону часть католиков. Так, 18 октября 1944 г. из валлонских добровольцев-католиков была сформирована 28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Валлония» (1-я валлонская), воевавшая на Восточном фронте фактически до апреля 1945 г. В 1941 г. образовался идеологический союз нацистов с арабскими националистами в Палестине для борьбы с евреями. Лидер арабских националистов Амин аль-Хусейни на встрече с А. Гитлером в ноябре 1941 г. назвал фюрера «защитником ислама», а тот, в свою очередь, пообещал муфтию уничтожить еврейские элементы на Ближнем Востоке. Также аль-Хусейни сказал Гитлеру, что нацисты и арабы — естественные союзники, так как имеют общих врагов — «союзников», евреев и коммунистов. После этого при прямой поддержке А. аль-Хусейни нацистам удалось собрать несколько особых дивизий СС на Балканах, состоявших преимущественно из мусульман. Первой подобной дивизией СС стала 13-я горная дивизия СС «Ханджар» (1-я хорватская) [16, с. 456–458].

Стоит отметить, что у части руководства нацистской партии отношение к христианской религии носило двойственный характер. С одной стороны, в немецкой армии существовал институт военных священников, а с другой — предпринимались попытки восстановления языческих культов. Гитлер считал, что церковь

должна «сгинуть до конца, подобно зараженному гангреной органу» [5, с. 246]. По отношению к православной церкви лидер нацистов имел следующую точку зрения: он говорил, что открытие храмов необходимо использовать в пропагандистских целях, но при этом возражал против единой православной церкви в России [Там же].

С первых дней оккупации захватчики начали активную религиозную пропаганду среди населения Северо-Запада России. Людям внушалась мысль, что нравственность, религия и советская власть несовместимы. На Новгородчине и Псковщине захватчики открыли порядка 100 храмов, которые виделись гитлеровцами идеальным местом для проведения антисоветской пропаганды. Например, сразу же после захвата Смоленска в июле 1941 г. нацистами был открыт местный кафедральный собор. Согласно замыслу немецкого командования, этот храм должен был стать религиозно-идеологическим центром. В 1942 г. в городе действовали уже пять церквей и пасторские курсы [7, с. 499].

Массовое открытие храмов и сопутствовавший этому религиозный подъем подтолкнули министра по делам восточных областей А. Розенберга в июне 1942 г. составить эдикт терпимости, в котором определялась немецкая религиозная политика на оккупированной территории. В нем провозглашались религиозная свобода и право верующих образовывать религиозные объединения. Однако последние должны были оставаться автономными, что не допускало возрождения сильной единой РПЦ. Данный эдикт так и не увидел свет из-за вмешательства М. Бормана [Там же. С. 249].

При этом в среде духовенства осуществлялась активная вербовка для контрразведывательной работы. Так, СД проводила вербовку среди руководства созданной в 1941 г. Псковской православной миссии и подчиненного ей духовенства. От священников требовалось развернуть активную пропагандистскую деятельность против советской власти, тесно сотрудничать с немецкими органами безопасности, а также призывать население оказывать помощь германскому командованию в строительстве оборонительных сооружений и сдавать продовольствие для нужд германской армии [10, с. 356]. С 1942 г. священников обязали проводить работу по выявлению партизан [14, с. 398].

В результате Православная миссия сдала в руки контрразведывательных органов порядка 144 партизан и советских патриотов, боровшихся против фашистов [10, с. 358]. Особое доверие у захватчиков было к священникам, пострадавшим от советских репрессий: хотя многие из них являлись агентами НКВД, завербованными чекистами под страхом репрессий, они начали искренне помогать немцам, видя в них освободителей от безбожной советской власти. Не случайно в миссию в качестве священников было принято значительное число репрессированных: бывший благочинный Лужского района протоиерей Завлоцкий, священник Михаил Образцов, дьякон Казанского собора Сергей Самгин, иеромонах Анатолий Стальников, протодьякон Гатчинского собора Василевский, настоятель церкви в селе Рождествено протоиерей Петр Кудринский и др. [Там же. С. 398]. Фашисты не препятствовали открытию новых храмов на Северо-Западе России, и к концу периода оккупации количество священников в них достигало 175 человек, а количество приходов – 200 [7, с. 484].

В условиях страшной войны церковь обладала огромным влиянием на население. Так, в крещенском крестном ходе 1942 г. во Пскове участвовало 10 тыс. человек (40 % от всей численности оставшегося в городе населения) [5, с. 257]. Таким образом, принятые оккупационным руководством меры были эффективны. Причины этого следует видеть также и в том, что в начале войны советская власть по инерции считала церковь врагом. Силы советского Сопротивления, хотя и понимали, что религиозная политика оккупантов находит значительную поддержку у населения, всё же предпочитали бороться с духовенством физическими методами: в нескольких населенных пунктах священники были расстреляны партизанами [2, л. 56].

Участники партизанского движения в основном враждебно относились к развитию церковной жизни на оккупированных территориях, так как многими из партизанских отрядов, начавших действовать сразу после начала оккупации, руководили специально оставленные после отступления партийные работники или сотрудники НКВД, которые принимали активное участие в антирелигиозных гонениях 1930-х гг. В качестве примера можно привести

слова начальника Брянского штаба партизанского движения старшего майора госбезопасности Ширяева, который в своем донесении весной 1942 г. сообщал, что *«вся деятельность церковников направлена на разжигание ненависти среди населения и усиление антисоветской пропаганды, проведение контрреволюционной работы и прямое активное сотрудничество с немецким командованием и властями»* [7, с. 503].

Как следствие, священники часто слышали угрозы в свой адрес или были вынуждены прятаться в случаях прихода партизан. Например, служившего в Казанской церкви Пушкинских Гор иеромонаха Иосафа (Дмитриева) однажды по дороге в соседний приход задержали партизаны и угрожали физической расправой в том случае, если он не прекратит заниматься своей пастырской деятельностью [9, с. 23].

Тем не менее некоторые священники считали необходимым в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служили молебны за здоровье односельчан, воевавших в Красной армии. К началу 1942 г. к подпольщикам и партизанам пришло осознание, что для победы над врагом необходимо налаживание связей со служителями культа. Через своих агентов они получали информацию о священниках, которые в своих проповедях не воспевали оккупационный режим, а занимали по отношению к нему нейтральную, выжидательную или отрицательную позицию, после чего этим священникам рассылались письма, где со ссылкой на Отечественную войну 1812 г. содержался призыв к объединению всех сил в борьбе с немцами [3, л. 67].

Привлечению духовенства к борьбе с захватчиками способствовало официальное примирение РПЦ и советской власти, произошедшее в 1943 г. Ленинградский штаб партизанского движения летом 1943 г. наладил регулярные поставки печатной продукции религиозно-патриотического содержания на оккупированные территории. Ленинградский митрополит Алексий неоднократно обращался к верующим, оказавшимся на оккупированной территории, с призывами поддержать народное сопротивление немецким войскам. До примирения при богослужениях на оккупированной территории возносилось не только имя экзарха в Прибалтике митрополита Сергия (Воскресенского), но и Местоблюстителя Патриаршего престола Сер-

гия. После 1943 г. упоминание патриарха Московского Сергия было запрещено оккупантами, но в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне многие священники отказывались выполнять этот приказ. Некоторые из них открыто заявляли о том, что московский патриарх являлся «*настоящим патриотом Православной церкви*» [3, л. 68].

В 1943 г. отношение захватчиков к православной церкви существенно изменилось: они перешли к политике ограбления и осквернения храмов. Согласно бюллетеню полиции безопасности от 5 февраля 1943 г., церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны были восстанавливаться или приводиться в соответствие с их назначением органами вооруженных сил. В конце 1943 г. в Новгороде оккупанты вели себя по отношению к храмам не лучше, чем большевики в 1920–1930-х гг.: церкви использовались в качестве казарм, уборных общего пользования, наблюдательных пунктов, конюшен, гаражей, дзотов, овощных складов, кабаре, лазаретов и штабов военных частей. В храмах разбрасывалась порнографическая литература, а на стенах появлялись «*бесстыжие фотоснимки и беззастенчивые акварели*» [7, с. 526–527]. Безусловно, данная политика привела к изменению отношения значительной части православного духовенства к оккупационному режиму.

Кроме того, активному сотрудничеству партизанских отрядов со священнослужителями на оккупированных территориях способствовали распоряжения советского командования, которое весной 1943 г. поставило перед ними ряд первостепенных задач. Среди них были требования активизировать партизанскую войну, поднимая на вооруженную борьбу всё население оккупированных районов, и развернуть широкую агитацию и пропаганду против различных гитлеровских акций [8, с. 30]. Безусловно, для выполнения поставленных задач необходимо было наладить тесное сотрудничество со служителями культа.

Подпольщики и партизаны поделили всё православное духовенство на три основных категории. К первой категории относились служители культа, активно помогавшие партизанам (осуществляли разведку, а иногда даже проводили террористические акции), ко второй — священнослужители, оказывавшие со-

действие в агитации и пропаганде (проводили патриотические проповеди, распространяли советские листовки и газеты), к третьей — священники, передававшие свои средства в фонд обороны. Самой многочисленной категорией была последняя — к ней относились более половины от общего числа священнослужителей [3, л. 67–68]. Очевидно, что самой малочисленной, но самой активной была первая категория. Следовательно, формы антифашистского Сопротивления среди православного духовенства были весьма разнообразны. Ряд служителей культа активно помогал партизанам: одни собирали разведывательную информацию и участвовали в подготовке диверсий; другие предоставляли партизанам пищу, одежду и ночлег; третьи вели антифашистскую пропаганду; четвертые отказывались служить молебны в честь германской армии, призывали сопротивляться насильственной эвакуации немцами. Многие священники собирали средства в советский фонд обороны.

Понимая важность роли священнослужителей в пропагандистской работе, руководство партизанских отрядов иногда «назначало» священников в церкви. Подобный случай произошёл со священником Н. Соловьёвым, который в конце ноября 1943 г. после сожжения оккупантами сел Илемно и Заплеменье вместе со всеми жителями был заключен в лагерь Блудово. Через пять дней его отпустили, после чего он был задержан представителями советского Сопротивления и передан в особый отдел 5-й партизанской бригады. Вскоре по предложению председателя чрезвычайной тройки штаба бригады Соловьёв возглавил приход в селе Дубенки. Здесь священник проводил пропаганду среди верующих и собрал 7500 рублей на танковую колонну и много подарков бойцам Красной армии. Лишь после прихода советских войск в феврале 1944 г. он смог обратиться за благословением к митрополиту Ленинградскому Алексию [1, л. 12–33].

О росте патриотического движения среди православного духовенства с 1943 г. свидетельствуют партизанские листовки. Так, в одной из них говорилось о расстрелянном немцами священнике, память о котором чтит партизаны и население одного из оккупированных районов Северо-Запада: священник в своих проповедях вместо прославления германского оружия

рассказывал о Дмитрие Донском, Александре Невском, Сергии Радонежском и о том, как «они от насильников и порабощителей отстаивали землю русскую» [9, с. 24].

К сожалению, остаются неизвестными имена многих священников, так или иначе принимавших участие в движении Сопротивления, но некоторые из них удалось установить.

Активно сотрудничал с партизанами во Пскове в 1941–1944 гг. будущий епископ Кировский и Слободской Иоанн (Иван Спиридонович Иванов), после чего по заданию Москвы отступил вместе с беженцами в Ригу, где также наладил связи с местными партизанами, за что был награжден орденом Красного Знамени [14, с. 396].

Семидесятилетний священник Александр-Невской церкви в деревне Видони Уторгошского района Мефодий Белов был разведчиком, а его дочь Руфа с благословения отца ушла в партизаны. Немцы расстреляли священника за попытку сорвать планы оккупантов по насильственной эвакуации русского населения в немецкий тыл [2, л. 68].

Священник Федор Андреевич Пузанов активно помогал партизанам с 1942 г. В течение 1943 г. он собирал среди верующих средства для строительства танковой колонны «Дмитрий Донской». Священнику удалось собрать пожертвований на общую сумму 500 тыс. рублей, они были переданы партизанами на Большую землю. За помощь в организации советского Сопротивления Пузанов был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» 2-й степени [3, л. 67].

С 1941 г. помогал партизанам настоятель Успенской церкви села Гагрино Плюсского

района о. Дмитрий Евдокимов: священник кормил их и оказывал материальную помощь, а также выполнял задания, «рискуя своей жизнью» [14, с. 410].

Проводил разведывательные операции настоятель церкви в деревне Дубановичи Карамышевского района Псковского округа о. Кирилл. Кроме того, священник вел пропаганду среди населения (по окончании богослужения зачитывал в храме сводки Совинформбюро) и собрал в фонд обороны 50 тыс. рублей [10, с. 406–407].

Священник Жуковской церкви Невельского района И.Я. Щемелев призывал молодежь вступать в партизанские отряды [15, с. 150].

Таким образом, благодаря активной антисоветской пропаганде, проводившейся оккупационным режимом, значительная часть православного духовенства Северо-Запада России оказалась на стороне захватчиков, став марионеткой в их руках. Этому способствовала также недальновидная политика руководства партизанских отрядов на первом этапе войны, согласно которой православная церковь и духовенство объявлялись злейшими врагами. Однако постепенное осознание как на высшем уровне, так и на местах необходимости объединения всех сил в борьбе против фашистов способствовало налаживанию сотрудничества между представителями движения советского Сопротивления и священнослужителями. Многие православные священники стали союзниками и сподвижниками партизан и подпольщиков в борьбе за освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области. Д. 1а/14687.
2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191.
3. Государственный архив новейшей истории Новгородской области. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201.
4. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 432.
5. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
6. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 544 с.
7. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 662 с.
8. Кулик С.В. Категории партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 27–32.
9. Кулик С.В. Православная церковь на оккупированной территории Северо-Запада России в 1941–1944 гг. // Чело. 2009. № 1 (43). С. 20–27.
10. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. I. СПб.: Нева: Олма-Пресс, 2002.
11. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 509 с.

12. **Шкаровский М.В.** Репрессии 1930-х гг. против священнослужителей Северо-Запада России // Ежегодная богословская конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского ун-та, 2013. С. 16–22.

13. **Шкаровский М.В.** Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве. М.: Крутиц. Патр. подворье и др., 1999. 400 с.

14. **Шкаровский М.В.** Церковь зовет к защите Родины: религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Сатисъ-Держава, 2005. 620 с.

15. **Якунин В.Н.** Вклад Русской православной церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тольятти: Современник, 2002. 319 с.

16. **Kulik S., Matveichuk E., Samylovskaya E., Eidemiller C.** The Catholicism and Sunni position and role in the Fascism and National Socialism ideological coordinate system at the turning point of the Second World War // 2nd Int. Multidisciplinary Scientific Conf. on Social Sciences and Arts SGEM-2015. Aug. 26 – Sept. 1. В. 3, vol. 1. P. 455–462. URL: www.sgemsocial.org.

КУЛИК Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kulik54@mail.ru

САМЫЛОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

S.V. Kulik, E.A. Samylovskaya

THE PARTICIPATION OF THE ORTHODOX CLERGY IN THE MOVEMENT OF SOVIET RESISTANCE IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA IN 1941–1944

The article considers the participation of Orthodox priests in the Soviet resistance movement in occupied territories of the Northwest of Russia during the Great Patriotic War. On the basis of the analysis of the insufficiently studied archival sources and Russian historiography the position of Orthodox clergy during the Nazi occupation were examined. The authors pay attention to the fact that priests found themselves at the center of ideological confrontation of the Nazi and Soviet propaganda. Nazi occupants laid their hopes on the religious factor in their propagandistic policy, therefore they have revived religious cult. In turn, only the beginning of 1942 members of an underground and partisans realized the importance of involvement of clergy to fight against the invaders. Since 1942 the priests actively helped partisans, carrying out reconnaissance and sometimes acts of terrorism. Also they carried out The anti-nazi agitation and propaganda among the population and provided the means to the defense fund. As a result the authors has come to the conclusion that, despite the previous repression against the Russian Orthodox Church, many priests supported the Soviet resistance movement. Contrary to the expectations of the Nazis that the churches became the center of anti-Soviet propaganda, they became centers of Russian national identity.

ORTHODOX CLERGY; RUSSIAN ORTHODOX CHURCH; GREAT PATRIOTIC WAR; NAZI OCCUPATION; NORTHWEST OF RUSSIAN; COLLABORATION; SOVIET RESISTANCE MOVEMENT.

REFERENCES

1. [Archive of the Federal Security Service of the Novgorod Region]. D. 1a/14687.
2. [State Archive of Contemporary History of the Novgorod region]. F. 260. Op. 1. D. 191.
3. [State Archive of Contemporary History of the Novgorod region]. F. 260. Op. 1. D. 202.
4. [State Archives of the Novgorod Region]. F. R-1244. Op. 1. D. 432.
5. Kovalev B.N. *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: The types and forms]. Velikiy Novgorod, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise Publ., 2009. 372 p. (In Russ.)
6. Kovalev B.N. *Nacistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii. 1941–1944* [The Nazi occupation and collaboration in Russia. 1941–1944]. Moscow, AST, Tranzitkniga Publ., 2004. 544 p. (In Russ.)
7. Kovalev B.N. *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii* [Everyday life of Russian population during the Nazi occupation]. Moscow, Young Guard Publ., 2011. 662 p. (In Russ.)
8. Kulik S.V. [Categories guerrilla groups in the Great Patriotic War (1941–1944 gg.)]. *Military Law Journal*, 2006, no. 11, pp. 27–32. (In Russ.)
9. Kulik S.V. [The Orthodox Church in the occupied territory of the North-West of Russia in 1941–1944]. *Brow*, 2009, no. 1 (43), pp. 20–27. (In Russ.)
10. Lomagin N.A. *Neizvestnaya blokada* [The Unknown blockade]. B. I. St. Petersburg, Neva, Olma-Press Publ., 2002. (In Russ.)
11. Pospelovskiy D.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow, Republic Publ., 1995. 509 p. (In Russ.)
12. Shkarovskiy M.V. [The repression of the 1930s. against the priests of the North-West of Russia. Annual Theological Conf. of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities]. Moscow, Publishing House of St. Tikhon's Orthodox University, 2013. Pp. 16–22. (In Russ.)
13. Shkarovskiy M.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' pri Staline i Hrushcheve* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev]. Moscow, Krutitskiy Patriarchal Compound et al. Publ., 1999. 400 p. (In Russ.)
14. Shkarovskiy M.V. *Tserkov' zovet k zashchite Rodiny: religioznaya zhizn' Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The Church calls for the defense of the homeland: religious life of Leningrad and the North-West during the Great Patriotic War]. St. Petersburg, Satis Power Publ., 2005. 620 p. (In Russ.)
15. Jakunin V.N. *Vklad Russkoy pravoslavnoy Tserkvi v pobedu nad fashizmom i izmenenie gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The contribution of the Russian Orthodox Church in the victory over fascism and the change in church-state relations in the years of the Great Patriotic War 1941–1945 gg.]. Tolyatti, Contemporary Publ., 2002. 319 p. (In Russ.)
16. Kulik S., Matveichuk E., Samylovskaya E., Eidemiller C. The Catholicism and Sunni position and role in the Fascism and National Socialism ideological coordinate system at the turning point of the Second World War. *2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM-2015*. Aug. 26 – Sept. 1. B. 3, vol. 1, pp. 455–462. Available at: www.sgemsocial.org.

KULIK Sergey V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kulik54@mail.ru

SAMYLOVSKAYA Ekaterina A. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.8
УДК 281.93+929+94(47)

Д.Д. Смирнова

НОВГОРОДСКИЙ АРХИЕПИСКОП ФЕОДОСИЙ – ВИДНЫЙ ПОСТРИЖЕНИК ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Рассмотрены этапы жизни новгородского архиепископа Феодосия (1491–1563), связанные с Иосифо-Волоколамским монастырем, дана оценка влияния этой обители на его личность. На основе анализа источников и историографии автор статьи приходит к выводу, что, приняв постриг в этом монастыре в раннем возрасте, Феодосий являлся учеником Иосифа Волоцкого. Показано, что после ухода Феодосия из монастыря (назначен на должность игумена Хутынского монастыря, а затем на должность новгородского архиепископа) он не порывал связи с обителью, где был пострижен. Подробно освещены последние 12 лет жизни Феодосия, которые он провел в Иосифо-Волоколамском монастыре после оставления новгородской кафедры.

НОВГОРОДСКИЙ АРХИЕПИСКОП ФЕОДОСИЙ; ИОСИФО-ВОЛОКОЛАМСКИЙ МОНАСТЫРЬ; НОВГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ; ИСТОРИЯ РОССИИ XVI ВЕКА.

В истории новгородской епархии XVI век является непростым, но очень важным периодом. Совсем недавно потерявший свою независимость, Новгород в это время всё еще ощущал на себе последствия адаптации к новым условиям. Отражалось это и на новгородской епархии. Тем не менее история изучения ее жизни в тот период содержит ряд значительных лакунов, но их во многом можно восполнить, обратившись к жизни представителей епархиальной иерархии. В этой связи особо интересна личность одного из виднейших новгородских архиепископов середины XVI века – Феодосия, который внес большой вклад в развитие Новгорода и по своему значению встал в один ряд с новгородскими архиепископами Макарием и Геннадием. Как показал анализ литературы, исследователи обращались к его личности неоднократно [См.: 32, 33, 47 и др.], однако анализ всего имеющегося комплекса историографии и источников по интересующему нас вопросу до сих пор не был проведен, что послужило поводом для написания данной статьи.

Связь архиепископа Феодосия с Иосифо-Волоколамским монастырем прослеживается на протяжении всей его жизни: здесь он начал свой иноческий путь и здесь же, после ухода на покой, скончался. Точная дата пострижения Феодосия в монастырь неизвестна. На то, что Феодосий,

очевидно, с ранних лет готовил себя к монашеству, указывает его ученик Евфимий (Турков), отметивший в «Повести о кончине Феодосия», что он «от рожения не позна плотскаго греха» [38, с. 207]. Евфимий писал также, что Феодосий был учеником Иосифа Волоцкого [30, с. 1; 38, с. 206]. В историографии этот факт получил неоднозначную оценку. Мнение о том, что Феодосий являлся постриженником и учеником Иосифа Волоцкого, высказывали без какой-либо аргументации и епископ Амвросий (Орнатский) [2, с. 186], и протоиерей П.И. Тихомиров [47, с. 151]. Другая точка зрения, опровергающая эту версию, однако также бездоказательная, выдвигалась А.А. Зиминим [18, с. 80] и Д.М. Буланиным [6, с. 457]. Они полагали, что Феодосий принял постриг в монастыре около 1523 года, т. е. уже после смерти Иосифа (1515) [4, с. 559]. Сходного суждения придерживается и архимандрит Макарий (Веретенников). Он считает, что Феодосий ушел в монастырь в 1522 году, после смерти боярина С.И. Воронцова [33, с. 188], наступившей, по одним источникам, не позднее мая 1522 года [20, с. 158], по другим – в 1517 или 1518 году [8, с. 223; 31, с. 178]. С такой точкой зрения трудно согласиться. Как известно, Иосиф Волоцкий одобрял раннее пострижение в монастырь и считал, что долг господина, согласно Божественному писанию, повелевает «имети попе-

чение о рабех, якоже о чадах», отпускать при их желании в монастырь с 15 лет беспрепятственно [10, с. 150; 36, с. 148, 149]. Случалось, что Иосиф постригал беглеца, несмотря на сопротивление господина [37, с. 4].

Анализ источников показывает, что С.И. Воронцов был хорошо знаком с Иосифом Волоцким [20, с. 158; 42, с. 187], и, можно полагать, он знал о позиции последнего. Поэтому нет никаких оснований считать, что Феодосий мог уйти в монастырь лишь после смерти Воронцова. Сам боярин, его жена, а впоследствии и сын также приняли постриг. Об этом можно судить по записи в «Синодике»: «Симеону Ивановичу Воронцову, нареченному в мнишенском чину Сергию, и сыну его Михаилу Семеновичу, и сыну же Дмитрию, нареченному в мнишеском чину Дионисию... Марии Семенове Ивановича Воронцова, нареченной в мнишеском чину Марфе... вечная память» [45, с. 454, 455]. Также это подтверждает запись в книге вкладов Троице-Сергиева монастыря: в 1522 году инокиня Марфа внесла вклад по мужу – иноку Сергию. Повторный вклад был сделан уже старшей Марфой в 1588 году [9, с. 52].

Мнение о том, что Феодосий был либо учеником Иосифа Волоцкого, либо постриженником в период его игуменства (1479–1515), разделяет О.Н. Пономаренко [41]. В качестве аргумента она приводит отрывок из «Повести о кончине Феодосия» Евфимия Туркова, где сообщается, что Феодосий был похоронен «близ гробницы преподобного чудотворца Иосифа, старца его» [Там же. С. 264], а также отрывок из сочинения [49] «О чуде с священноиноком Исаией», в котором от лица архиепископа Феодосия об Иосифе говорится: «Во святой ангельский образ обличен бысть святыми его руками и иноческому житию научен бысть от него премудрыми его учении» [41, с. 268].

Об особом внимании Феодосия к личности Иосифа Волоцкого свидетельствуют и созданные при его участии рукописные сборники. Так, в одном из сборников [43, л. 23–24 об.] рядом с жизнеописанием Иосифа имеется дополнение, написанное Феодосием собственноручно. Маловероятно, что Феодосий предпринял бы подобную правку, не будучи хорошо осведомленным о его жизни.

Проанализированные источники позволяют считать, что Феодосий в действительности

являлся учеником Иосифа. Это означает, что самой поздней датой его пострижения оказывается 1515 год, т. е. год смерти Иосифа Волоцкого.

Устав Иосифа Волоцкого диктовал необходимость строгой монастырской жизни [16, стб. 501–502]. Несмотря на процветание обители, у иноков была худая одежда, скудная трапеза два раза в день и совершенный запрет на вино [7, с. 118]. Им также не разрешалось иметь ничего своего, кроме книг и икон, многие монахи носили вериги, спали, сидя на полу, а их кельи плохо отапливались [Там же]. Вместе с тем, как отмечал В.И. Жмакин, Иосифо-Волоколамский монастырь был образовательным и воспитательным заведением – школой в ее философском смысле [17, с. 119], «это была древняя академия» [Там же], а иноки монастыря – это люди, приученные и привыкшие «всегда к исполнению возложенных на них обязанностей, хорошие администраторы и исполнители заранее начертанных для них планов, проповедники идей и взглядов, которые даны им готовым монастырским воспитанием» [Там же. С. 117]. Иосифляне играли большую роль в государственных делах, занимая важное место в русской иерархии XVI века [5, с. 103–104]. Их «связывало одно общее чувство – любовь и привязанность к тем идеям и воззрениям, которые они воспитывали в себе, живя в монастыре, и которые по самой непосредственной и строго охраняемой традиции восходили прямо к Иосифу Волоцкому» [17, с. 119]. Верность этой традиции Феодосий сохранил на протяжении всей своей жизни.

О деятельности Феодосия в монастыре достоверно судить нельзя. П.И. Тихомиров без аргументации считал, что Феодосий выполнял обязанности чтеца [47, с. 151]. Особый интерес Феодосия к церковному пению, подтвержденный принадлежащими ему книгами, позволяет сделать предположение, что некоторые его обязанности могли быть связаны с пением. На основе анализа документов можно предполагать, что в последние годы пребывания в монастыре Феодосий был келарем. Так, в одной из купчих Иосифова монастыря от 1526–1527 годов присутствует следующая запись: «Пречисты обители Иосифова монастыря се яз, чернец Федосей, киларь» [29, с. 95]. Келарь в монастыре играл важную роль, занимая среди монастырских чинов самое высокое положение [48, с. 60]. Вмес-

те с казначеем он помогал игумену в решении монастырских дел. В отсутствие игумена все хозяйственные дела переходили под их попечение [46, с. 33]. Помимо купчей имеются и летописные сведения о том, что Феодосий был клириком: «Избравъ старца духовна из Осифовы пустыни инока Феодосия, клирика чиномъ» [39, с. 549]. Как известно, по монастырскому уставу келарь входил в число соборных старцев (клириков) [19, с. 112; 25, с. 90]. Таким образом, предположение о том, что Феодосий мог быть келарем, имеет под собой основание.

По слову великого князя Василия III иннок Феодосий «из Осифовы пустыни» 21 ноября 1531 года был назначен настоятелем Хутынского монастыря [39, с. 549]. Находясь на этой должности, игумен Феодосий не забывал и о монастыре, где был пострижен. Опубликованная А.П. Голубцовым опись церковей Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 года содержит запись о том, что Хутынский игумен Феодосий передал туда икону «Видение Евлогиево» или «Всеношное» новгородского письма [12, с. 191]. В основе сюжета иконы лежит повесть Скитского Патерика, рассказывающая о том, что блаженный Евлогий видел, как после всеношного бдения ангелы раздавали бывшим на службе монахам дары, соответствующие силе их молитвенного подвига [11, прил., с. 4; 22, с. 119].

В 1542 году произошло одно из ключевых событий в жизни Феодосия — он был возведен на Новгородский архиепископский престол [40, с. 26–27]. Архиепископ Феодосий проявлял ревностную заботу о духовной жизни епархии, поддерживая связь с Иосифо-Волоколамским монастырем. В литературе указывается, что в середине XVI века «иждивением архиепископа Новгородского Феодосия» была расширена трапезная монастыря [1, с. 31]. Сведения об этой и других постройках в обители попечением Феодосия имеются в «Обиходнике» монастыря: «Трапезу большую пределать, и паперти камены, и службы под ними. Все его труды не исписати» [35, с. 399].

Архиепископ Феодосий возглавлял Новгородскую епархию до 1551 года, затем он вернулся в Иосифо-Волоколамский монастырь, где и прожил последние 12 лет до своей смерти. Получить представление об этих годах его жизни позволяет анализ «Повести о кончине Феодосия» Евфимия Туркова. Как подчеркивается

в литературе, это «исполненный задушевной скорби рассказ» ученика об учителе [24, с. 297; 27, с. 63–65; 28, с. 2]. Данная повесть стоит в одном ряду с такими источниками, как повести о кончинах Пафнутия Боровского, епископа Акакия и митрополита Макария [33, с. 87]. В «Повести о кончине Феодосия» Евфимий Турков подробно и эмоционально описал последние дни жизни учителя, привел множество бытовых подробностей, позволяющих получить представление об окружении, жизни и личности бывшего архиепископа. В ней описана не только тяжелая болезнь Феодосия, но и смирение, с которым он переносил страдания: «от многого труда, и подвиг, и стоания — нозе его опухли бяше, якоже древие», «бо(ле)зни на одре лежа 6 лет, отнюд не владея руками и ногами, разве креста Животворящаго знамени», при этом «отнюд ни постенав» [38, с. 206, 210].

Нуждаются в уточнении слова Евфимия о том, что Феодосий последние 6 лет жизни был парализован, не владел не только ногами, но и руками. В этом случае встает вопрос о возможности его участия в написании рукописных сборников, факт которого зафиксирован в текстах. Однако поскольку Евфимий упоминает о возможности Феодосия творить крестное знамение, можно предположить, что паралич был лишь частичный или же нарушения были не столь значительны, чтобы препятствовать написанию сборников.

Несмотря на болезнь, Феодосий сохранял присутствие духа: «И телом не изпадет и лице бяше ему всегда весело, показуя душевную его чистоту, и целомудрие, и совершенное безстрастие» [Там же. С. 210]. В повести также отмечено, что Феодосий «за много время, познав свое от мира отхождение, повеле сотворити себе гроб и вся надгробная уготовити и свеча, яже на одре вжигают, и повеле жив во гроб положити ся, бе бо зело немощен телом, паче ногами» [Там же. С. 206]. Эти слова свидетельствуют о том, что в последние годы своей жизни Феодосий был, по всей видимости, лишен возможности ходить.

Несмотря на немощь, Феодосий до последнего дня не оставлял молитвенное правило: «Правила же церковное сохраняя по уставу, никако же преступив, и до последняго своего издыхания» [Там же]. Продолжал Феодосий и труды по благоустройению монастыря. Как отмечал Евфимий в «Обиходе», эти труды, кото-

рых «не исписати», совершались «и молитвами, и смыслом, и указом» Феодосия [35, с. 399]. По всей видимости, бывший архиепископ пользовался в монастыре глубоким уважением. В келью к нему приходили его духовник Афанасий Старый, игумен монастыря Леонид, находившийся на покое в монастыре бывший суздальский епископ Трифон «и иноки, и мирские» [38, с. 207–208, 211]. В беседах с ними Феодосий находил полезные слова, и лицо его было «всегда весело» [Там же. С. 210].

Как отмечал Ю.В. Анхимюк, в Иосифо-Волоколамском монастыре был хорошо развит институт наставничества и учительства [3, с. 74]. Под руководством Феодосия трудились Евфимий Турков, Иеремия, Паисий и Феодосий Плещеев, о котором Евфимий говорит, что его бывший архиепископ любил «многоя ради добродетели его, смирения и неразумного послушания» [38, с. 209].

Находясь на покое в монастыре, Феодосий активно работал над составлением рукописных сборников. Эти сборники в качестве результата келейных занятий Феодосия с его учениками А.П. Голубцов характеризовал как «своего рода компедиум по части толкования Священного Писания, святоотеческих творений, житий святых, аскетической литературы, древней и русской истории и т. п.» [13, с. XI, примеч. 6]. Переписывал тексты и сам Феодосий, несмотря на немощ и болезнь, порой заставлявшие его прерывать текст, который тут же продолжал кто-то из учеников [См., например: 43, л. 341–343]. Списывание на Руси считалось делом богоугодным [21, с. 263, 267]. Одни писцы занимались этим по обету, по долгу, с целью получить прощение грехов или по приказанию игумена, другие делали из переписки для себя постоянный промысел [Там же. С. 261, 263]. Так, наряду с учениками с Феодосием трудился профессиональный писец Дмитрий Лапшин [15, с. 8; 44, с. 777–778]. Работая над составлением и написанием рукописных сборников, Феодосий показывал пример своим ученикам.

Следует отметить, что некоторые из учеников Феодосия в дальнейшем стали крупными фигурами своего времени. Так, Евфимий Турков был рукоположен в игумены Иосифо-Волоколамского монастыря (1573–1587) [23, с. 420]. Став игуменом, Евфимий, в свою очередь, следил за составлением сборников уже

его учениками [Там же. С. 421]. Другой ученик Феодосия, Иеремия, стал архимандритом Свяжского монастыря (1564–1565), а затем архиепископом Казанским (1576–1581) [44, с. 777].

В своей повести Евфимий рассказал о бытовой стороне жизни Феодосия: его ученики (сам Евфимий, Феодосий Плещеев и Паисий, за исключением Иеремии) жили с бывшим архиепископом в одной келье, причем старец помещался в передней келье [38, с. 210]. Представление о передней келье дает описание Кирилло-Белозерского монастыря, где к кельям переднего ряда «через засенья» примыкали другие кельи [26, с. 28]. По всей видимости, та же система существовала и в Иосифо-Волоколамском монастыре.

Как явствует из записей Евфимия, ученики искренне любили старца, что свидетельствует о его высоких человеческих качествах. Так, сам Евфимий Турков, работая на протяжении всей своей жизни над рукописными сборниками, регулярно посвящал записи в них своему учителю. Последними словами Феодосия, обращенными к ученикам, были слова о любви: «Имейте любовь меж собою и не разлучайтесь, живите въкупе и мир меж собою имейте, и Бог мира да будет с вами, аминь» [38, с. 212].

Перед самой смертью Феодосий также благословил пришедшего к нему в келью игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Леонида на участие в военном походе с Иваном IV на Полоцк [Там же. С. 207–208]. Это свидетельствует об уважении, которым Феодосий пользовался в монастыре, поскольку сам игумен обращался к нему за благословением. Евфимий писал, что незадолго до смерти у Феодосия открылся дар прозорливости. Благословляя игумена, Феодосий сказал, что уже не дождется его возвращения в монастырь: «Мне уже – рече – с тобою последне (е)сть прощене и видение, на путь бо свой иду и долги, по нему же николи же ходих, и тебя уже мне не сождати во обитель» [Там же. С. 208]. Он предсказал победу русского войска под Полоцком, когда «в царствующем же граде Москве и по всем градом Рускеа земля еще не бе слышано бысть таковые великия победы» [Там же. С. 209].

Еще за пять лет до кончины Феодосий испросил у настоятеля обители и старцев разрешение быть похороненным рядом с Иосифом Волоцким. Евфимий Турков писал: «И послед-

нее по смерти показав смирение, глаголя: „Бога ради сотворите милость со мною, погребите тело мое грешное под порогом первых церковных дверей <...> близ гробницы. Достоин бо есмь всегда ногами попирается”» [38, с. 212]. Эта просьба Феодосия была выполнена. Так, в «Обиходе» Евфимий сообщал: «Гроб архиепископа Феодосия въ дверехъ, в приделе в новом, под прагом отъ святых вратъ. Сам испроси место себе у игумена и у братии» [30, с. 6].

Скончался Феодосий 26 февраля 1563 года в возрасте 72 лет [38, с. 205–206]. Его гробница располагалась рядом с гробницей митропо-

лита Даниила – крупного церковного деятеля XVI века [14, с. 184; 34, с. 81]. Этот факт также может свидетельствовать о почете и уважении, с которым в монастыре относились к Феодосию.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет заключить, что Иосифо-Волоколамский монастырь оказал на Феодосия глубокое влияние. Ведущую роль в этом играла личность Иосифа Волоцкого, учеником которого являлся будущий Новгородский архиепископ. Верность традициям монастыря Феодосий сохранил до конца жизни, оказав значительное влияние на собственных учеников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александрова Т.Л., Суздальцева Т.В.** Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель. М.: Сев. паломник, 2001. 47 с.
2. **Амвросий (Орнатский), еп.** История российской иерархии. 2-е изд. Т. 1. Ч. 1. Киев: Киево-Печерская лавра, 1827. 686 с.
3. **Анхимюк Ю.В.** Новообретенные рукописные книги из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века // История Волоколамского края и перспективы «Золотого наследия Руси»: сб. докл. науч.-практ. конф. (30 октября 1998 г.). М.: Турист РМАТ, 1999. С. 73–82.
4. **Басова М.В., Шевченко Э.В.** Иосиф (Санин) // Правосл. энцикл. Т. 25. М.: Правосл. энцикл., 2011. С. 559–585.
5. **Бовыкин В.В.** Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 432 с.
6. **Буланин Д.М.** Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2. Вып. 2. Л.: Наука, 1989. С. 457–460.
7. **Васильева Е.А.** Обитель преподобного Иосифа Волоцкого // Журн. Московской патриархии. 2006. № 11. С. 115–129.
8. **Веселовский С.Б.** Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
9. **Вкладная книга** Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М.: Наука, 1987. 440 с.
10. **Второе послание князю о постригшемся «человеке»** // Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зиминой, Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 149–152.
11. **Георгиевский В.Т.** Фрески Ферапонтова монастыря. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 200 с.
12. **Голубцов А.П.** Материалы для истории древнерусской иконописи // Богословский вестн. 1910. Т. 2. № 5. Май. С. 182–195.
13. **Голубцов А.П.** Чиновник Новгородского Софийского собора. Предисловие // Чтения в Общ-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. Кн. 2. М., 1899. С. I–XX.
14. **Горохов В.А.** Обители земли православной. М.: Вече, 2011. 415 с.
15. **Дмитриева Р.П.** Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л.: Наука, 1991. С. 3–15.
16. **Духовная грамота** преподобного игумена Иосифа // Великие Минеи Чети, собранные все-российским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1–13 / Археограф. комиссия. СПб.: Тип. Имп. АН, 1868.
17. **Жмакин В.И.** Митрополит Даниил и его сочинения / Общ-во истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Тип. Моск. ун-та (М. Катков), 1881. 873 с.
18. **Зимин А.А.** И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 499 с.
19. **Зимин А.А.** Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.
20. **Зимин А.А.** Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
21. **Карский Е.Ф.** Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979. 516 с.
22. **Квливидзе Н.В.** «Видение Евлогия» // Православная энцикл. Т. 8. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2004. С. 119–120.
23. **Клосс Б.М., Кузьмин А.В.** Евфимий (Турков) // Правосл. энцикл. Т. 17. М.: Правосл. энцикл., 2008. С. 420–422.

24. **Ключевский В.О.** Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Тип. Грачёва, 1871. 474 с.
25. **Колычева Е.И.** Православные монастыри второй половины XV – XVI века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: истор. очерки. М.: Наука, 2002. С. 81–115.
26. **Кочетков И.А., Лелекова О.В., Подъяпольский С.С.** Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Архитектурные памятники. М.: Теза, 1994. 64 с.
27. **Крушельницкая Е.В.** Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб.: Наука, 1996. 365 с.
28. **Кунцевич Г.З.** Феодосий, архиепископ Новгородский (1491–1563). Его «житие». СПб.: Тип. Р. Голике, 1898. 14 с.
29. **Купчая** келаря Феодосия и посельского Касьяна на купленную у Александра Павлова с. Исакова-Кашкарова дер. Дуплево в Раховск. ст. Волоцк. у. 1526–1527 г. // Зимин А.А. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956. № 100.
30. **Леонид, еп. Дмитровский.** Выписка из «Обихода» Волоколамского Иосифова монастыря, конца XVI века, о дачах в него для поминовения по умершим // Чтения в Общ-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 4. Ч. 5. М., 1863. С. 1–8.
31. **Лихачёв Н.П.** Разрядные дьяки XVI века: опыт истор. исследования. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 756 с.
32. **Макарий (Веретенников), архим.** Новгородский архиепископ Феодосий (1542–1563) // Альфа и Омега. 2000. № 3 (25). С. 187–210.
33. **Макарий (Веретенников), архим.** Из истории русской иерархии XVI века. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2006. 320 с.
34. **Нектарий, иером.** Историческое описание Иосифова Волоколамского второклассного монастыря Московской губернии, составленное одного же монастыря иеромонахом Нектарием в 1886 году. М.: Тип. В.М. Фриш, 1887. 105 с.
35. **Обиход** Иосифова монастыря // Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Моск. Синод. б-ки. Отд. 3. Ч. 1. М.: Синод. тип., 1869. С. 392–402.
36. **Первое** послание князю о постригшемся «человеке» // Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимины, Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 148–149.
37. **Питирим (Нечаев), митр.** Краеведение и перспективы возрождения «Золотого наследия Руси» // История Волоколамского края и перспективы «Золотого наследия Руси»: сб. докл. науч.-практ. конф. (30 октября 1998 г.). М.: Изд-во РМАТ, 1999. С. 3–7.
38. **Повесть** о кончине Новгородского архиепископа Феодосия // Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М.: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2006. С. 205–213.
39. **Полное** собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 688 с.
40. **Полное** собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 237 с.
41. **Пономаренко О.Н.** О времени пострижения Феодосия Новгородского // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2007. С. 264–272.
42. **Послание** Ивану Ивановичу Третьякову // Послания Иосифа Волоцкого / подгот. текста А.А. Зимины, Я.С. Лурье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 187–208.
43. **Российская национальная библиотека.** Основное собрание рукописной книги. Q.XVII.50. Сборник XVI в. 384 л.
44. **Русский** феодальный архив XIV – первой трети XVI века / сост. А.И. Плигузов, Г.В. Семенченко. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1988. С. 697–943.
45. **Синодик** // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся / изд. Н.И. Новикова. 2-е изд. Т. 6. М.: Тип. К^о тип-ской, 1788. С. 420–505.
46. **Сметанина С.И.** Хозяйственные книги Иосифо-Волоколамского монастыря в РГАДА // История Волоколамского края и перспективы «Золотого наследия Руси»: сб. докл. науч.-практ. конф. (30 октября 1998 г.). М.: Изд-во РМАТ, 1999. С. 31–48.
47. **Тихомиров П.И., прот.** Кафедра Новгородских святителей со времени покорения Новгорода Московской державе в 1478 г. до кончины последнего митрополита Новгородского Иова в 1716 году. Т. 2. Вып. 1. Новгород: Тип. И. Игнатовского, 1895. 223 с.
48. **Хрущёв И.П.** Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб.: Тип. Имп. АН, 1868. 321 с.
49. **Чудо** о священнойноке Исаии Новгородце, иже бысть на владычнем дворе на сенех // Невоструев К.И. Рассмотрение книги И. Хрущёва «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого». СПб., 1868 // Отчет о двенадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1870. С. 166–168.

СМИРНОВА Дина Дмитриевна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры «История» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

e-mail: kvarn@rambler.ru

D.D. Smirnova

THE NOVGORODIAN ARCHBISHOP FEJDOSIY AS THE PROMINENT MONK OF THE IOSIFO-VOLOKOLAMSKY MONASTERY

The article examines the life's stages of Novgorodian Archbishop Feodosii (1491–1563) related to the Iosifo-Volokolamsk monastery and the influence of the monastery on his person. Based on analyses of the sources and historiography the author concludes that at an early age Feodosiy took vows in the Iosifo-Volokolamsk monastery and was the pupil of Joseph Volotsky. It is shown that after leaving the monastery because of the appointment of hegumen of the Khutyn monastery, and then the Archbishop of Novgorod, Feodosiy did not break his connection with the monastery where he was tonsured. It were described the last 12 years of of Feodosiy's life, which he spent in the Iosifo-Volokolamsky monastery, after leaving the novgorodian eparchy.

THE NOVGORODIAN ARCHBISHOP FEODOSIY; IOSIFO-VOLOKOLAMSKY MONASTERY; NOVGORODIAN EPARCHY; RUSSIAN HISTORY OF THE 16th CENTURY.

REFERENCES

1. Aleksandrova T.L., Suzdal'ceva T.V. *Prepodobnyj Iosif Volockij i sozdannaja im obitel'* [The monk Joseph of Volotsk and the monastery founded by him]. Moscow, Severnyj palomnik Publ., 2001. 47 p. (In Russ.)
2. Amvrosij (Ornatskij), episkop. *Istorija rossijskoj ierarkhii* [History of the Russian hierarchy]. Of vol. 1, pt. 1. Kiev, Kievo-Pecherskaja lavra Publ., 1827. 686 p. (In Russ.)
3. Anhimjuk Ju.V. [Newfound manuscripts from the library of the Joseph-Volokolamsky monastery of the XVI century]. *Istorija Volokolamskogo kraja i perspektivy "Zolotogo nasledija Rusi"* [The history of the Volokolamsk region and the prospects of "Gold heritage of Russia"]. Moscow, Turist RMAТ Publ., 1999. Pp. 73–82. (In Russ.)
4. Basova M.V., Shevchenko Je.V. [Joseph (Sanin)]. *Pravoslavnaia jenciklopedija* [The Orthodox encyclopedia]. Of vol. 25. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediya Publ., 2011. Pp. 559–585. (In Russ.)
5. Bovykin V.V. *Russkaja zemlja i gosudarstvo v jepohu Ivana Groznogo: ocherki po istorii mestnogo samoupravlenija v XVI v.* [The Russian land and the state in the era of Ivan the terrible: essays on the history of local government in the XVI century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2014. 432 p. (In Russ.)
6. Bulanin D.M. [Feodosiy]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary scribes and literature of Ancient Rus]. Of vol. 2, pt. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1989. Pp. 457–460. (In Russ.)
7. Vasil'eva E.A. [The monastery of the monk Joseph of Volotsk]. *Zhurnal Moskovskoj patriarkhii* [The journal of the Moscow Patriarchate], 2006, no. 11, pp. 115–129. (In Russ.)
8. Veselovskij S.B. *Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev* [Research on the history of the serving class of landowners]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 584 p. (In Russ.)

9. *Vkladnaja kniga Troitse-Sergieva monastyrja* [Contribution book the Trinity-Sergiev monastery]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 440 p. (In Russ.)
10. [The second Epistle to the Prince]. *Poslanija Iosifa Volockogo* [The Messages Joseph Volotsky]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. Pp. 149–152. (In Russ.)
11. Georgievskij V.T. *Freski Ferapontova monastyrja* [The frescoes of the Ferapontov monastery]. St. Petersburg, Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1911. 200 p. (In Russ.)
12. Golubtsov A.P. [The materials for the history of ancient Russian icon painting]. *Bogoslovskij vestnik* [Theological journal], 1910, vol. 2, no. 5, pp. 182–195. (In Russ.)
13. Golubtsov A.P. [An official of the Novgorod St. Sophia Cathedral. Preface]. *Chtenija v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in Society of history and Russian antiquities under the Moscow University]. Of vol. 2. 1899. Pp. I–XX. (In Russ.)
14. Gorohov V.A. *Obiteli zemli pravoslavnoj* [Monastery of the land of Orthodox]. Moscow, Veche Publ., 2011. 415 p. (In Russ.)
15. Dmitrieva R.P. *Knizhnye centry drevnej Rusi. Iosifo-Volokolamskij monastyr' kak centr knizhnosti* [St. Joseph Volokolamsk Monastery of the Dormition as a Main Center of the Booklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. Pp. 3–15. (In Russ.)
16. [Spiritual literacy of Reverend Joseph]. *Velikie Minei Chetii, sobrannye vserossijskim mitropolitom Makariem. Sentjabr'. Dni 1–13* [Great Reading Cetii collected all-Russian Metropolitan Macarius. September. Days 1–13]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1868. (In Russ.)
17. Zhmakin V.I. *Mitropolit Daniil i ego sochinenija* [Metropolitan Daniel and his Works]. Moscow, Tipografija Moskovskogo univ. (M. Katkov) Publ., 1881. 873 p. (In Russ.)
18. Zimin A.A. *I.S. Peresvetov i ego sovremenniki. Oчерki po istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoj mysli serediny XVI veka* [I.S. Peresvetov and His Contemporaries. Essays on the History of Russian Social and Political Beliefs of the Middle of the 16th Century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1958. 499 p. (In Russ.)
19. Zimin A.A. *Krupnaja feodal'naja votchina i social'no-politicheskaja bor'ba v Rossii (konets XV – XVI v.)* [Large feudal Barony and socio-political struggle in Russia (the end of XV – XVI century)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 356 p. (In Russ.)
20. Zimin A.A. *Formirovanie bojarской aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVI v.* [The formation of boyar aristocracy in Russia in second half XV – the first third of the XVI century]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 350 p. (In Russ.)
21. Karskij E.F. *Slavjanskaja kirillovskaja paleografija* [Cyril's Slavic paleography]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 516 p. (In Russ.)
22. Kvlividze N.V. [“The Vision Of Eulogius”]. *Pravoslavnaja jentsiklopedija* [The Orthodox encyclopedia]. Of vol. 8. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2004. Pp. 119–120. (In Russ.)
23. Kloss B.M., Kuz'min A.V. [Euthymiy (Turkov)]. *Pravoslavnaja jentsiklopedija* [The Orthodox encyclopedia]. Of vol. 17. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2008. Pp. 420–422. (In Russ.)
24. Ključevskij V.O. *Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoričeskij istočnik* [Old Russian hagiographies as a historical source]. Moscow, Tipografija Gracheva Publ., 1871. 474 p. (In Russ.)
25. Kolycheva E.I. [Orthodox monasteries in the second half of XV–XVI century]. *Monashestvo i monastyr'i v Rossii. XI–XX veka: istoričeskie oчерki* [Monasticism and monasteries in Russia. XI–XX centuries: historical essays]. Moscow, Nauka Publ., 2002. Pp. 81–115. (In Russ.)
26. Kochetkov I.A., Lelekova O.V., Podjapol'skij S.S. *Kirillo-Belozerskij i Ferapontov monastyr'i. Arhitekturnye pamjatniki* [The Kirillo-Belozersky and Ferapontov monasteries. The architectural monuments]. Moscow, Teza Publ., 1994. 64 p. (In Russ.)
27. Krushel'nitskaja E.V. *Avtobiografija i zhitie v drevnerusskoj literature* [Autobiography and hagiography in the old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 365 p. (In Russ.)
28. Kuntsevich G.Z. *Feodosij, arhiepiskop Novgorodskij (1491–1563)* [The novgorodian Archbishop Feodosiy]. St. Petersburg, Tipografija R. Golike Publ., 1898. 14 p. (In Russ.)
29. Zimin A.A. *Akty feodal'nogo zemlevladienija i hozjajstva* [Acts of feudal land ownership and economy]. Of vol. 2. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1956. No. 100. (In Russ.)
30. Leonid, episkop Dmitrovskij. [Extract from “Obihod” of Joseph of Volokolamsk monastery, the end of the XVI century]. *Chtenija v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in Society of history and Russian antiquities under the Moscow University]. Of b. 4, pt. 5. 1863. Pp. 1–8. (In Russ.)
31. Likhachev N.P. *Razrjadnye d'jaki XVI veka. Opyt Istoricheskogo issledovanija* [Discharge clerks XVI century. Experience of Historical research]. St. Petersburg, Tipografija V.S. Balasheva Publ., 1888. 756 p. (In Russ.)
32. Makarij (Veretennikov), arhimandrit. [The novgorodian Archbishop Feodosiy (1542–1563)]. *Al'fa i Omega* [Alpha and Omega], 2000, no. 3 (25), pp. 187–210. (In Russ.)
33. Makarij (Veretennikov), arhimandrit. *Iz istorii russkoj ierarkhii XVI veka* [From the History of Russian Hierarchy of the 16th century]. Moscow, Svjato-Troitskaja Sergieva lavra Publ., 2006. 320 p. (In Russ.)

34. Nektarij, ieromonakh. *Istoricheskoe opisanie Iosifova Volokolamskogo vtoroklassnogo monastyrja Moskovskoj gubernii* [Historical description of Joseph of Volokolamsk second-class monastery of the Moscow province]. Moscow, Tipografiya V.M. Frish Publ., 1887. 105 p. (In Russ.)
35. [The “Obihod” of Joseph monastery]. *Gorskij A.V., Nevostruev K.I. Opisanie slavjanskih rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki* [Description of the Slavic manuscripts of the Moscow Synodal library]. Of vol. 3, pt. 1. Moscow, Sinodal'naja tipografiya Publ., 1869. Pp. 392–402. (In Russ.)
36. [The first message to the Prince]. *Poslanija Iosifa Volockogo* [The Messages Joseph Volotsky]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. Pp. 148–149. (In Russ.)
37. Pitirim (Nechaev), mitropolit. [Local history and prospects for the revival of “Golden Heritage of Russia”]. *Istorija Volokolamskogo kraja i perspektivy “Zolotogo nasledija Rusi”* [The history of the Volokolamsk region and the prospects of “Gold heritage of Russia”]. Moscow, RMAT Publ., 1999. Pp. 3–7. (In Russ.)
38. [The tale of the demise of Archbishop Feodosiy of Novgorod]. *Makarij (Veretennikov), arhimandrit. Iz istorii russkoj ierarkhii XVI veka* [From the History of Russian Hierarchy of the 16th century]. Moscow, Svjato-Troitskaja Sergieva lavra Publ., 2006. Pp. 205–213. (In Russ.)
39. *Polnoe sobranie russkih letopisej*. T. 4. Ch. 1: Novgorodskaja četvertaja letopis'. Vyp. 3 [Full collection of Russian Chronicles. Of vol. 4, pt. 1: the Novgorod fourth chronicle. Of vol. 3]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1929. 688 p. (In Russ.)
40. *Polnoe sobranie russkih letopisej*. T. 34: Postnikovskij, Piskarevskij, Moskovskij i Bel'skij letopisty [Full collection of Russian Chronicles. Of vol. 34: Postolowski, Piskarevsky, Moscow and Belsky Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 237 p. (In Russ.)
41. Ponomarenko O.N. [About the time of the tonsure of Theodosius of Novgorod]. *Očerki feodal'noj Rossii* [Essays on feudal Russia]. Of vol. 11. Moscow; St. Petersburg, Al'jans-Arkheo Publ., 2007. Pp. 264–272. (In Russ.)
42. [Message to Ivan Ivanovich Tretyakov]. *Poslanija Iosifa Volockogo* [The Messages Joseph Volotsky]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1959. Pp. 187–208. (In Russ.)
43. Rossijskaja natsional'naja biblioteka. OSRK. Q.XVII.50. Sbornik XVI v. [The national library of Russia (NLR). OSD. Q. XVII.50. A collection of XVI century]. 384 p. (In Russ.)
44. *Russkij feodal'nyj arhiv XIV – pervoj treti XVI veka* [Russian feudal archives XIV – the first third of the XVI century]. Of vol. 4. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1988. Pp. 697–943. (In Russ.)
45. [Synodic]. *Drevnjaja rossijskaja vivliofika, sodержashhaja v sebe sobranie drevnostej rossijskikh, do istorii, geografii i genealogii rossijskikh kasajushchikhsja* [Ancient Russian vivliothecs, comprising: a collection of Russian antiquities, to history, geography and genealogy concerning]. Of vol. 6. Moscow, Tipografiya K^o tipografskoj Publ., 1788. Pp. 420–505. (In Russ.)
46. Smetanina S.I. [Business book of the Joseph-Volokolamsky monastery in RGADA]. *Istorija Volokolamskogo kraja i perspektivy “Zolotogo nasledija Rusi”* [The history of the Volokolamsk region and the prospects of “Gold heritage of Russia”]. Moscow, RMAT Publ., 1999. Pp. 31–48. (In Russ.)
47. Tihomirov P.I., protoierey. *Kafedra Novgorodskih svjatitelej so vremeni pokorenija Novgoroda Moskovskoj derzhave v 1478 g. do konchiny poslednego mitropolita Novgorodskogo Iova v 1716 godu* [The Department of the Novgorod prelates since the conquest of Novgorod to Moscow state in 1478 until the death of the last Metropolitan of Novgorod job in 1716]. Of vol. 2, pt. 1. Novgorod, Tipografiya I. Ignatovskogo Publ., 1895. 223 p. (In Russ.)
48. Hrushchev I.P. *Issledovanie o sochinenijah Iosifa Sanina, prepodobnogo igumena Volotskogo* [A study of the writings of Joseph Sanin, of the Abbot of Volotsk]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1868. 321 p. (In Russ.)
49. Nevostruev K.I. [Miracle of the monk Isaiah the Novgorodian]. *Otchet o dvenadcatom prisuzhdenii nagrad grafa Uvarova* [Report on the twelfth the award-winning count Uvarov]. St. Petersburg, 1870. Pp. 166–168. (In Russ.)

SMIRNOVA Dina D. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kvarn@rambler.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.9
УДК 94(438):325.2«1920/1939»

А.А. Микуленок

ПРОБЛЕМА ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РУССКИХ ДЕТЕЙ В ПОЛЬШЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Рассмотрены особенности денационализации русских детей в Польше в условиях эмиграции в межвоенный период 1920–1930-х гг. и способы борьбы с ней. Выявлены причины массового распространения денационализации среди эмигрантов и ее последствия. Проведен анализ видоизменений способов борьбы с денационализацией, применявшихся эмигрантами в целом, и специфики этой борьбы в Польше. Определены ее практическая эффективность и недостатки. Показаны особенности положения русскоязычного населения в Польше, отношение к нему самих эмигрантов и коренного русскоязычного населения. Денационализации подвергались обе эти категории, которые, несмотря на отличия в своем правовом положении, использовали единые способы борьбы с ней. Статья основана на документах, хранящихся в «Пражском архиве» (ГАРФ, Москва), и эмигрантской периодике исследуемого периода.

ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ; БЕЖЕНЦЫ; ПОЛЬША; РУССКАЯ КУЛЬТУРА; РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

Изучение истории российской эмиграции становится одним из приоритетных направлений в отечественной науке. Связано это в первую очередь с событиями последних лет на Украине и Ближнем Востоке, которые привели к массовому бегству людей из зон конфликтов. Многие из беженцев, попадая в другие страны, стремятся сохранить и передать свою культуру, религию и язык своим детям. Однако в силу разных причин это не всегда удается. Обращение к такому малоизученному вопросу, как проблема денационализации детей в условиях эмиграции в межвоенный период 1920–1930-х гг., поможет лучше понять положение, а отчасти и психологию беженцев, и не повторять ошибок прошлого, приводивших к недопониманию между беженцами и правительствами стран-реципиентов, распространению денационализации среди беженцев, иногда к открытым конфликтам.

В современной историографии исследователями уделялось внимание положению российской эмиграции в Польше, однако только в рамках отдельных тем [1–3]. Проблема же денационализации эмигрантов там рассматривалась либо в контексте истории культуры эмиграции [4], либо как одна из составляющих комплексной истории российской эмиграции [5–8], но

не как явление в отдельно взятой стране. Попробуем проанализировать особенности денационализации русских детей-эмигрантов в Польше в 1920–1930 гг. и способов борьбы с ней.

После революционных событий 1917 г. в России начался массовый отток граждан из страны. Первоначально наибольший поток эмигрантов на западе устремился в страны, имевшие протяженную сухопутную границу с Россией, – Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Румынию. Версальский мирный договор и конституции этих стран де-юре гарантировали национальным меньшинствам, проживавшим на их территориях, сохранение национальных прав и особенностей, в том числе и образование на родном языке, однако в большинстве случаев де-факто в странах-реципиентах проводилась политика местного шовинизма, например в Польше она выразилась в так называемом «ополячивании» населения, т. е. приобщении к польской культуре, языку, католическому вероисповеданию и т. д.

Политика местных правительств приводила к такому явлению, как денационализация (от *фр.* *denationalisation* – утрата национальных особенностей [9]). Дети были наиболее подвержены денационализации, что осознавалось

самими эмигрантами. Уже в 1921 г. в эмигрантской прессе поднимался вопрос о борьбе с ней [10, с. 8–9]. А в апреле 1923 г. на Всеэмигрантском съезде по делам средней и низшей школы был заслушан доклад о массовом распространении денационализации и необходимости борьбы с ней, где особо подчеркивалось, что денационализация детей дошкольного возраста приобрела колоссальный размах. Особенно подвержены ей были дети, чьи родители дорожили языком страны-реципиента. Так было, например, во Франции, Германии, Великобритании. В славянских же государствах вопреки мерам, которые принимали их правительства для поддержки родного языка эмигрантов, наблюдалось искажение русского языка из-за его морфологической близости языку страны-реципиента.

В зависимости от социально-экономических и правовых условий проживания эмигрантов страны Европы условно разделяли на три группы [11, с. 141; 12, л. 261–263].

В первую группу входили лимитрофные государства (от *лат.* *limitrophus* – пограничный [9]). Вопреки всем международным договорам и национальным конституциям в этих странах проводилась политика, направленная на ущемление прав национальных меньшинств, положение которых всё же не было одинаковым. Например, в Эстонии, Латвии и Финляндии оно охранялось законодательно, что давало возможность отстаивать свои национальные права, но в течение 1920-х гг. положение эмигрантов в этих странах кардинально изменилось. В Польше и Румынии изначально проводилась политика местного шовинизма, направленного в первую очередь на ликвидацию языковой и культурной самобытности русскоязычного населения. Однако вопреки всем ожиданиям в этой группе государств денационализация была не столь велика в связи с активной борьбой с ней русскоязычного населения.

Ко второй группе относились славянские государства – Болгария, Югославия и Чехословакия. Если в государствах первой группы денационализация являлась следствием политики, которую проводили их правительства, то в странах второй группы, наоборот, вопреки всем мерам по сохранению национальной идентичности эмигрантов год от года денационализация проявлялась всё более отчетливо. Связано

это было, в частности, и с морфологической близостью славянских языков.

В третью группу входили Франция, Германия, Великобритания. В этих странах денационализация проявлялась особенно ярко, что связано с относительно небольшим процентом соотношения количества русскоязычных школ и численности детей-эмигрантов. Помимо этого, культура в них находилась на достаточно высоком уровне развития, однако была чуждой для эмигрантов, особенно во Франции. Причин для активной денационализации было много, например нужда или желание родителей скорее приобщить ребенка к культуре страны-реципиента, что в будущем давало ему возможность получить хорошее образование, а в дальнейшем и перспективу получения высокооплачиваемой работы, что, в свою очередь, гарантировало экономическую стабильность. Дети-эмигранты совсем не знали русского языка, и связано это было с тем, что родители общались с ними исключительно на иностранном языке, так как предпочитали как можно быстрее ассимилироваться в новой стране [11, с. 141–142; 13, л. 35].

На съезде Педагогического бюро¹ уже в 1924 г. подчеркивалось, что разные условия, порождающие денационализацию, требуют и разных способов борьбы с ней. Меры по борьбе с денационализацией разделялись на школьные и внешкольные. Было признано, что в странах, где функционировала русская школа, дети подвергались денационализации в меньшей степени. В странах же, где она отсутствовала, необходимо было организовывать детские сады, клубы, детские летние колонии, детские праздники, приуроченные к знаменательным датам русской культуры, детские собрания, устраивать небольшие библиотеки [12, л. 261–263].

¹ Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей координировало деятельность русских эмигрантских школ. В президиум бюро входили известные общественные деятели русского зарубежья, такие как В.В. Зеньковский, А.В. Жекулина, Ф.С. Сушков, А.Л. Бем, П.Д. Долгоруков. В 1920-е гг. приоритетное направление в деятельности бюро – подготовка и проведение педагогических съездов и совещаний, культурно-просветительская работа, педагогическое просвещение учителей [14, с. 124].

Бюро выделяло несколько основных способов борьбы с денационализацией [13, с. 27].

1. Общение с ребенком на родном языке, причем особенно важно было приучить его общаться по-русски. Поэтому тем, кто имел возможность пользоваться услугами няни, рекомендовалось отдавать предпочтение русскоговорящим претенденткам.

2. Пение русских песен с ребенком с самого раннего возраста. Полезными считались также занятия в русском церковном или светском хоре, которые помимо всего прочего «хорошо организовывали и национализировали жизнь».

3. Каждодневная молитва, что способствовало приобщению к православию с самого детства.

4. Чтение русскоязычной литературы вне зависимости от жанра.

5. Изучение отечественной истории.

6. Развитие любви к искусству, причем рекомендовалось делать акцент на русских народных танцах.

7. Приобщение ребенка к различным религиозным и светским праздникам, таким как Троица, Рождество, Пасха, День русской культуры, День русского ребенка, День непримиримости (помянувшие погибших в годы революции, подтверждение непризнания советской власти в России) и др. [15, л. 35].

8. Организация дополнительных занятий по русскому языку и литературе для детей беженцев, обучающихся в иностранных школах [16, л. 9].

В Польше, как и во всех других лимитрофных государствах, были свои отличительные черты: помимо эмигрантов в ней проживало и коренное русскоязычное население, которое тоже подвергалось денационализации. Вопрос о денационализации русскоязычных детей являлся частью так называемого «русского вопроса». Суть его заключалась в том, что, согласно официальной польской статистике, в стране не было коренного русскоязычного населения, только беженцы. Сами эмигранты называли себя украинцами, белорусами, поляками (проживая в Польше, они причисляли себя к полякам) [17, кадр 0365], но не русскими. Это можно объяснить тем, что многие эмигранты считали синонимами слова «русский» и «большевизм» из-за господствующего строя в России [15, л. 35].

В наибольшей степени денационализации способствовало то, что не было специализи-

рованных дошкольных и школьных заведений. Подчеркивалась необходимость организации детского сада для детей в возрасте до 4 лет. Родители работали целый день, а дети были предоставлены сами себе и всё свободное время проводили на улице среди говорящих по-польски сверстников. Это лишало их возможности в будущем обучаться в русскоязычных школах из-за отсутствия минимальных знаний грамматики русского языка, необходимых для поступления [18, л. 26 об.].

В первые годы своего существования российское зарубежье сосредоточило свое внимание на борьбе с денационализацией посредством русских школ. Но со временем из-за недостатка денежных средств и педагогических кадров, а также из-за стремления родителей отдавать своих детей в иностранные школы многие из них закрылись. В силу этих причин приоритет в борьбе с денационализацией стал отдаваться дополнительным занятиям по русским предметам с детьми, посещавшими иностранные школы, что было весьма эффективно. Но через некоторое время обнаружилось, что дополнительные занятия являлись причиной повышенной утомляемости детей, а это приводило к проблемам с посещаемостью и «текучести» учащихся, довольно часто начинало вызывать у них отвращение к русскому языку и литературе, а со временем и ко всему русскому. Поэтому приходилось видоизменять сам метод обучения, придавая ему игровой характер, делая уклон к саморазвитию. Иногда занятия состояли из чтения произведений с педагогом или с кем-то из родителей и пересказа прочитанного. Немаловажное значение в борьбе с денационализацией имели иллюстрированные издания и картины с изображением русской природы, быта или истории, а также русскоязычные периодические детские журналы. Но в Варшаве, например, первый еженедельный иллюстрированный детский журнал — «Сверчок» для детей в возрасте от 6 до 10 лет стал издаваться только с июня 1933 г. Номер журнала состоял из рассказов, сказок, стихов, басен, различных иллюстраций, игр, загадок и шарад. Стоимость подписки на месяц составляла 1 злотый 50 грошей [17, кадр 0335].

С 1922 г. в Варшаве устраивались различные детские праздники, например рождественские елки и так называемое Детское утро, прово-

дившееся в Русском доме. Праздник начинался с постановки пьесы, потом вместе с детьми читали стихи, пели песни и танцевали, а после концертной программы устраивали игры [19, л. 106; 20; 21, л. 72–73].

В борьбе с денационализацией российские эмигранты старались использовать и опыт других народов. Поляки, например, когда их страна потеряла свою суверенность, смогли сохранить свою национальную идентичность, хотя Польша была разделена на три части. Они активно поддерживали польскую культуру в своих детях, организовывая для них частные школы и дополнительные занятия. Евреи смогли сохранить свою национальную культуру благодаря своим многочисленным национальным церковным школам. Чехи поддерживали культурную связь с помощью обучения чешскому языку, распространения чешских газет и книг и благодаря деятельности такой национальной организации, как «сокольство», с его ежегодными слетами в Праге, очень популярными среди членов организации [22, л. 1].

В Польше родители-эмигранты часто предпочитали отдавать своих детей в польские школы в связи с тем, что наличие польского образования давало не только преимущество при поступлении в высшие учебные заведения, но и саму возможность поступления, так как частные школы не имели права выдавать аттестат об окончании школы, а без него документы в вузы не принимались. Кроме того, все русскоязычные школы были частными, а следовательно, платными. Оплачивать же обучение в таких школах могла лишь незначительная часть русских эмигрантов, даже при наличии системы грантов и стипендий для одаренных детей. В государственных низших и средних учебных заведениях обучение велось исключительно на польском языке [23, с. 108]. Польское правительство проводило политику, направленную на закрытие русских национальных школ, и к середине 1920-х гг. в стране уже не существовало высшей русской школы, а средних и низших учебных заведений осталось небольшое количество [16, л. 11].

Однако многие родители всё же проявляли беспокойство по поводу растущей денационализации. Они были недовольны малым количеством часов, отводившихся на изучение русского языка в школе. Например, во Львове

преподавание на русском языке отсутствовало как в государственных, так и в частных гимназиях [24, л. 4], а в Праге в гимназии на русский язык отводилось столько же часов, сколько и на латинский, — 30 [15, л. 36]. Поэтому родители обращались в Русский попечительный комитет, организованный в 1921 г. для оказания материальной и правовой помощи, с просьбой об организации для 6–9-летних детей дополнительных курсов русского языка. В качестве альтернативного способа борьбы с прогрессирующей денационализацией им было предложено отдавать детей исключительно в русские бursы (общежития для школьников), где дополнительно преподавали русский язык, историю, географию и литературу [23, с. 108; 25, л. 37].

Кроме того, для борьбы с денационализацией Русский попечительный комитет планировал устройство в Варшаве детского дома, состоящего из яслей и сада для детей дневного времени пребывания и дома-интерната для детей-сирот, и пансионата для детей из провинции, обучающихся в начальной школе или в русской гимназии в Варшаве. Однако из-за недостатка денежных средств от этой идеи пришлось отказаться.

С апреля 1923 г. в Варшаве существовал Комитет помощи детям русских эмигрантов в Польше, созданный для решения проблем детей интернированных и эмигрантов. Он занимался оказанием вещевой, денежной, питательной и медицинской помощи. Кроме того, комитет в зимнее время устраивал концерты, игры и чтения для детей, а летом — так называемые «детские площадки». Они были эффективны для детей дошкольного и школьного возраста, поэтому организовывались ежегодно и исключительно с русскоговорящим персоналом [18, л. 23–26]. Отмечалось, что к концу лета дети уже понимали родную речь и изъяснялись на русском языке.

Первоначально «площадки» организовывались для детей школьного возраста, а с 1929 г. — для детей обоего пола в возрасте от 4 до 14 лет [26, л. 12]. Программа занятий состояла из гимнастики, подвижных игр и пения. Все дети получали легкий завтрак, состоявший из какао или чая и хлеба с маслом. «Площадка» работала ежедневно, кроме праздничных дней, с 10 до 14 часов, вплоть до начала осенних занятий в школах. В теплые дни, два раза в неделю, детям

разрешалось принимать водные и солнечные ванны на бесплатном городском детском пляже. Для общего развития проводились выездные экскурсии в Зоологический сад и за город. Количество мест на «площадке» было ограничено, поэтому при наборе приоритет отдавали малообеспеченным детям с наиболее ярко выраженными признаками денационализации. Помимо общеукрепляющего действия «площадка» объединяла детей и не давала им забывать родной язык. Отмечалось, что дети, совершенно не говорившие на русском языке, после ежедневного посещения «площадки» в течение всего лета уже к его концу могли объясняться на родном языке [18, л. 57].

Под руководством Педагогического бюро организовывались различные праздничные мероприятия, например День русского ребенка и День русской культуры, направленные в первую очередь на ознакомление подрастающего поколения с родной культурой. Так, День русской культуры был приурочен ко дню рождения А.С. Пушкина, потому что многие дети эмигрантов не знали его произведений.

Впервые День русской культуры, или День просвещения, был проведен в 1924 г. в Эстонии по инициативе А.К. Янсона, русского национального секретаря при министерстве народного просвещения этой страны. Он был приурочен к 125-й годовщине со дня рождения Пушкина [27, л. 40; 28, с. 46]. Мероприятие прошло успешно. По инициативе Педагогического бюро в Праге через прессу было сделано обращение ко всем русским, находящимся за границей, с предложением через год отметить День русской культуры в разных странах.

И в 1925 г. этот праздник состоялся уже в 13 странах (Болгарии, Бельгии, Германии, Латвии, Литве, Польше, Турции, Финляндии, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Эстонии и Югославии), а с 1926 г. он стал ежегодным, число стран-участниц постоянно увеличивалось [27, л. 40]. В этот день было принято обмениваться специально издававшимися открытками между комитетами — организаторами праздника в разных странах, русскими культурно-просветительскими организациями и учащимися [29, л. 2].

Идея проведения Дня русского ребенка впервые была высказана в 1928 г. Педагогическим бюро по делам высшей и низшей школы за границей [11, с. 138]. Причины, побудившие к организации этого праздника, заключались в неудовлетворительном моральном и материальном состоянии детей-эмигрантов и уменьшении денежных средств, поступавших от иностранных учреждений и частных лиц. Было решено приурочить его к весеннему празднику Благовещения. Предполагалось, что в этот день будут освещаться проблемы детей-эмигрантов, а также будет проводиться сбор денежных средств для оказания им помощи. Деньги собирались посредством кружечного или тарелочного сборов, распространения газет-однодневок, благотворительных лотерей или концертов и т. д.

Не менее важную роль в жизни эмигрантов играл День непримиримости. В этот день, как правило, 7 ноября, во всех православных приходах служили панихиду по погибшим от рук большевиков. Подрастающему поколению прививалась неприязнь к большевизму, детям рассказывали об ужасах Гражданской войны [30, с. 2].

Таким образом, проблема денационализации детей-эмигрантов в межвоенный период стояла очень остро. Как отмечали сами беженцы, уже первое поколение детей-эмигрантов не знало ни родного языка, ни своей культуры, ни истории. Однако по поводу возможной денационализации в среде русских эмигрантов в Польше существовали различные мнения: часть из них стремилась как можно быстрее адаптироваться к жизни в стране-реципиенте, другие же были обеспокоены растущей ассимиляцией [11, с. 141; 13, л. 35] и прикладывали усилия для борьбы с ней, проводя различные культурные и просветительские мероприятия, направленные на сохранение своих национальных особенностей. Однако денационализация распространялась и прогрессировала в зависимости от места проживания беженцев и их материального положения. И вопреки всем мерам по сохранению своих национальных особенностей в условиях эмиграции беженцы все-таки не смогли остановить процесс ассимиляции, а следовательно, и денационализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Симонова Т.М.** Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 170–180.
2. **Костерин С.В.** Из истории варшавской группы Конституционно-демократической партии: переход от политической деятельности к благотворительности (начало 1920-х гг.) // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2014. № 19. С. 88–96.
3. **Жуков А.В.** Формирование российского национального военного зарубежья в Польше (1917–1922 гг.) // Учен. труды Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2014. № 3. С. 100–104.
4. **Ратушняк О.В.** Культура казачьего зарубежья (1920–1930) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 2. С. 52–56.
5. **Русский мир в XX веке.** В 6 т. М.: АИРО-XXI, 2014.
6. **Раев М.** Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939 [пер. с англ.]. М., 1994. 296 с.
7. **Пивовар Е.И.** Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2008. 546 с.
8. **Антропов О.К.** Отечественная историография общественно-политической жизни русского зарубежья 1920–1930-х годов. Астрахань, 2011.
9. **Толковый словарь русского языка** / под ред. Д.Н. Ушакова. 1935–1940. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: 27.02.2015).
10. **Голос эмигранта.** 1921. 21 июля.
11. **Петрушева Л.И.** Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в). М.: Изд-во ИРИ РАН, 1999. С. 138–149.
12. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 30.
13. **День русской культуры:** однодневный выпуск, посвященный празднованию Дня русской культуры в Харбине в 1930 г. Харбин, 1930 г. 44 с.
14. **Тереня Ю.Ю.** «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей», выходящий в Праге в 1923–1931 гг. в системе национального воспитания русского зарубежья // Изв. ВГПУ. 2013. № 1. С. 123–127.
15. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 28.
16. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 257.
17. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-10243. Оп. 1. Кат. 27.
18. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 14.
19. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 5.
20. **За свободу!** 1922. 13 марта.
21. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5864. Оп. 1. Д. 22.
22. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 3. Д. 42.
23. **Микуленок А.А.** Проблема русской национальной школы в Польше // Теория и практика обществ. развития. 2015. № 15. С. 105–109.
24. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 31.
25. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 84.
26. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 69.
27. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5850. Оп. 1. Д. 39.
28. **Кузина Г.А.** Значение Дней русской культуры в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 46–57.
29. **Государственный архив Российской Федерации.** Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 40.
30. **Молва.** 1933. 25 октября.

МИКУЛЕНОК Александра Андреевна — аспирант Кубанского государственного университета.
Россия, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
e-mail: klio-alex@yandex.ru

THE PROBLEM OF DENATIONALISATION OF THE RUSSIAN CHILDREN IN POLAND IN THE 1920S–1930S AND THE WAYS OF FIGHTING IT

The article looks into the problem of migrant children denationalisation; it's dedicated to one the ways of fighting it, so-called Day of the Russian Child, which was one of the top three most significant celebrations for migrants along with the Russian Culture Day and Intransigence Day. Despite its late appearance – the end of the 1920s – it very quickly became one of the most beloved celebrations among migrants, who had been celebrating it up to the beginning of the World War II almost in all countries inhabited by migrants. The research is based on the archival documents stored at the so-called “Prague Archive” (The State Archive of the Russian Federation, GARF, Moscow) as well as migrant periodicals of the period under review. The author analyses the primal causes of the appearance of the day, tasks allotted on it by the migrants and the way they have transformed during the time as the true state of the migrant children in foreign countries and their needs exposed themselves.

DENATIONALISATION; REFUGEES; POLAND; THE RUSSIAN CULTURE; THE RUSSIAN EMIGRATION.

REFERENCES

1. Simonova T.M. [Russians diasporas in Poland in 1920–1924s] *Natsional'nyye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* Moscow, 2001. Pp. 170–180. (In Russ.)
2. Kosterin S.V. [From the History of the Warsaw Group of the Constitutional-Democratic Party: The Transition from Political Activity to Charity (the beginning of the 1920s)]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo univ.*, 2014, no. 19, pp. 88–96. (In Russ.)
3. Zhukov A.V. [The formation of the Russian military abroad in Poland (1917–1922)]. *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2014, no. 3, pp. 100–104. (In Russ.)
4. Ratushnyak O.V. [Culture of the Cossack emigration (1920–1930)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2015, no. 2, pp. 52–56. (In Russ.)
5. *Russkiy mir v XX veke* [The Russian world in XX century]. In 6 vol. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2014. (In Russ.)
6. Rayev M. *Rossiya za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii: 1919–1939* [Russia abroad: A cultural history of the Russ. emigration, 1919–1939]. Moscow, 1994. 296 p. (In Russ.)
7. Pivovarov Ye.I. *Rossiyskoye zarubezhye: sotsial'no-istoricheskiy fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [The Russian emigration: socio-historical phenomenon, role and place in the cultural and historical heritage]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy univ. Publ., 2008. 546 p. (In Russ.)
8. Antropov O.K. *Otechestvennaya istoriografiya obshchestvenno-politicheskoy zhizni russkogo zarubezhyaya 1920–1930-kh godov* [The National historiography of the socio-political life of the Russian emigration in 1920s – 1930s]. Astrakhan', 2011. (In Russ.)
9. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod redaktsiey D.N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language, ed. by prof. D.N. Ushakov]. 1935–1940. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (accessed 27.02.2015).
10. Golos emigranta. 1921. Jul. 21. (In Russ.)
11. Petrusheva L.I. [The role of migrant non-governmental organisations in preserving the national cultural traditions. The Day of the Russian Child (the end of the 1920s–1930s)]. *Sotsial'-ekonomicheskaya adaptatsiya russiyskikh emigrantov (konets XIX – XX v)*. Moscow, IRI RAN Publ, 1999. Pp. 138–149. (In Russ.)
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 1. D. 30.
13. *Den' russkoy kultury: odnodnevnyy vypusk, posvyashchennyy prazdnovaniyu Dnya russkoy kultury v Kharbine v 1930 g.* [The Russian Culture Days]. Kharbin, 1930. 44 p. (In Russ.)
14. Terenya J.J. [“Bulletin of the Pedagogical Bureau for secondary and low-level Russian schools abroad” (1923–1931) in the national education system of Russians in foreign countries]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ.*, 2013, no. 1, pp. 123–127. (In Russ.)
15. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 1. D. 28.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5837. Op. 1. D. 257.

17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-10243. Op. 1. Katushka 27.
18. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5864. Op. 1. D. 14.
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5864. Op. 1. D. 5.
20. Za svobodu! 1922. Mar. 13. (In Russ.)
21. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5864. Op. 1. D. 22.
22. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 3. D. 42.
23. Mikulenok A.A. [The problem of Russian national school in Poland in the 1920s]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 15, pp. 105–109. (In Russ.)
24. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5850. Op. 1. D. 31.
25. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5814. Op. 1. D. 84.
26. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5785. Op. 2. D. 69.
27. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5850. Op. 1. D. 39.
28. Kuzina G.A. [The importance of “the Russian Culture Days” in the Russian migrants lives of the leading wave]. *Kul'tura rossiyskogo zarubezhya*. Moscow, 1995. Pp. 46–57. (In Russ.)
29. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. R-5913. Op. 1. D. 40.
30. Molva. 1933. Oct. 25. (In Russ.)

MIKULENOK Aleksandra A. – *Kuban State University*.

Ul. Stavropol'skaya, 149, Krasnodar, 350040, Russia

e-mail: klio-alex@yandex.ru

Философские и культурологические исследования

DOI 10.5862/JHSS.244.10
УДК 101.8

Т.Н. Евграфова, Н.А. Исмуков

ДИАЛЕКТИКА И СИНЕРГЕТИКА

В статье рассмотрены потенциальные возможности расширения и углубления традиционной классической диалектики как методологии познания в свете новых нетрадиционных форм мышления – синергетики как теории самоорганизации. Уточнен смысл дефиниции «синергетика» через соотнесение понятий «организация» и «самоорганизация», осмыслены основные свойства диссипативной системы – открытость и нелинейность. Авторы статьи приходят к выводу, что совместимость противоположных состояний и тенденций, которыми оперирует синергетика (хаос и порядок, неустойчивость и устойчивость, случайность и необходимость, организация и дезорганизация), невозможна без применения диалектических методов и законов.

ДИАЛЕКТИКА; СИНЕРГЕТИКА; ТЕОРИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ; ОРГАНИЗАЦИЯ; СИСТЕМА; КООПЕРАЦИЯ; ПОРЯДОК И ХАОС; ДИССИПАТИВНАЯ СИСТЕМА.

Чем дальше, тем быстрее развивается общество. Познание не только должно следовать за изменениями мира, но и опережать их. Антиципирование перспективы – одно из главных назначений научной мысли. Методы и приемы познания диктуются спецификой самого предмета исследования. И чем совершеннее инструмент познания, тем успешнее продвигается наука в глубь вещей, к сути происходящего.

За последние, исторические по значимости, годы появились и широко применяются на практике научных изысканий такие теории и концепции, как общая теория эволюции, общая теория систем, синергетика, теория многомерности мира и др. Также нашла свое признание гомогетероника, концептуальные положения которой совместно с синергетикой используются при анализе структуры и эволюции природных, социальных и научных систем. Эти и другие общенаучные подходы расширили прежнее привычное мировидение, сформировали представление о том, что мир разнообразен не только в своих бесконечных прояв-

лениях, но и в своих фундаментальных основах. Неоднородность систем не всегда производная от первоединого, от более глубокой сущности первоэволюции. Из одной только буквы нельзя составлять трагедии и комедии. Но эти же перечисленные нами успехи междисциплинарности оттеснили материалистическую диалектику на периферию логико-гносеологических исследований. Более того, она оказалась в фокусе вульгарной критики со стороны мелкотемников. Поистине «за деревьями перестали видеть лес».

«Диамат рассыпался как изветшавший и безжизненный дом», – написано в одном из энциклопедических словарей и объявлено о кончине диалектики, от которой якобы отвернулись с презрением [1, с. 165]. Категоричность уже признак отсутствия диалектического мышления. Авторы подобных позиций скорее всего сводят извечную категорию «диалектика» к идеологизированному до остатка марксистко-ленинскому диамату, где и на самом деле абсолютизируется фаза противоречия в отношениях противоположностей, принципиальная

дихомотия мира и др. Но основное назначение диалектики – видеть мир, общество таковыми, каковы они есть в действительности, снять непримиримость, агрессивность мнений методом триады и привести мир и человека к состоянию гармоничного эволюционного развития. Надо помнить, что марксистская философия – это лишь один из этапов, одна из форм развития философской культуры, которая оставила глубочайший след в истории человечества. И ни одна из исторических форм развития человеческого духа не имела столько влияния на общественную практику, как марксистская философия. При его оценке крайне важно применение таких принципов диалектики, как принцип объективности и принцип конкретно-исторического подхода.

Диалектика и философия в сущности одно и то же. Тревога за судьбу «царицы наук» чувствуется в кругу известных отечественных философов. «Если философия творчески истощается, вырождается, вытесняется на периферию культурной жизни, постепенно изгоняется из образования и просвещения, перестает быть лидером в общественном сознании и уступает место журналистам, звездам шоу-бизнеса и др., значит, время этой культуры закончилось», – пишет В.М. Межуев, один из ведущих философов-культурологов [2, с. 23]. С одной лишь мыслью автора хотелось бы не согласиться. Философия творчески не истощается, не вырождается, она имеет свою внутреннюю логику развития. А о препятствиях, целенаправленно создаваемых, нужно сказать, что, может быть, и в самом деле надобно некоторое сопротивление, «ставить палки в колеса», чтобы движение состоялось. Напряженный поиск выхода из духовного кризиса определился на неклассической форме мышления. Если марксистская философия является в основном своеобразным отражением жестко детерминированной стороны бытия, то новое мышление связано с анализом неравновесных состояний открытых систем, нелинейности, невторостепенной роли случайности в самоорганизационных процессах и т. д. Альтернативное видение мира не должно претендовать на универсальность. «Мы являемся свидетелями исторического события – рождения новой, нетрадиционной философии, обладающей новым предназначением», – пишет Х.Э. Мариносян на страницах ведущего журна-

ла «Философские науки» [3, с. 8]. Становление «новой, нетрадиционной философии» не снимает непреходяще-традиционное ее предназначение. Тем более автор немного позже перечисляет те же самые, с античных времен идущие социально-гносеологические функции философии. Классическая и неклассическая формы мышления не исключают друг друга. Причем далеко не все возможности классической диалектики исчерпаны.

Точка зрения некоторых авторов о «логичности и правомерности вообще не проводить демаркации между философскими понятиями – категориями и общенаучными понятиями» [4, с. 38] представляется нелогичной и неправомерной. Диалектика по отношению к общенаучным теориям и концепциям выступает родовым началом теории познания, и ни одно из их положений не только не противоречит духу диалектики, но и гармонично вписывается в ее требования. Общенаучные категории, как и категории частных наук, призваны конкретизировать и обогащать диалектику, вскрывать ее возможности, но они не обладают признаком всеобщности и потому не могут выступать в статусе философских категорий, хотя и отражают фундаментальные свойства бытия. В то же время результаты и задачи общенаучных исследований требуют совершенствования гносеологических возможностей материалистической диалектики, в частности разработки ее межкатегориального аппарата. Примером такой попытки может послужить придание статуса философской категории понятию «особенное» [5].

Устоявшиеся в философии универсалии, в особенности соотносительные категории диалектики, такие как единичное и общее, причина и следствие, необходимость и случайность, содержание и форма, сущность и явление, возможность и действительность, целое и части, в своих связях не только отражают неоднородность материального мира и его единство, но и формируют соответствующую модель мира в сознании человека. Развивающийся мир может быть схвачен только развивающимся познанием. «...Именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод общения для происходящих в природе процессов развития, для

всеобщих связей природы, для перехода от одной области исследования к другой» [6, с. 367].

Не в целях реабилитации диалектики как методологии познания — она в этом и не нуждается, а в целях дальнейшего расширения и углубления ее потенциальных возможностей предпримем попытку соотнести ее с основными положениями синергетики и гомогетероники.

Как известно, понятие «синергетика» (от *греч.* *synergetikos* — совместный, кооперативный, согласованно действующий) введено в научный оборот Г. Хакеном при изучении им квантовых процессов в лазерных системах. Поведение элементов системы при определенных внутренних и внешних условиях порождает новое качество. Хаотичное колебание атомов лазера по мере достижения критического уровня внешнего воздействия (β) становится упорядоченным и образует лазерный луч. Немного раньше основные положения синергетики были сформулированы Э. Шрёдингером в книге «Что такое жизнь с точки зрения физики?», где он выделяет три условия для самоорганизации системы: открытость, неравновесность и критический порог [7]. Термин «самоорганизующаяся система» можно встретить в работах У.Р. Эшби в эти же годы [8, с. 324]. Значительный вклад в разработку принципов и оснований синергетики внесли И. Пригожин, И. Стангерс, Г. Николис и др. По мере экстраполяции феномена синергетики на социально-экономические и культурные сферы сформировалось новое мировидение, но она не стала от этого философской категорией. Ныне за синергетикой прочно закрепилось определение «теория самоорганизации». Заметим, что мир в целом самоорганизационен, но части его, хотя и пребывают в относительной автономности, непосредственно или опосредованно связаны друг с другом, так или иначе испытывают взаимное влияние. Причем упорядочивающаяся система, взаимодействуя с окружающей средой, подчиняет ее в том направлении, которое необходимо ей для достижения порога диссипативности. Этот процесс сопровождается одновременно и разрушающим, и организующим началом среды.

Система, если она самодостаточна, в каком-то пространственно-временном интервале не самоорганизовывается. Понятие «самоорганизация» в отношении данной системы теряет свой смысл. Состояние сосуществования хао-

са и порядка как единства противоположных направлений движения сохраняет систему в самоидентичности. Еще Ф. Энгельс в «Диалектике природы» заметил, что «возможность относительного покоя тел является существенным условием дифференцирования материи и тем самым существенным условием жизни», именно диссипативное состояние систем позволяет человеку ориентироваться в мире вещей. Именно этот момент эволюционного процесса требует не менее внимательного отношения теоретиков и толкователей проблемы синергетики.

В литературе стало общепринятым использование понятий «система» и «организация» как взаимозаменяемых. Л. Бергаланфи в общей теории систем организацию определяет как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии» [9, с. 24]. Система (*греч.* *systema*) есть целое, составленное из частей. Эти два понятия в этимологии схожи, и поэтому применение их в популярных текстах как синонимов вполне оправданно. Однако некоторые термины имеют свойство изменения в смыслах, отхода от первоначального значения. В словаре С.И. Ожегова «организация» — это в первую очередь глагольная форма слова, означающая действие, процесс. Уточнение смысла данного термина необходимо для соотнесения его с самоорганизацией.

Организация есть то, что ведет к упорядоченности элементов досистемного состояния, к состоянию целостной структуры под воздействием сторонней силы внешней среды. А самоорганизация, по Эшби, представляет собой «переход от системы с независимыми частями к системе с зависимыми частями». В данном случае кооперирование элементов (подсистем) происходит в основном благодаря их внутренней энергии, но нельзя сбросить со счета и момент включенности в данный процесс определенной стороны среды. И. Пригожин, развивая эту мысль, отмечает, что самоорганизация возможна лишь в неравновесных системах, где они с равной точки отсчета являются одновременно и принимающей, и отдающей информацию сторонами. Переход материи от предбиологических к биологическим системам можно объяснить также лишь самоорганизацией, решающей предпосылкой которой является наличие каталитических функций в сочетании с различными механизмами обратной связи,

придающих системе способность к автокаталитическому росту. Таким образом, отличие самоорганизации от организации заключается в том, что она происходит в открытых системах прежде всего за счет внутренне согласованного кооперативного движения ее компонентов. Под организацией нужно понимать то же самое явление, но проистекающее под доминирующим воздействием внешних факторов.

То обстоятельство, что принципы синергетики стали активно применяться в исследованиях социокультурных явлений, позволило свободно толковать ее смысл, и потому нам следует «вернуть их домой». «Слово „синергетика” означает науку о сотрудничестве, кооперации» [10, с. 25]. Труд – это параметриальная характеристика человека, общества. Нет необходимости «уточнять» классическое определение синергетики, данное Г. Хакеном, который этим термином обозначает кооперативный, целостный эффект взаимодействия большого числа подсистем в открытых системах [11, с. 15]. *Cooperatio* (лат.) переводят как сотрудничество и указывают, что оно выражает определенную форму труда. В основе данной дефиниции лежит сотрудничество, т. е. совместный труд, и оно имеет отношение лишь к социально организованной форме материи. Определение синергетики как науки о сотрудничестве суживает, обедняет ее смысл. Этимология слова «кооперация» интерпретирована неточно. «Со» – это первая составная часть сложных слов, что означает «вместе», а «operatio» – действие. Следовательно, кооперация – это содействие, т. е. совокупность согласованных действий элементов организующих систем, которая имеет место не только в социальной среде, но и на всех уровнях организации материи. Следовательно, кооперация есть общенаучная категория. По авторскому праву нами пересмотрена точка зрения, изложенная в статье «Кооперация как философская категория». [12].

Центральной проблемой синергетики является проблема поиска ответа на вопросы: в каких условиях и как неупорядоченные структуры становятся упорядоченными, и наоборот; как может быть достигнут своеобразный синтез порядка и хаоса в данной системе? Этот поиск проявляется в двух противоположных направлениях: стремление к максимально неупорядоченному состоянию в изолированных

от внешней среды системах; стремление к упорядоченности в открытых системах. В этом бесконечном процессе смены порядка и хаоса и наоборот некоторые философы дают предпочтение доминированию хаоса над порядком, что подводит к выводу о нестабильности современного мира. Но есть другое, противоположное этому мнение, идущее из космологии древних греков, что становление космоса от хаоса есть нескончаемый процесс и что движение направлено лишь в сторону мирового порядка. Эта концепция по-современному называется моделью «большого взрыва» или эволюционирующей Вселенной.

Одним из основных свойств диссипативной системы является открытость, что обеспечивает условие ее обмена с внешней средой (веществом, энергией и информацией). На уровне живой материи системы принципиально не замкнуты. Э. Шрёдингер писал, что средство, при помощи которого организм поддерживает себя постоянно на достаточно низком уровне энтропии, в действительности состоит в непрерывном извлечении упорядоченности из окружающей среды [7]. А в неживой природе информационная причинность отсутствует. Открытость позволяет системе находиться в колебательной (пространственной) и скоростной (временной) ритмике среды, которую можно назвать пространственно-временной (ПВ) симметрией. Именно эта ПВ-симметрия определяет и регулирует предел открытости системы в каждый момент ситуации. При плюсовой (избыточной, излишней) открытости система становится уязвимой. Экспансия со стороны других образований среды может разрушить ее структуру. Но и отрицательная открытость (замкнутость, герметичность) негативно сказывается на развитии системы: поступление вещества и энергии или информации извне уменьшается, вследствие чего система притупляется и теряется ее эластичность, динамичность. Процесс деструкции, самороспуска замедляется лишь присутствием определенной порции внутрискруктурной свободной энергии, константно направленной против равновесия. Определить меру открытости и замкнутости системы на все времена и на все случаи невозможно. Следует заметить, что в отношении вопроса об открытости и замкнутости нужно помнить об их относительности. В мире нет абсолютно открытых и замкнутых

систем. Следовательно, логично было бы ввести понятие степени или меры диссипации, дозировки энтропии и негэнтропии в процессах организации и дезорганизации систем. Для каждой системы в каждой конкретной ситуации она определяется фактором их синхронизма. Однако концептуальное решение проблемы, ее теоретическая установка необходимы, что, на наш взгляд, позволяет решить ее в пределах смысла автономности системы. Автономность часто отождествляют с закрытостью и противопоставляют ее открытости.

Утвердилось мнение, что устойчивость и равновесность есть тупиковая ситуация эволюционного процесса. Ведь именно неустойчивость и неравновесность наращивают неоднородность предметов и явлений, открывают множественность путей развития, освобождая их от жесткой предопределенности. И мы интуитивно желаем недопущения стагнации, застоя, если это касается общественных явлений, не вписывающихся в круг наших позитивных интересов. Но дело заключается в том, что мир не может пребывать в состоянии лишь свободы или необходимости. Принимать за фундаментальную характеристику эволюционных процессов устойчивость или только неустойчивость было бы неверно.

Следующим свойством диссипативной системы является нелинейность, когда нарушается пропорциональность воздействия извне на состояние системы: незначительные колебания среды могут вызвать коренные изменения в структуре системы, а масштабное вторжение всех трех факторов среды оставляет систему в прежней структуре и сути. Как это ни парадоксально, жизнь и смерть системы прежде всего зависят от хаоса, наличествующего в самой системе. В первом случае амплитуда колебания среды заполняет проваливающее пространство хаоса системы, которая, в крайнем случае, инволюционируется, но сохраняет свое собственное содержание, самоидентичность. Во втором случае колебание внешней среды, всту-

пая в резонанс с флуктуационным поведением хаоса системы, разрушает существующий порядок диссипативности.

Мир в целом представляет собой самоорганизующийся и саморегулирующийся универсум. Здесь нет фактора, воздействующего на него извне, а есть только отношение сущностей, порождающее негэнтропию как малых, так и масштабных систем. Разумеется, здесь действует и дезорганизующая величина, которая в физике называется энтропией. Процессы самоорганизации не зависят от величины локальных систем, и они не равносложны: чем выше на эволюционной лестнице находится система, тем сложнее протекают в ней процессы самоорганизации. Во вселенском масштабе хаос и порядок равновесны и равнозначимы, а в период расширения Вселенной тенденция самоорганизации является направляющей и она преобладает над стремлением к хаосу.

Что является внутренним источником самоорганизации системы, каков механизм становления ее целостной структуры, в каком направлении движется данная система, совокупность систем, наконец, мир в целом? Эти главные вопросы бытия — «почему?», «как?», «куда?» — ставятся человечеством с давних времен. Объяснить совместимость таких противоположных состояний и тенденций, как хаос и порядок, части и целое, неустойчивость и устойчивость, случайность и необходимость, дезорганизация и организация и др., которыми оперирует синергетика, без диалектики как методологии познания не представляется возможным. Процесс образования новых структур, перехода хаоса к состоянию упорядоченности, достижения степени порога диссипативности также происходит в соответствии с законами взаимного перехода количественных и качественных изменений и отрицания отрицаний. В ходе последовательного развертывания соотносительных категорий диалектики вырисовываются и «созвездия» вариантных возможностей самоорганизации систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Русская философия.** Малый энциклопедический словарь. М., 1995.

2. **Межуев В.М.** Культурная функция философии // *Философские науки.* 2008. № 1. С. 10–24.

3. Мариносян Х.Э. Размышления о главном // *Философские науки*. 2008. № 1. С. 5–9.
4. **Общая** теория неоднородности и синергетика об организации систем: моногр. / под общ. ред. Н.М. Солодухо. По матер. междунар. (СНГ) семинара. Казань: Изд-во КГТУ, 2006. 183 с.
5. **Исмуков Н.А.** Национальная культура в пространстве философии. М.: Прометей, 2012.
6. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 20. М.: Изд-во полит. литературы, 1974.
7. **Шрёдингер Э.** Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009. 176 с.
8. **Эшби У.Р.** Принципы самоорганизации. М., 1966.
9. **Bertalanffy L. von.** *Das biologische Weltbild*. Bern, 1949.
10. **Морозов В.В.** Синергетика как наука: цели, принципы, понятия // *Общая теория неоднородности и синергетика об организации систем: моногр.* По матер. междунар. (СНГ) семинара. Казань: Изд-во КГТУ, 2006. 183 с.
11. **Хакен Г.** Синергетика. М.: Мир, 1989.
12. **Исмуков Н.А.** Кооперация как философская категория // *Философия потребительской кооперации: социальный аспект*. Чебоксары, 2006. С. 4–13.

ЕВГРАФОВА Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент Чебоксарского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации.

Россия, 428025, Чебоксары, пр. М. Горького, 24

e-mail: evgrafova72@mail.ru

ИСМУКОВ Николай Аверкиевич — доктор философских наук, профессор Чебоксарского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации.

Россия, 428025, Чебоксары, пр. М. Горького, 24

e-mail: nismukov@mail.ru

T.N. Evgrafova, N.A. Ismukov

DIALECTICS AND SYNERGETICS

The article is dedicated to potential possibilities of widening and deepening the traditional classical dialectics as the methodology of cognition in the light of the emergence of new unconventional forms of thinking synergetics as the theory of self-organization. Clarifies the meaning of the definition of “synergy” between the concepts of organization – self-organization, understand the basic properties of dissipative systems – the openness and nonlinearity. It is concluded that compatibility of opposite conditions and tendencies, which operates synergist such as chaos and order, instability and stability, chance and necessity, organization and disorganization, is impossible without the use of dialectical methods and laws.

DIALECTICS; SYNERGETICS; THEORY OF SELF-ORGANIZATION; ORGANISATION; SYSTEM; COOPERATION; ORDER AND CHAOS; DISSIPATIVE SYSTEM.

REFERENCES

1. *Russkaya filosofiya. Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian philosophy. Small encyclopedic dictionary]. Moscow, 1995. (In Russ.)
2. Mezhujev V.M. [The cultural function of philosophy]. *Filosofskiye nauki* [Philosophy of science], 2008, no. 1, pp. 10–24. (In Russ.)

3. Marinosyan Kh.E. [Reflections on main]. *Filosofskiye nauki* [Philosophy of science], 2008, no. 1, pp. 5–9. (In Russ.)
4. [The General theory of heterogeneity and synergetics on organization systems. Monogr. According to the materials of the international seminar]. Kazan', KGTU Publ., 2006. 183 p. (In Russ.)
5. Ismukov N.A. *Natsional'naya kul'tura v prostranstve filosofii* [National culture in the space of philosophy]. Moscow, Prometey Publ., 2012. (In Russ.)
6. Marks K., Engels F. Works. Of vol. 20. Moscow, The publishing house of political literature, 1974. (In Russ.)
7. Shredinger E. *Chto takoye zhizn' s tochki zreniya fiziki?* [What is life from the point of view of physics?]. Moscow, RIMIS Publ., 2009. 176 p. (In Russ.)
8. Eshbi U.R. *Printsipy samoorganizatsii* [The principles of self-organization]. Moscow, 1966. (In Russ.)
9. Bertalanffy L. von. *Das biologische Weltbild*. Bern, 1949.
10. Morozov V.V. [Synergetics as a science: goals, principles, concepts]. *Obshchaya teoriya neodnorodnosti i sinergetika ob organizatsii sistem. Po materialam Mezhdunarodnogo (SNG) seminar* [The General theory of heterogeneity and synergetics on organization systems. Monogr. According to the materials of the international seminar]. Kazan', KGTU Publ., 2006. 183 p. (In Russ.)
11. Khaken G. *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow, Mir [World] Publ., 1989. (In Russ.)
12. Ismukov N.A. [Cooperation as a philosophical category]. *Filosofiya potrebitel'skoy kooperatsii: sotsialnyy aspekt* [The hilosophy of consumer cooperation: the social aspect]. Cheboksary, 2006. Pp. 4–13. (In Russ.)

EVGRAFOVA Tatyana N. – *Cheboksary Cooperative Instityte (branch) of Russian University of Cooperation.*

M. Gorkiy av., 24, Cheboksary, 428025, Russia

e-mail: evgrafova72@mail.ru

ISMUKOV Nikolay A. – *Cheboksary Cooperative Instityte (branch) of Russian University of Cooperation.*

M. Gorkiy av., 24, Cheboksary, 428025, Russia

e-mail: nismukov@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.11
УДК 130.2

В.А. Гура, О.Р. Пазухина

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ, РЕЛИГИИ, КУЛЬТУРЕ

В статье утверждается тезис о векторе исторического развития общества, направленном к развитию и обособлению личности. Личность понимается как степень развития внутренней мотивации человека, а также как относительная самостоятельность человека в его связи с внешними социальными условиями. Рассмотрены основные идеи древнегреческой религии, искусства, философии как свидетельства наличия личностного сознания и действия, что является порождением и одновременно условием социальных практик античного мира. К таким социальным практикам относятся демократические механизмы регуляции общественной жизни. Античная культура оценивается как отправная точка развития европейской культуры с ее базовой системой ценностей.

ЛИЧНОСТЬ; МОТИВАЦИЯ; КУЛЬТУРА; ДЕМОКРАТИЯ; СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ; САМОСОЗНАНИЕ.

То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем «я», бесконечно возвышает его над другими существами, живущими на земле. Благодаря этому он личность...

Кант

Одна из важнейших проблем философии истории – направленность исторического развития, которая трактовалась разными мыслителями принципиально различным образом. Деграция, вечное повторение, Страшный суд, прогресс разума, рост производительных сил и экономическое процветание, нарастание степени свободы, отрицание направленности в истории – вот лишь немногие примеры рассмотрения этой темы в истории мысли [См., например: 1]. И всё же при всем разнообразии мнений мы можем уверенно констатировать, что одной из ведущих тенденций развития человечества является становление и развитие человеческой личности как автономного образования, неразрывимого во внешних для него условиях и влияниях, возрастание ценности индивидуальности, ее неповторимых творческих проявлений. Тогда изучение конкретно-исторических условий и возможностей индивидуального самоопределения, его границ и перспектив становится важным инструментом в понимании смысла истории и значения ее отдельных эпох. Эта про-

блема выходит на первый план при осмыслении современного этапа развития человечества, когда, с одной стороны, ценность человеческой личности и ее прав является общепризнанной, с другой – современные механизмы политической, экономической, идеологической манипуляции низводят человека до винтика в большой геополитической игре, «превращают людей в марионеток» [2, с. 113]. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» – вопрос героя Ф.М. Достоевского актуален, как и во времена написания «Преступления и наказания». Отвлекаясь от криминальной интерпретации этого вопроса (право на убийство другого человека во имя высокой и благородной цели), мы сталкиваемся с вечной проблемой возможности и права на самоопределение на фоне принуждения со стороны внешних общественных условий.

Изучение становления и содержания субъектности человека в истории неизбежно приводит исследователя к анализу античного культурного наследия. И это не случайно. Обращение к творениям эллинского гения фактически

является обязательным при любой попытке осмыслить духовную эволюцию своей страны, цивилизации, человечества. По справедливому замечанию А. Уайтхеда, «Греция была матерью Европе, и именно туда мы должны обратиться за истоками наших современных идей» [3, с. 62]. Именно в Древней Греции человек ощутил возможности разума, «восторг теоретического мышления» (Лосев). Отсюда начинается триумфальное шествие человеческой личности, отделившей в конечном счете свои интересы от божественных и социальных.

Как отмечают исследователи, «на общем фоне истории Древнего мира, да и не только древнего, греческая цивилизация воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества» [4, с. 8]. Прежде всего это касается уровня личной свободы, которой не было в других древних цивилизациях.

В иерархическом, сакрализованном социуме ранних цивилизаций, все социальные институты которого направлены на консервацию, сохранение существующих порядков, не было простора личному началу, индивид жестко вплетен в социальную структуру и выполняет заданную происхождением функцию. Первое значительное потрясение сакральных основ древних цивилизаций происходит в эпоху, названную К. Ясперсом «осевым временем». В Китае, Индии, Палестине формируются новые религиозные движения, которые прямо или косвенно выступают против существующих структур и обращаются к внутреннему миру человека, его сознанию.

Исследователи месопотамской литературы отмечают в ней нарастание психологизма, т. е. более или менее развернутых психологических вставок, в которых автор высказывал свое личное суждение о происходящих событиях. И хотя в целом месопотамская литература оставалась анонимной, всё чаще наблюдается указание на авторство. Увеличивается частота употребления личных местоимений, чаще делается вывод о возможности той или иной линии поведения. Библейский пророк Иеремия не только говорит от своего имени, но и дает оценку своей несчастной жизни: «Про-

клят день, в который я родился» (Иер. 20; 14). По мнению И.П. Вейнберга, анализ текстов ближневосточного региона «показывает значительный поворот ближневосточной исторической мысли середины I тысячелетия до н. э. к человеку, ее нарастающую во времени гуманистичность и антропоцентризм» [5, с. 206].

Как видим, и на Востоке вектор развития заключался в повышении личностного начала. Говоря о главных достижениях «осевого времени», К. Ясперс фактически ставит в один ряд проповедь Будды, деятельность израильских пророков и Зороастра, а также интеллектуальное творчество греческих мыслителей. Однако на Востоке (Ближнем) этот процесс, лишь наметившись, не получил дальнейшего развития. Не умаляя глубину и историческое значение идей и учений мудрецов Востока, мы, тем не менее, считаем античную философскую и научную мысль, да и культуру в целом, принципиально новым явлением истории, начальным пунктом в переходе к научно-технической стадии развития человечества.

Как исторический феномен личность возникла, когда оказалась необходимой для социальных практик определенного типа. Касаясь причин «греческого чуда» (Э. Ренан), большинство авторов справедливо указывают на демократическое устройство греческих полисов и ту значительную степень свободы, которой пользовались граждане этих полисов. Но возникает вопрос: как стали возможными демократия и свобода в Древнем мире, мире повсеместного насилия, деспотизма, безмерного порабощения и унижения человека? Вряд ли на данный вопрос возможен однозначный ответ, однако мы выскажем некоторые соображения на этот счет. В цивилизациях Древнего Востока исключительную роль играло государство, перед лицом которого все подданные были несвободными. Это, в свою очередь, определялось характером общественного производства, необходимостью мобилизации всех человеческих сил на строительство оросительных систем, защитных сооружений и т. п. Сам тип восточной общины предполагал строгую централизованную организацию производства, в рамках которого предполагалась специализация каждого работника. В целом восточные общества представляли собой некие сбалансированные системы. Стремление к

постоянству и равновесию было доминирующим в большинстве из них. Именно поэтому интеллектуальная энергия была либо направлена на поддержание существующей социальной структуры (Китай), либо ориентирована в глубины внутреннего мира личности (Индия).

Принципиально иные условия жизни в Северном Средиземноморье сформировали другой тип общины, которая включала относительно независимые патриархальные семьи. Обилие природных ресурсов, малая плотность населения способствовали развитию свободных и воинственных кланов, а объединение таких семей в полисы не позволяло одному роду стать выше других. Отсюда — необходимость выработки общего и безразличного к семейному авторитету закона жизни, выбор его из множества вариантов, выход на первый план индивида с его отличными от других запросами и талантами, ориентация на достижение личного успеха и самореализацию. Объединение равных требовало появления личности.

Таким образом, уже со второго тысячелетия до н. э. явно обозначились два типа адаптации социальных групп: восточный и западный. В первом случае человеческий индивидуум был элементом величественной государственной системы, выполняя в ней строго определенные социальные функции. Это был весьма эффективный способ жизнедеятельности, позволивший создать величайшие культурные ценности и накопить огромный хозяйственный опыт. Другой тип адаптации и выживания связан с формированием активной личности, не закрепощенной жесткой социальной иерархией, специализацией и религиозными нормами. Великой исторической предпосылкой будущего «греческого чуда» было весьма удачное сочетание двух типов жизнедеятельности. Как отмечал Ж.-П. Вернан, после крушения Микенского царства «из мировоззрения греков полностью исчезла личность божественного царя» [6, с. 31]. То есть в результате вторжения дорийцев был разрушен прежний сакральный миропорядок и возобладали дух вольной и динамичной общины. Однако наследие прежней Крито-Микенской цивилизации и соседство Вавилонского и Египетского царств не позволили грекам долго оставаться в первобытном, варварском состоянии. Удивительная восприимчивость греческого ума помогала относительно быстро усвоить цивили-

зационные культурные основы, а затем создать свою, столь оригинальную цивилизацию.

Культурные достижения восточных обществ послужили той стартовой площадкой, откуда свободный и активный европейский разум начал величественное и головокружительное восхождение. Здесь срабатывает принцип социокультурной эстафеты, суть которого заключается в том, что определенная цивилизация, добившись больших успехов в хозяйственном и культурном развитии, исчерпывает свои потенции и застывает на данном уровне. Социокультурную эстафету может принять формирующаяся цивилизация с более пластичными структурами и традициями. Достижения старой цивилизации, таким образом, попадают на новую почву, и образуются условия для их дальнейшего развития. Поэтому великие исторические достижения, интеллектуальные революции, как правило, связаны с продуктивным синтезом различных культурных традиций.

Греческая интеллектуальная революция происходит в сжатые исторические сроки. На рубеже IX–VIII вв. до н. э. греки создали свой алфавит, существенно изменив знаки финикийского письма и добавив в него гласные буквы. Удобный вид письменности и наряду с этим социальная потребность в образованных людях привели к распространению грамотности среди свободного населения. Примечательно, что юридическое закрепление демократических принципов и рождение теоретической мысли совпадают во времени. Имеются в виду реформы Солона (594 г. до н. э.) и создание первых философских систем. В конце VI в. до н. э. была принята конституция Клисфена, которая установила политическое равенство граждан. Она непосредственно предшествовала «золотому веку» в греческой истории, времени Перикла и Фидия, Софокла и Геродота, Анаксагора и Сократа. Демократические механизмы требовали выхода за рамки существующих практик, построения конкурирующих моделей возможного будущего, их обсуждения, аргументации без ссылок на освященные порядки и авторитеты, индивидуального выбора. В соответствии с этим складывались и схемы теоретического мышления, что привело к разработке «целого спектра философских систем, конкурирующих между собой, вводящих различные концепции мироздания и различные идеалы социального

устройства» [7, с. 32]. Такие социальные практики и такой стиль мышления приводили и к формированию личностного самосознания — пониманию отличия своего «я» от своей общины, своего права на индивидуальное самоопределение и внутреннюю мотивацию.

Таким образом, свобода древних греков, обусловившая их личностное развитие, не ограничивалась голосованием на агоре. Она проявлялась во всех сферах их жизни: в выборе профессии; праве на собственное понимание и толкование различных проблем, включая религиозные и мировоззренческие; свободе передвижения и т. п. Как пишет Аристотель, «свобода же понимается как возможность делать всякому что хочет. Вот и живет в такого рода демократиях каждый по своему желанию или „по влечению своего сердца“, как говорит Еврипид» [8, с. 551].

Именно дух реальной свободы способствовал развитию своего рода «избыточной деятельности». К ней мы относим и необычное для древних народов увлечение спортивными соревнованиями, литературное творчество и, особенно, стремление к чистому познанию. Только атмосфера личной и интеллектуальной свободы позволила Аристотелю высказать суждение: «Все люди от природы стремятся к знанию» [9, с. 65]. Платон говорит о любителях мудрости, стремящихся к знанию ради знания [10, с. 304].

Само появление философии свидетельствует о личностном развитии, поскольку философ в противовес традиции и обыденному знанию создает свою картину мира, говорит, как правило, от своего имени. Это противопоставление личного, индивидуального мировосприятия коллективному, традиционному четко выражено у софистов, особенно в протагоровском тезисе «человек есть мера всех вещей».

При этом на вопрос, был ли древний грек личностью, многие авторитетные исследователи, такие, например, как А.Ф. Лосев, И.С. Кон, дают отрицательный ответ. Разумеется, многое зависит от того содержания, которое вкладывается в понятие «личность». Если имеется в виду личность как результат тысячелетней социокультурной эволюции, включающей христианскую «школу» самодисциплины и диалектически «университеты» немецкой классической философии, то, безусловно, древний грек не мог быть личностью. Личность в широком смысле (не оценочном или конкретно-историческом

смысле) присутствует в истории всегда — как социальный тип человека, порождаемый определенным обществом, как совокупность общественно-необходимых черт, культивируемых социумом, как индивидуальное воплощение общества. Тогда развитость личностного начала — это степень индивидуализации общественного в отдельном человеке, отделенности его от социального поля, возрастание роли самостоятельной внутренней мотивации, стимулируемой самим обществом. В этом смысле Древняя Греция задавала именно такой вектор исторического развития, и для нас несомненно движение всей греческой культуры в этом направлении.

Это видно при анализе самого древнего пласта греческого культурного наследия — религии. Как известно, у древних греков не было канона священных книг. Мифы этого народа, содержащие представления о богах, дошли до нас в литературной обработке Гомера и Гесиода. Взаимоотношения богов и людей, как их изображает Гомер, во многом необычны для древних народов. Как отмечает Ю.В. Андреев, на общем фоне культурной истории Древнего мира религия греков «была явлением столь же своеобразным, как и вся греческая цивилизация» [4, с. 297]. Главная ее особенность состоит в предельной антропоморфизации богов. Греческие боги имеют многие человеческие черты: они могут радоваться и огорчаться, испытывают боль и обиду. Люди поклоняются богам, но одновременно нередко вступают с ними в спор, противоречат им и даже наносят телесные повреждения. Так, Гомер повествует о войне Диомеде, который ранил богиню Афродиту и бога Ареса. Суждения самого Гомера о богах часто неуважительны и насмешливы. Не случайно впоследствии его за это критиковал философ Ксенофан, а Платон даже предлагал запретить молодежи читать гомеровские произведения.

Разумеется, дело не в личной позиции Гомера. Народный поэт отразил в своем творчестве реальные представления своих соотечественников о богах. В целом эти представления вполне гармонируют с положением свободных и активных индивидуумов, каковыми и были древние эллины. Религия как социокультурный регулятор соответствовала особенностям общественных отношений, что и обусловило ее специфику.

И.С. Кон отрицает «личность» греческих богов. По его мнению, «при всей своей ан-

тропоморфности древнегреческие боги не были лицами в психологическом смысле этого слова. Они не обладают ни собственной внутренней жизнью, ни психическим единством. Это только персонифицированные силы, которые древний грек столь же легко объединяет, сколь и разделяет» [11, с. 146]. Заметим, однако, что автор говорит о персонификации, т. е. наделении богов личностными чертами. Главное же состоит в том, что греческая религия содержала в себе большой потенциал творческого, свободного, реалистического мышления. Можно согласиться с тем, что религия греков не была тотальной идеологической системой, «охватывающей и подчиняющей себе абсолютно все формы духовной и творческой деятельности человека, включая мораль, право, искусство, литературу, зачатки философской и научной мысли» [4, с. 297]. Греческому религиозному сознанию были чужды представления об ортодоксии и соответственно о ереси. Поэтому греческая религия в достаточной мере обеспечивала свободу и раскованность мысли еще до появления философии.

В древнегреческой религии и литературе мы видим движение от трактовки человека как всецело подчиненного року, открытого всем внешним воздействиям к пониманию его как субъекта с личным внутренним побуждением. Появляются мотивы вызова судьбе и богам. «В „Одиссее“ отражен переход от преимущественно внешнего стимулирования поведения к его внутренней регуляции моральными нормами» [12, с. 50]. Родившаяся из дионисийского культа драма отражала столкновение человеческой личности с богами и обществом. Движение греческой трагедии от Эсхила и Софокла до Еврипида отразило повышение роли актеров и снижение роли хора как коллективного, безличного участника театрального действия.

Развитие личностного начала заметно во всех сферах греческой культуры. Уже в гомеровских поэмах впервые появляется авторское самосознание. Поэт нередко высказывает свое суждение по тому или иному вопросу, дает оценки событиям и поступкам героев, о себе же говорит, не называя имени, как о слепом старце. Из литераторов первым сообщает свое имя в начале «Теогонии» Гесиод. С этого времени авторское самосознание отчетливо выражено в

художественной литературе, в исторических и философских трудах. Оно резко контрастирует с анонимностью, характерной для Ближнего Востока. Так, Геродот, приступая к изложению истории греко-персидских войн, четко формулирует свою авторскую позицию, тему и цель исследования.

Личностное начало проявилось также в возникновении лирической поэзии и драмы. В лирике выражаются чувства и настроения индивидуальной души, ее отличие от целого — коллектива, рода. Лирический поэт не только акцентирует внимание на личном, индивидуальном, интимном, он часто противопоставляет интересы личности и коллектива, бросает вызов традиционным вековым нормам. Это, например, отчетливо выражено в четверостишии Архилоха о брошенном щите на поле боя. И если в героическом эпосе личное самосознание автора лишь начинает проявлять себя, то в лирике оно доминирует, самовыражение поэта становится главным мотивом творчества.

Запечатлеть свое имя на создаваемых произведениях искусства, на предметах бытового обихода стремились художники, скульпторы, гончары. В первой половине VI в. до н. э. Теодор Самосский создает автопортрет в бронзе. Агонистическое начало в древнегреческой жизни, детально проанализированное А.И. Зайцевым, также свидетельствует о стремлении индивида выделиться из общего ряда, в максимальной степени проявить и реализовать свои дарования [См.: 13].

Демократия, политическое равенство граждан предполагали высокий статус человека в греческой культуре. Не случайно даже олимпийские боги по своей внешности не что иное, как физически совершенные люди, наделенные теми или иными сверхчеловеческими возможностями. Возвеличивание человека запечатлено в художественной литературе. В трагедии Софокла «Антигона» утверждается, что «в мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе никого».

Тем не менее Аристотель выступил против попыток поставить индивида выше социального целого. «Даже если для одного человека, — пишет он, — благо является то же самое, что для государства, более важным и более полным представляется благо государства, достижение его и сохранение. Желательно, разумеется, и

благо одного человека, но прекраснее и божественнее благо народа и государства» [8, с. 55].

Платон очень резко осуждал чрезмерную свободу как в области моральной, так и интеллектуальной. По мнению философа, сначала возникли «всеобщее мудрое самомнение и беззаконие, а за этим последовала свобода. Стали все бесстрашны, точно знатоки; безбоязненность же породила бесстыдство. Ибо дерзко не страшиться мнения лучшего человека — это, пожалуй, худшее бесстыдство и следствие чересчур далеко зашедшей свободы» [14, с. 172–173].

В эллинистический период, когда рухнула система полисной демократии, ликвидация политических свобод не устранила стремление человека к внутренней свободе. Наоборот, отстранение от активной роли в политической жизни вызвало усиление внимания к внутреннему миру человека, к собственной неповторимой жизни. Индивидуальное, личностное начало начинает доминировать в содержании основных философских систем этого времени — кинизме, эпикуреизме, стоицизме. Последний, рассматривая мир как господство внешней необходимости, трактовал дух человека как сферу свободы и независимости, где человек вправе заявить собственную нравственную позицию и при несовместимости ее с внешними условиями даже совершить самоубийство. Разнообразными становятся жанры художественной литературы. Складывается жанр автобиографии, эпиграммы, других популярных малых форм, бытового романа. По мнению историков античной литературы, «в эпоху эллинизма человеческая личность приняла почти все формы самоуглубления, которые отмечены и в новоевропейской литературе» [15, с. 196].

Таким образом, личностное начало в древнегреческом обществе в относительно короткие исторические сроки проделало огромную эволюцию. В гомеровскую эпоху мы видим отдельных героических индивидов, которые еще в значительной мере чувствуют себя зависимыми от божественных сил. Здесь нет полной поглощенности индивида родом, но и нет четко выраженного личного самосознания. Оно начинает формироваться в классический период, когда складывается система полисной демократии. Исследователи характеризуют взаимоотношения личности и общества на этом этапе как гармоничные [4]. Именно эта гармоничность со-

здала необходимые предпосылки для раскрытия творческих дарований древних греков.

В эпоху раннего эллинизма греческая цивилизация совершает великую экспансию на Восток, неся в древние страны свою культуру, образ жизни, знания. На огромных пространствах покоренного Востока строятся города с правильной планировкой, с традиционными для греков стадионами, палестрами. Поход на Восток вызвал мощную обратную волну ориентализации, которая сначала накрыла эллинистический, а затем и римский мир. Греческая культура в этих условиях утрачивает свои специфические черты, насыщаясь восточными идеями и образами. Это выразилось и в переосмыслении классической философской онтологии, когда в период позднего эллинизма в синкретических учениях появляются идеи о том, что мировое начало имеет личностные черты. По мнению А.Ф. Лосева, эти учения противоречили классической античной философской традиции, поскольку были «отравлены... интуициями личности...» [16, с. 186].

В христианстве эта тенденция, отражающая закономерный процесс самопознания человека, оказалась реализованной наиболее полно. Христианство, в значительной мере вобравшее в себя античное наследие, открыло новые измерения человеческой духовности и тем самым явилось новым этапом в эволюции личностного начала. Но развивалось оно в этот период прежде всего в сфере идеологии (религии), а в отношении социальных практик можно говорить об определенной деградации личностного начала: «Средневековье, сосредоточив и дисциплинировав духовные силы человека, вместе с тем связывало их. Оно держало их в подчинении духовному центру, оно централизовало всю человеческую культуру. Это подчинение было во всем складе средневековой культуры» [17, с. 101]. Лишь с наступлением Нового времени европейское общество возвращается к принципам личностного самоопределения, заложенным в античную эпоху: «на заре нового времени произошла децентрализация, были отпущены на свободу творческие силы человека» [Там же. С. 102]. Эти принципы задали направление развития культуры индустриального и далее — постиндустриального общества, поэтому исследование культурного наследия Древнего мира оказывается ключом к пониманию всей европейской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Губин В.Д., Стрелков В.И.** Власть истории. Очерки по истории философии истории. М.: Изд-во РГГУ, 2007. 336 с.
2. **Козлова О.Н.** Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2010. № 3. С. 113–130.
3. **Уайтхед А.** Избранные работы по философии / пер. с англ. А.Ф. Грязнова, И.Т. Касавина и др. М.: Прогресс, 1990. 716 с.
4. **Андреев Ю.В.** Цена свободы и гармонии. СПб.: Алетейя, 1998. 400 с.
5. **Вейнберг И.П.** Рождение истории: историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М.: Наука : Восточная лит., 1993. 352 с.
6. **Вернан Ж.-П.** Происхождение древнегреческой мысли [пер. с фр.] / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича; послесл. Ф.Х. Кессиди. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
7. **Степин В.С.** Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
8. **Аристотель.** Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1979. 687 с.
9. **Аристотель.** Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
10. **Платон.** Сочинения. В 3 т. Т. 3, ч. 1. М.: Мысль, 1971. 687 с.
11. **Кон И.С.** Открытие «я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
12. **Шишков С.** Преступление и наказание в мире магии, мифов и колдовства // Наука и жизнь. 2016. № 1. С. 42–54.
13. **Зайцев А.И.** Греческая религия и мифология. М.: Академия, 2005. 208 с.
14. **Платон.** Сочинения. В 3 т. Т. 3, ч. 2. М.: Мысль, 1972. 678 с.
15. **Античная литература** / под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Просвещение, 1973. 439 с.
16. **Лосев А.Ф.** История античной философии в конспективном изложении. М.: ЧеРо, 1998. 192 с.
17. **Бердяев Н.А.** Смысл истории М.: Мысль, 1990. 173 с.

ГУРА Владимир Аврамович — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: kaphphil_2005@list.ru

ПАЗУХИНА Ольга Ростиславовна — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: opasuch@mail.ru

V.A. Gura, O.R. Pazukhina

ORIGIN OF PERSONALITY ELEMENT IN ANCIENT PHILOSOPHY, RELIGION, CULTURE

The article states that the vector of historical change is directed towards the origin and development of individual personality. The authors understand personality as a historical phenomenon which is the degree of man's inner motivation and also as a relative independence from the outer social conditions. The article considers the main ideas of Ancient Greek religion, art and philosophy as the evidence of personal self-consciousness and independent action in the ancient world and claims that this is the result and the

condition of the ancient world social practices. Such practices were the democratic mechanisms of the Ancient Greek society. Thus, the culture of this country and time became the starting point of the European cultural development with its system of basic values.

PERSONALITY; MOTIVATION; CULTURE; DEMOCRACY; SOCIAL PRACTICES; SELF-CONSCIOUSNESS.

REFERENCES

1. Gubin V.D., Strelkov V.I. *Vlast' istorii. Ocherki po istorii filosofii istorii* [The power of history. Essays on history of philosophy of history]. Moscow, RGGU Publ., 2007. 336 p. (In Russ.)
2. Kozlova O.N. [The manipulation of consciousness and the subjectivity in the 21st century] // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University*, 2010, no. 3, pp. 113–130. (In Russ.)
3. Whitehead A. *Izbrannyye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 716 p. (In Russ.)
4. Andreyev Yu.V. *Tsena svobody i garmonii* [The price of freedom and harmony]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 400 p. (In Russ.)
5. Weinberg I.P. *Rozhdeniye istorii: istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do nashey ery* [The birth of history: Historical thought of the Middle East in the middle of the first millennium B.C.]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 352 p. (In Russ.)
6. Vernant J.-P. *Proiskhozhdeniye drevnegrecheskoy mysli* [The origin of the Ancient Greek thought]. Moscow, Progress Publ., 1988. 224 p. (In Russ.)
7. Stepin V.S. *Teoreticheskoye znaniye. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge. Structure, Historical Evolution]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 744 p. (In Russ.)
8. Aristotle. [Works]. In 4 vol. Of vol. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 687 p. (In Russ.)
9. Aristotle. [Works]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 830 p. (In Russ.)
10. Plato. [Works]. In 3 vol. Of vol. 3, pt. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1971. 687 p. (In Russ.)
11. Kon I.S. *Otkrytiye "ya"* [The Discovery of Self]. Moscow, Politizdat Publ., 1978. 367 p. (In Russ.)
12. Shishkov S. [Crime and Punishment in the world of magic, myths and witchcraft]. *Science and Life*, 2016, no. 1, pp. 42–54. (In Russ.)
13. Zaytsev A.I. *Grecheskaya religiya i mifologiya* [Greek religion and mythology]. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 208 p. (In Russ.)
14. Plato. [Works]. In 3 vol. Of vol. 3, pt. 2. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 678 p. (In Russ.)
15. *Antichnaya literatura* [Ancient literature]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1973. 439 p. (In Russ.)
16. Losev A.F. *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii* [History of Ancient Philosophy in Short]. Moscow, CheRo Publ., 1998. 192 p. (In Russ.)
17. Berdyayev N.A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 173 p. (In Russ.)

GURA Vladimir A. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: kaphphil_2005@list.ru

PAZUKHINA Olga R. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: opasuch@mail.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.12
УДК 17.035.1

Е.Н. Болотникова

ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЗАБОТА»: ОТ «ЛЕКАРСТВА» В АНТИЧНОСТИ ДО «ЗДОРОВО БЫТЬ» В СОВРЕМЕННОСТИ

Забота индивида о себе была важным элементом философских размышлений в эпоху античности. Метафорами заботы служили волчок, зеркало, охрана, ревизия. Чаще других встречалась метафора лекарства с подробным описанием: когда, кому и кем назначается, в какой дозе и как долго принимать. В философии XX в. забота получает определение в трудах М. Фуко и П. Адо. Ее структура включает этическую субстанцию, модус подчинения, аскетические практики и телос. Забота индивида о себе преобразуется под влиянием развития техники и медиасреды, конститутивна для практик современной культуры и метафорически предстает в форме девиза «здорово жить». Как экзистенциальная установка забота продуктивна в модусе «здорово быть» в противоположность овеществленной эгоистической проекции «здорово иметь».

ЗАБОТА О СЕБЕ; ЭГОИЗМ; ЛЕКАРСТВО; ЗДОРОВЬЕ; МЕТАФОРА; ЭКЗИСТЕНЦИЯ.

Последние десятилетия вопрос о понятиях, конститутивных для осмысления социальной реальности, представляется чрезвычайно значимым. Он вызван к жизни целым рядом обстоятельств: деконструкция, которой подверглись язык, речь, письмо, текст; дискуссии вокруг тезисов «смерть автора» и «смерть человека»; активный поиск новых средств описания мира, философская критика художественных практик; широкое распространение программы «культурных исследований». Именно они приводят к необходимости поставить вопрос о том, каким образом язык современной философии может быть способен, с одной стороны, по-прежнему справляться с функциями философского описания мира, а с другой – оказываться адекватным социальным реалиям, меняющимся со скоростью, свойственной веку цифровых технологий? Какие понятия и в каком контексте обеспечивают доступ к пониманию существования современного человека и общества?

Простор для рассуждения дает обращение к понятию, которое включено в тезаурус современной философии, психологии, педагогики, филологии и вызывает множество споров среди этиков, политиков, экономистов, юристов, социальных теоретиков, медиков, педагогов. В связи с этим понятием и проблематикой, им

определяемой, организуются конференции и симпозиумы [1], публикуются монографии [2] и диссертации, вокруг него с шумом «ломаются копыя» [3]. Речь пойдет о понятии «забота», взятом как «забота о себе», актуализацию которого во второй половине XX в. организовали в мировой проекции П. Адо [4, 5] и М. Фуко [6, 7], а в российском дискурсе оно «ожило» благодаря усилиям Д. Михеля, Г. Иванченко, З. Сокулер, О. Зубец, В. Дьякова, Б. Маркова, В. Лехциера, Н. Соколовой, В. Пичугиной и др.

Определение понятия «забота» в греческом и латинском вариантах подверглось тщательной разработке в историко-философском ключе. Оно имеет две проекции: собственно понятийную и метафорическую. Понятийный ряд образуют близкие по значению «озабоченность», «попечение», «уход» (в значении ухаживать, а не уходить), «управление», «беспокойство», «внимание», «тревога» и также предполагаемые имплицитно «концентрация», «фиксация настоящего „себя“», «поиск „себя“», «конструирование будущего „себя“» и т. д. Общее метафорическое поле заботы о себе в античный период включает следующие позиции: как зеркало, как оружие, как охрана, как ревизия, как волчок, как лекарство. Заметим, что последнее встречается наиболее часто.

Греческий вариант *epimeleia heautou* присутствует практически у всех великих мыслителей античной эпохи, начиная с Исократа и Ксенофонта. Стоики, пифагорейцы и эпикурейцы связывали заботу о себе с лекарством [8, с. 117]. Так, поскольку у Эпикура заботящийся о себе нуждался в наставнике, а последний рассматривался как врач, ведущий ученика к выздоровлению [9], лекарство «заботы о себе» оказывается жизненно необходимым любому гражданину (безусловно, речь шла о свободных лицах мужского пола). В эпоху Римской империи латинский вариант «заботы о себе» *curatio* используют Тертуллиан, Ориген, Цицерон, Боэций, Эпиктет, Порфирий. Они также опираются на смысловой узел, образуемый понятием «забота», в котором выделяется метафора лекарства. Кто же кого лечит? Кто и кому прописывает «заботу о себе»? Например, Тертуллиан имел обыкновение «произносить целительные для нравов речи», которые способствуют как выздоровлению, так и процветанию [8, с. 126]. По Оригену, заботящийся о себе осуществляет это не иначе как под руководством наставника, что подтверждает, что он осознает свою болезнь и «всеми силами будет способствовать своему душевному исцелению», принимая лекарство «не всегда приятное, но неизбежное» [Там же. С. 128]. Всё более увлекающая людей в эту эпоху идея истины требует возвышения человека, что возможно только одним путем — «через врачевание посредством научения и разумного наставления» [Там же].

Интерпретация заботы о себе как лекарства и его назначения в названных эпохах (кому, когда, при каких условиях прописывается, какой состав имеет, приятное или горькое, в какой дозе и как долго принимать, под контролем или без него) существенно разнятся, что объясняется временной дистанцией и социальными обстоятельствами. Однако можно выделить и общие черты в трактовке заботы о себе. Во-первых, личное желание индивида двигаться в социальном пространстве с приоритетом в одном из направлений: вверх по социальной вертикали, например к управлению городом, или вглубь, к своему подлинному «я», причем это движение понимается как взаимообусловленное. Другими словами, если некто желает управлять городом, то прежде он должен научиться управлять самим собой, ибо как можно заботиться о других,

желая им блага, если не можешь определить и достичь блага для самого себя? И наоборот, желая научиться управлять собой, заботиться о себе, индивид неизбежно должен брать в расчет других, окружающих, ориентироваться на уже существующие в культуре маркеры благого и способы его достижения. Во-вторых, готовность к систематическому действию, не имеющему финальной точки, действию, которое невозможно завершить со словами «дело сделано», «я закончил» или «сделано всё что можно». Поскольку всякое обращение к лекарству предполагает нарушенный баланс некоего нормального состояния, лекарство нацелено на возврат индивида к балансу и организацию возможности поддержания этого состояния. Балансирование в социальном пространстве предполагает постоянно возобновляемое усилие, поддержку, избегание крайностей и т. д. Другими словами, однажды обратившись к заботе о себе, отменить ее уже невозможно. В-третьих, способность действовать под чьим-то руководством, реальным или виртуальным наставничеством, в любом случае занять рефлексивную позицию относительно наставничества. В-четвертых, свойство поступать согласно изменяющимся правилам, которые крайне слабо формализованы и скорее являются плодом собственных конструктивистских усилий, чем результатом многовековой устоявшейся рациональности, авторитета, традиции. Забота о себе — это своеобразное лекарство, которое, очевидно, лечит не только тело, но и душу индивида, вводит в оборот понятие здоровья целостного организма как социального и физического тела, восстанавливая или поддерживая здоровое состояние последнего.

Столетия, прошедшие между античностью и Новейшим временем, могут быть охарактеризованы как период практически полного забвения понятия «забота о себе». В прямом значении это понятие не встречается в философских, религиозных и культурных источниках, как если бы этот феномен исчез и из фактической жизни людей также. По крайней мере, о специальных исследованиях на эту тему нам неизвестно. Возвратились к понятию «забота» в философии лишь в XX в. Начиная с работ М. Хайдеггера появляются трактовки понятия «забота» в онтологическом, этическом, педагогическом, психологическом и культурологи-

ческом смысле, накоплен уже богатый арсенал таких трактовок. Метафорическая проекция заботы черпает образы из актуальной социальной практики. На наш взгляд, забота современника о себе синхронизируется с девизом «здорово жить». В подтверждение этой идеи можно обратить внимание на публичный дискурс индустрии спорта, красоты, здоровья, фундаментом которого является разнообразие вариантов заботы, в которой нуждается индивид.

Отметим, что метафора как элемент текста в полной мере репрезентирует потенциал семантического сдвига и утверждает трактовку текста не как хранилища, но как генератора смыслов [10, с. 7]. «Далее следует упомянуть об эвристической силе метафор, которая противодействует языковому употреблению и основывает новые отношения в необычных выражениях» [11, с. 46]. Через метафорическое понимание заботы о себе как лекарства становится возможным смыкание античного представления и современных вариантов трактовки «здорово жить».

Эта формула предполагает, что всякая активность индивида, поощряемая в социальном пространстве, проходит через фильтр «здорово жить». Если в античности к заботе о себе приступал уже тот, кто достиг определенного возраста сознательности и социальной диспозиции, тот, кто осознает заботу о себе как условие дальнейшего роста и развития, как условие подлинно человеческого существования, то для современников такой вопрос даже не стоит. Индивид и любые его действия маркируются по шкале здоровья, нормы, в прицеле долгосрочной эффективности и последствий, поскольку все имеющиеся в арсенале индивида действия уже взяты в окружение экспертными сообществами различного рода. Бесконечно говорящими персонажами в медиапространстве выступают доктора самых разнообразных отраслей медицины и присоединяющиеся к ним доктора иных наук. Похоже, что не осталось ни одной формы активности, которая была бы не нормирована тем или иным способом в проекции «здорово жить» — начиная от того, как именно ухаживать за младенцем, и заканчивая способами заботы об экологии орбитальных станций.

Лекарство «заботы о себе», ранее востребованное сознательными акторами, ныне вплетено во все социальные практики и фундирует собой не только медицину или педагогику, но и

экономику, менеджмент, политику и экологию. Оно оказалось базовым конструктом социальной реальности, санкционирующим и повседневность, и феномены «великих дел». В плавильном тигле рациональности, по меткой оценке Б. Вальденфельса, забота о себе спрессовалась в брикет из эмоций, экономической эффективности, ресурсной обеспеченности и обрела тотальный характер, став элементом «жизненного мира» подавляющего большинства современников.

В содержательном отношении следование девизу «здорово жить» совпадает с наполнением структурных компонентов заботы о себе, выделенных М. Фуко еще в истории античной заботы [12, с. 143–149]. В современности, на наш взгляд, наглядно репрезентированы следующие элементы: аскетические практики, модус подчинения, этическая субстанция и телос. Телосом выступает бессмертие как достигаемая норма бесконечно равномерно функционирующего физически и психически здорового организма, находящегося в состоянии покоя, равновесия. Этическая субстанция, подлежащая обработке, преобразованию, превращению в эстетический феномен, предстает как «я» индивида, взятое в различных по объему толкованиях. Расширенное представление о «я» включает в себя общности, организуемые по какому-либо социальному признаку (пол, возраст, национальность, религиозный выбор, место проживания, политические принципы и др.), или в предельном случае «я» «разрастается» до размеров Вселенной и всех живущих ныне и будущих поколений. На минимуме, в узком значении «я» ограничивается физической или духовной составляющей. Трактовка «я» определяется шириной кругозора и уровнем ожиданий или претензий индивида на конкретное место в социальной реальности.

Модусом подчинения выступает попытка придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм, т. е. превратить жизнь «я» в совершенное произведение искусства. Этот эстетический модус сопровождает максимальная рационализация организации жизненных процессов под девизом «здорово жить», что означает взаимопределяемость здоровья, пользы и красоты. Под аскетическими практиками понимаются добровольно избранные индивидом ограничения собственной ак-

тивности, в систематическом или хаотичном варианте реализуемые как в духовной, так и в физической сфере жизни. Речь об аскетизме в обществе потребления выглядит проблематично, поскольку экономика, политика и социальная сфера ориентированы на интенсификацию потребления, а вовсе не на его ограничение. Однако если мы внимательно прислушаемся к дискурсу в этой области, то обнаружим, что призывы к потреблению всегда сопровождаются указанием на ограничения: форма, количество, интервал, длительность, объем, периодичность и т. п. Предельной целью потребления обозначается полноценное удовольствие, комплекс из эмоционального, физического, психологического видов наслаждений, которое гарантируется при соблюдении этих ограничений. Таким образом, аскетические практики оказываются неизбежными структурными компонентами жизни современника, выбирающего заботу о себе.

На наш взгляд, метафора «здорово жить» выступает не только девизом заботящегося о себе современника, но и отражает экзистенциальные установки, которые, согласно Э. Фромму, являются неотъемлемыми чертами личности. Таких установок он выделяет две: «иметь» и «быть» [13]. И соответственно они приобретают вид «здорово иметь» и «здорово быть». В первом случае акцент ставится на обладании: иметь здоровье, обладать самим собой, собственным «я» как неким сущим, во втором же очевиден процессный подход: быть здоровым, быть «я» здорово, но это состояние равновесия, которое надо постоянно поддерживать определенными усилиями, ведь научиться балансировке и постоянно балансировать — это совсем не одно и то же. Присмотримся поближе к этим установкам.

Позиция «иметь» означает эгоизм в его непосредственном значении: «хотеть всего для себя; получать удовольствие от обладания самому и не делиться с другими; быть жадным, потому что если целью является обладание, то индивид тем больше *значит*, чем больше *имеет*» [Там же. С. 34]. Именно в эгоистической установке «иметь» человеческое существование достигает максимума своего отчуждения, овнешнения, овеществления. В этой проекции человек отдает приоритет взвешенному, измеряемому, внешне репрезентируемому существованию, как когда-

то в «пещере» Платона принимая материальное за единственно существующее, за подлинное. Забота о себе тогда предстает как максимум самого себя, отодвигая на дальний план простую истину: «Эгоист никогда не может быть удовлетворенным, так как его желания бесконечны» [Там же. С. 35]. Следовательно, упускается из виду состояние нехватки, онтологической недостаточности, принципиальной невозможности достичь баланса между собой и другими, недостижимости состояния целостности, полноты, здоровья. Другими словами, забота о себе в этом случае оказывается лекарством, которое не лечит, а лишь радует глаз хозяина лежащим на полке сертификатом обладателя. «Здорово иметь» означает статику, остановку, объем и замедление — замерение (в смысле избрания меры себя через предметную действительность). Мы не выносим оценочных суждений относительно подобной установки, но лишь отмечаем, что «здорово иметь» — это технология фиксации индивида в его механистической проекции, избираемая им самим как зримый феномен, результат воплощенной заботы о себе, готовый к демонстрации для других.

Безусловно, что установка «здорово быть» воплощается во внешне похожих, но по сути своей радикально иных действиях индивида. На наш взгляд, если позицию «здорово иметь» водрузить на фундамент из свободы, а внутрь ввести эмоции, то она и станет искомой. Трудности при толковании этой установки объясняются названными обстоятельствами: свободой и эмоциональностью, а отсюда долгий путь до конкретности; абстрактным способом описания; расплывчатыми призывами и убеждениями вместо аргументов и доказательств и вдобавок тавтологией светлых надежд.

Установка «быть» распадается на множество гипотетических требований преобразования существующего мира и выставляется учеными как условие выживания и сохранения человеческого рода. Большая часть рациональных аргументов сторонников позиции «быть», а не «иметь» сводятся к тому, что внутри каждого индивида существует стремление к солидарности. Однако оно в силу различных исторических обстоятельств не выросло до тех же значений, не воплотило себя в той же мере, что и стремление к соревнованию, агону, борьбе, стремление к изоляции и индивидуализму. Говоря языком

этики, эгоизм существенно превосходит альтруизм как принцип человеческого выбора, действия, поступка, отношения. Вера гуманистов старого и нового образца подкрепляется справедливым авторитетным наблюдением: «Между идеями Будды, Экхарта, Маркса и Швейцера существует поразительное сходство: всех их объединяет решительное требование отказаться от ориентации на обладание; настойчивое требование полной независимости; метафизический скептицизм; религиозность без веры в бога, требование проявлять социальную активность в духе заботы о человеке и человеческой солидарности» [13, с. 180].

Экзистенциальная установка «быть» предполагает совместное бытие индивидов в связи с другими, в связи между собой, в связи с Природой на паритетных началах и принципиальный отказ от потребительских практик. Речь, конечно, идет не о полном отказе от потребления, но об отказе от избыточной приверженности к комфорту и роскоши, необоснованным тратам конечных ресурсов (а ресурсы по определению конечны), отказе от строго вертикальной структуры устройства социальных институтов. На первый план выдвигается установка на творческое преобразование и открытость, кооперацию и горизонтальные коммуникации, настойчиво утверждаются принципы вовлеченного демократического активизма во всех сферах человеческого бытия.

Именно в установке «здорово быть» забота о себе сохраняет свой жизненный тонус, воплощает здоровье как целостный, нелокализуемый по частям физическое или социального тела феномен. В этой установке индивид приобретает опыт здоровья как целостного существования (как формулирует В.Л. Лехциер, «опыт здоровья есть целостный опыт организма» [14]), а удовольствия, наслаждения, испытываемые им, не переходят в свою противоположность и при этом многократно усиливаются. Нет сомнений в том, что забота о себе, взятая как процесс, отражает текучесть, подвижность, длительность бытия индивида, требует определенного мужества и готовности к постоянству действия, поиску форм и содержания, понимания и объяснения, поддерживая индивида в собственно человеческом, а не механически предметно маркируе-

мом существовании. «Здорово быть» означает быть разным и оттого всегда живым, а мир в таком случае выступает как простор бытия, а не потребительский ресурс, по присвоению которого ведутся захватнические войны. Это оставляет надежду, но не на вечное райское существование, а на возможность охватить бытие в режиме «здесь и сейчас» во всей его полноте и ясности. Надежду не присвоить, не гарантировать, не обеспечить, но обеспечивать, переприсваивать (в смысле «заново»), делать своим, переоткрывать (в смысле «в новом качестве»), управлять, править и исправлять самого себя в опыте целостного, цельного единого с миром бытия.

Таким образом, забота о себе, метафорически ярко представленная в античности как лекарство, в современности предстает как девиз «здорово жить». Реализуемая в вариантах «здорово иметь» либо «здорово быть», она позволяет различать проекции механистически трактуемого, отчужденного, овеществленного, эгоистичного, статичного существования и осмысленного, рефлекслируемого, актуального, солидарного, динамичного, целостного бытия. Эти проекции заботящегося о себе современника являются также точкой раскрытия социального в индивидуальном и наоборот. Структурные компоненты заботы о себе наполняются актуальным содержанием, находясь в значительной связи с развитием феноменов массовой культуры, техническим прогрессом и расширением медиа. Понятие заботы о себе позволяет в своем метафорическом выражении увидеть значимые элементы индивидуального человеческого бытия в единстве с социальными практиками.

Задача априорной ясности метафизического языка, научной строгости философских понятий, поставленная еще И. Кантом, судя по всему, так и остается нерешенной до наших дней. Однако философия, словно хорошая хозяйка, периодически проводит ревизию смысловых запасов собственного языка и истории и обнаруживает в них залежи ценных зерен. Приправленные специями современности, они дают полноценную пищу для размышлений и позволяют философии по-прежнему оставаться самой собой, сохраняя интригующий облик и долгое послевкусие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Мы** все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Матер. Междунар. конф. памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко. Ч. 1. Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. 416 с.
2. **Иванченко Г.В.** Забота о себе: история и современность. М.: Смысл, 2009. 304 с.
3. **Лехциер В.Л.** Забота о себе и проблема философского образования // Идея университета и топос мысли. Матер. конф. (Самара, 3–5 октября 2005 г.). Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2005. С. 51–65.
4. **Адо П.** Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 320 с.
5. **Адо П.** Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер, 2005. 448 с.
6. **Фуко М.** Воля к власти: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. **Фуко М.** История сексуальности-III. Забота о себе. Киев: Дух и литера, 1998. 288 с.
8. **Пичугина В.К.** Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике: моногр. М.: Изд-во АСОУ, 2014. 180 с.
9. **Эпикур.** Ватиканское собрание изречений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 612–624.
10. **Серто М.** Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
11. **Вальденфельс Б.** Повседневность как плавающий тигль рациональности. 1990 // Социологос. М.: Прогресс, 1991. 480 с. С. 39–50.
12. **Фуко М.** О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2. С. 135–159.
13. **Фромм Э.** Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-пресс, 2004. 384 с.
14. **Лехциер В.Л.** «Больное место»: эпистемологические импликации современных медицинских практик // Философская Самара. URL: <http://www.phil63.ru/bolnoe-mesto> (дата обращения: 18.11.2015).

БОЛОТНИКОВА Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент Самарского государственного технического университета.

Россия, 443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244
e-mail: vlad_lena@mail.ru

E.N. Bolotnikova

PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE CONCEPT "CARE": FROM "MEDICINE" IN ANTIQUITY TO THE "GREAT TO BE" IN THE PRESENT

Concern of an individual about himself was an important element of philosophical reflection in Antiquity. A spinning top, a mirror, security, audit served as metaphors of concern. The most frequently used metaphor was that of medicine with a detailed description of when, to whom and by whom it was prescribed, in what amount and succession to handle it. In the philosophy of the twentieth century, concern is defined in the works of M. Foucault and P. Hadot. Its structure comprises ethical substance, mode of subjection, ascetic practices and telos. Concern of an individual about himself is transformed under the influence of technological development and media environment; it is constitutive for modern culture practices and appears metaphorically in the form of the slogan "it's great to live". As an existential guideline concern is efficient in the modus "it's great to be", as opposed to the embodied selfish view "it's great to have".

TAKING CARE OF YOURSELF; SELFISHNESS; MEDICINE; HEALTH; METAPHOR; EXISTENCE.

REFERENCES

1. [We are all in continuous care... The concept of care in the history of pedagogy and culture]. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii pamyati filosofa, sotsiologa, psikhologa G.V. Ivanchenko. Pt. 1. Moscow, Kanon+ Publ., 2015. 416 p. (In Russ.)
2. Ivanchenko G.V. *Zabota o sebe: istoriya i sovremennost'* [Self-care: history and modernity]. Moscow, Smysl Publ., 2009. 304 p. (In Russ.)
3. Lekhtsiyer V.L. [Self care and the problem of philosophical education]. *Ideya universiteta i topos mysli. Materialy konferentsii* (Samara, 3–5 oktyabrya 2005 g.). Samara, Samarskiy gosudarstvennyy univ. Publ., 2005. Pp. 51–65. (In Russ.)
4. Ado P. *Chto takoye antichnaya filosofiya?* [What is ancient philosophy?]. Moscow, Izdatel'stvo Gumanitarnoy literatury Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)
5. Ado P. *Dukhovnyye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow, Stepnoy veter Publ., 2005. 448 p. (In Russ.)
6. Fuko M. *Volya k vlasti: po tu storonu vlasti, znaniya i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will to power: on the other side of power, knowledge and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p. (In Russ.)
7. Fuko M. *Istoriya seksual'nosti-III. Zabota o sebe*. Kiyev, Dukh i litera Publ., 1998. 288 p. (In Russ.)
8. Pichugina V.K. *Antropologicheskiy diskurs "zaboty o sebe" v antichnoy pedagogike* [The anthropological discourse of "self-care" in ancient pedagogy]. Moscow, ASOU Publ., 2014. 180 p. (In Russ.)
9. Epikur. *Vatikanskoye sobraniye izrecheniy* [Vatican collection of sayings]. Of vol. 2. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1947. Pp. 612–624. (In Russ.)
10. Serto M. *Izobreteniyе povsednevnosti. Iskustvo delat'* [The Practice of Everyday Life. Making Do]. St. Petersburg, Yevropeyskiy univ. v St. Peterburge Publ., 2013. 330 p. (In Russ.)
11. Valdenfels B. [Daily life as a melting pot of rationality]. *Sotsiologos*. Moscow, Progress Publ., 1991. Pp. 39–50. (In Russ.)
12. Fuko M. [On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress]. *Logos*, 2008, no. 2, pp. 135–159. (In Russ.)
13. Fromm E. *Imet' ili byt? Radi lyubvi k zhizni* [To have or to be. For the Love of Life]. Moscow, Ayris-press Publ., 2004. 384 p. (In Russ.)
14. Lekhtsiyer V.L. [Narrative medicine from Russian doctors' point of view. An attempt of empirical analysis]. *Filosofskaya Samara*. Available at: <http://www.phil63.ru/bolnoe-mesto>. (accessed 18.11.2015).

BOLOTNIKOVA Elena N. – *Samara State Technical University.*

Molodogvardeyskaya ul., 244, Samara, 443100, Russia

e-mail: vlad_ena@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ФИЛОСОФОВ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

В связи с отсутствием в России четкой идеологии, а следовательно, и четких нравственных ориентиров в последние десятилетия очень сложно разобраться в потоке информации и отличить добро от зла. В статье проанализированы и представлены взгляды на категории «добро» и «зло» русских православных философов: Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Ф.М. Достоевского и др. Категория добра представлена и как совокупность трех человеческих чувств – стыда, жалости, благоговения, и как действенная любовь к Творцу, осуществляемая сквозь призму целомудрия, и как полная, безоговорочная противоположность злу и несовместимость с ним. Добро практически не рассматривается как некая нравственная категория, а воспринимается философами исключительно как категория духовная. Зло рассматривается и как полное абсолютное небытие, как ничто, в противоположность которому создается весь мир, и как специфические нравственные изменения в человеке и в обществе, и как совершенно несамостоятельная категория, и как историческая и жизненная необходимость. Понятие зла в русской философии предстает как предельное обобщение всего негативного в мире и человеке, тесно связанное со свободой воли людей.

ДОБРО; ЗЛО; РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ; ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА.

В современном мире тема нравственности и морали остается одной из наиболее востребованных и в то же время одной из самых сложных. Новое поколение сталкивается с множеством различных и часто диаметрально противоположных представлений о том, что есть «хорошо», а что «плохо». Разобраться в потоке информации и отличить добро от зла, а нравственное чувство связывают именно с различием добра и зла в действиях, непросто в связи с отсутствием в стране четкой идеологии, а следовательно, и четких нравственных ориентиров.

Категории «добро» и «зло» – это категории этики, выражающие нравственно-положительную и нравственно-отрицательную стороны в действиях и поступках человека. Они являются центральной осью мировоззрения и определяют иерархию ценностей в нашем мире.

Ежедневно на протяжении многих веков человек пытается в повседневной жизни интуитивно отличить добро от зла, однако, как пишет Н.О. Лосский, легко впасть в ошибку и не заметить зла, замаскированного примесью к нему добра, или не оценить добра, которое в земном бытии не бывает свободно от недостатков [17].

По мнению одного из крупнейших русских философов – В.С. Соловьёва, существуют три чувства, отвечающие за сохранение и преумножение добра в человеке. Первое из них – чувство стыда. Интересен тот факт, что стыд совершенно отсутствует в животном мире, это чувство присуще исключительно человеку: «Есть одно чувство, которое не служит никакой общественной пользе, совершенно отсутствует у самых высших животных и, однако же, ясно обнаруживается у самых низших человеческих рас. В силу этого чувства самый дикий и неразвитый человек стыдится. <...> Чувство стыда (в его коренном смысле) есть уже фактически безусловное отличие человека от низшей природы, так как ни у каких других животных этого чувства нет ни в какой степени, а у человека оно появляется с незапамятных времен и затем подлежит дальнейшему развитию» [26, с. 133]. Чувство стыда постоянно напоминает человеку, что «он не есть только природное материальное существо, а еще нечто другое и высшее» [Там же]. «Существо, стыдящееся своей животной природы, тем самым показывает, что оно не есть только животное» [Там же. С. 137]. Таким

образом, в значительной степени чувством стыда определяется этическое отношение человека к материальной природе. Человек стыдится ее господства в себе или своего подчинения ей. Но чувство стыда это не просто выражение должного отношения человека к материальной природе, это чувство, в котором открывается истина о том, что в человеке есть духовное, сверхматериальное существо. Более того, именно стыд раскрывает смысл того, что есть нехорошо, недолжно, что при прибавлении аналитического пояснения становится совестью, говорящей человеку, что, сделав что-либо недостойное, он становится повинен в грехе, виновен во зле, в преступлении.

Животные бывают добрыми и злыми, но в их сознании, как пишет философ, нет различия добра и зла как таковых. У человека это познание дано в чувстве стыда, которое из этой первоосновы постепенно переходит в виде совести на всю область человеческой этики.

Второе чувство, отвечающее за нравственные основы в человеке, по мнению Соловьёва, — это жалость или сострадание. В данном чувстве проявляется ощущение чужого страдания и в той или иной степени солидарность с другим существом. Интересно, что сострадание, в отличие от стыда, свойственно многим животным. Следовательно, если человек без стыда представляет собой возвращение к скотскому состоянию, то человек безжалостный падает ниже уровня животных.

В нравственных областях, которые В.С. Соловьёв обозначает как стыд и жалость, добро уже познается как истина и действительно осуществляется, но несовершенно. Для совершенного осуществления добра необходимо еще что-то, и этим «что-то» является религиозное чувство или благоговение, так как истинный предмет его — это высшее или совершенное добро, которое само по себе «вечносуще» и осуществляется всецело и безусловно.

Помимо вышеупомянутых нравственных чувств стыда и жалости, это третье, определяющее нравственное отношение человека к чему-то особому, что признается им как высшее, Соловьёв считает наиболее сложным нравственным чувством, так как оно состоит из любви, из полного подчинения, из сильного ощущения зависимости, страха, почтения, благодарности, упования на будущие блага и, возможно, еще

из некоторых элементов. Философ полагает, что чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. Господство над материальной чувственностью, солидарность с живыми существами и добровольное внутреннее подчинение сверхчеловеческому началу являются незыблемыми основами нравственной жизни человечества. Важно отметить, что благоговение и религиозное чувство, в понимании Соловьёва, не состоит лишь в одном сознании зависимости человека от безмерно превосходящей его силы, напротив, оно сводится к радостному ощущению того, что есть существо бесконечно лучшее, чем мы сами, и что наша судьба зависит не от чего-то бессмысленно-рокового, а от действительного и совершенного добра [26].

Философия В.С. Соловьёва в значительной степени повлияла на известного русского мыслителя С.Н. Булгакова, который понимал добро как некое истинное и должное состояние души человека, находящегося в гармонии с Творцом. Возрастая до этого состояния души человек может, осуществляя в себе подобие Божие силой любви. Законом жизни в этом случае для человека становится «мудрость цельности и цельность мудрости — целомудрие, которое есть одновременно и условие, и следствие любви». Любовь к Небесному Отцу требует от человека по-детски доверчивого послушания. Бог, любовь и доброта дают человеку возможность победить самого себя и обрести истинный смысл своей жизни. Утрата данной осмысленности жизни человека неминуемо приводит его ко злу, которое готово направить всю свою мощь и власть именно на борьбу с целомудрием, «чтобы, развратив и исказив мир, нарушить его меру и гармонию и привести вследствие этого к грехопадению человека и его отпадению от Бога-Творца» [7, с. 232].

Понятие зла в русской философии предстает как предельное обобщение всего негативного в мире и человеке. Следует, однако, подчеркнуть, что зло в собственном смысле слова выступает как категория нравственная, иными словами, она характеризует конкретные тип и характер отношений между людьми. Поэтому имеет место представление, что «природное» зло есть не более чем антропоморфный образ, определенная аналогия, но не научное понятие [28]. Ни

ураган, ни землетрясение при всем возможном разрушительном характере их последствий не являются, с этих позиций, злыми. «Самое применение идеи зла к этим явлениям, — подчеркивает И.А. Ильин, — осталось в наследство от той эпохи, когда всё одушевляющее человеческое воображение усматривало живого душевно-духовного деятеля за каждым явлением природы и приписывало всякий вред какому-нибудь зложелательному вредителю» [15, с. 12].

Подобным же образом и в прагматичном, и в эстетическом, и в эмоционально-чувственном аспектах явления могут оцениваться как зло, лишь получая специфически нравственные измерения. При этом нравственное, моральное отождествляется с добром, а безнравственное, аморальное — со злом. «Зло начинается там, где начинается человек, и притом именно не человеческое тело, во всех его состояниях и проявлениях как таковых, а человеческий душевно-духовный мир — это истинное местонахождение добра и зла» [Там же. С. 13].

Вместе с тем некоторые философы имели противоположную точку зрения. Так, Н.О. Лосский практически всё сотворенное Богом относил к тварным деятелям. Он утверждал, что изначально тварные существа «суть субстанциональные деятели, сверхвременные и сверхпространственные, обладающие *сверхкачественною* творческой силою, посредством которой они могут творить свою жизнь» [Цит. по: 26, с. 330].

Идея о том, что зло есть ничто, активно исследуется в русской религиозной философии. Некоторые из философов в той или иной форме пытаются субстанциализировать это ничто. С.Н. Булгаков, например, стремился показать, что до грехопадения ничто пребывало как темная, немая основа мироздания с тем, чтобы прорваться в него, прослоиться хаотичной силой: «Есть только благо, и всё, что не благо, не есть». Зло — это «недолжное актуализирование того ничто, из которого сотворен мир» [7, с. 26].

Н.О. Лосский утверждает, что «в отличие от Абсолютного Добра зло не первично и не самостоятельно. Во-первых, оно существует только в тварном мире и то не в первозданной сущности его, а первоначально, как свободный акт воли субстанциальных деятелей, и производно, как следствие этого акта. Во-вторых, злые акты воли совершаются под видом добра...» [Цит. по: 26, с. 346].

Решение проблемы происхождения зла искалось в русле теодицеи, оправдания Бога. В западноевропейской мысли наиболее фундаментально разработали теодицею Августин и Лейбниц. Понимание теодицеи русскими философами берет начало от одноименного трактата Г.В. Лейбница, написанного в 1710 году. Он разделил зло на три вида: метафизическое, моральное и физическое, а также установил взаимосвязь между ними.

Метафизическое зло (несовершенство вещей и веществ) происходит оттого, что Бог сотворил мир как наилучший из возможных миров. Божественное всемогущество ограничено божественным разумом, и потому сотворенные вещи имеют разную степень совершенства. Следствием несовершенства вещей выступает моральное зло (грех). Человек обладает свободой воли, а интеллект его конечен, поэтому он грешит. Физическое зло (страдания) является следствием морального, оно есть наказание за грех и как таковое справедливо [16].

Идеи Лейбница не только воспринимаются, но и развиваются далее русскими философами. Так, Н.О. Лосский, соглашаясь с лейбницевской классификацией зла, добавляет к ней еще три вида зла: зло душевной жизни, социальное зло, сатанинское зло. Нравственное зло есть основное, а все остальные виды следствия нравственного зла [См.: 26, с. 350].

Многие современные философы придерживаются следующей классификации зла: 1) природное зло (действие стихийных сил природы); 2) социальное зло (действие стихийных общественных сил); 3) моральное зло (отрицательные моральные качества и негативные поступки людей) (см., например: Сабиров В.Ш. [23]; Скрипник А.П. [24]). «Моральное зло неразрывно связано с индивидуальной виной, свободой и ответственностью человека. В понятии морального зла фиксируется прежде всего самоуничтожение человеческого в человеке, дегуманизация и деградация личности, выхолащивание человеческого в социальных отношениях» [22, с. 17].

Идея о том, что человек ответственен за существующее зло, является лейтмотивом философии Н.А. Бердяева. Его концепция зла зиждется на признании первичности несотворенной свободы, предшествовавшей бытию и укорененной в ничто. Признание такой добы-

тийной, дотварной, домирной свободы ставит перед человеком творческую задачу продолжения миротворения, и самое зло делает путем, тяжелым опытом, а не онтологическим началом, переходящим в вечность (ад). Бердяев отвергает всемогущество и всеведение Бога и утверждает, что Бог не творит воли существ Вселенной, а просто помогает тому, чтобы воля становилась добром. «Свобода заложена в темной бездне, в ничто, — пишет философ, — но без свободы нет смысла. Поэтому зло не отрицает существование смысла, а подтверждает его. Свобода не сотворена, потому что она не есть природа, свобода предшествует миру, она вкоренена в изначальное ничто. Бог всемогущ над бытием, но не над ничто, но не над свободой. И поэтому существует зло» [6, с. 112]. Благодаря своему убеждению в том, что свобода не может быть создана, он сумел освободить Бога от ответственности за вселенское зло. В противном случае, как думает Бердяев, теодицея была бы невозможной: «Если Бог-Пантократор присутствует во всяком зле и страдании, в войне и пытках, в чуме и холере, то в Бога верить нельзя, и восстание против Бога оправданно. Бог действует в порядке свободы, а не в порядке объективной необходимости. Он действует духовно, а не магически» [5, с. 164].

Н.А. Бердяев порицает приписывание Богу и перенесение на него садистских и мстительных инстинктов. Хотя Христос и превратил страдание в путь спасения, это вовсе не значит, что нужно искать страдания, истязать себя, а также не значит, что нужно причинять страдания другим для их спасения. Именно на этой вере спасительного страдания, считает Бердяев, были основаны инквизиция, пытка, оправдание смертной казни и жестокость наказаний. Христиане, по мнению философа, искали страданий, болезней, самоистязания и истязания других. «У инквизиторов могла соединяться личная доброта с садизмом. Первоисточник страшного, темного заблуждения был в том предположении, что страдание человека угодно и приятно Богу, то есть в перенесении на Бога садистских чувств. Св. Доминик был жестоким инквизитором. Св. Тереза жестоко обращалась с сумасшедшими. Иосиф Волоцкий был жесток и требовал истязания и казни еретиков» [4, с. 293]. Бердяев уверенно указывает на прямую связь власти и жестокости, ставя в один ряд ка-

толических и православных святых, несмотря на то, что жестокость, например Иосифа Волоцкого, была направлена исключительно на активных борцов с его верой и касалась непосредственно борьбы с еретиками, прельщавшими православных.

Бердяев соотносит зло с властью, которая сводит людей с ума, представляя собой бесконечное вождление. Именно поэтому, считает философ, некоторые римские императоры обнаруживали безумие жестокости, и даже существовали режимы, которые представляли собой кристаллизацию садической жестокости [Там же. С. 267]. Таким образом, именно человек, а конкретно — его свобода является причиной существования зла на Земле. Свобода — основной стержень всей философской концепции Бердяева и в то же время общее звено с концепциями других русских философов.

Так, Н.О. Лосский строит свою теорию зла на идее мира как органического целого и совокупности субстанциональных деятелей и персон, каждая из которых имеет свою меру ценности. Совершенство деятелей, живущих соборно в Боге, образует область бытия, Царство Божие или царство абсолютного добра. Бог не имеет никакого отношения к существующему злу, за зло ответственен только человек, наделенный свободой воли. «Так как действительность добра не требует действительности зла, — пишет Лосский, — то возникшее фактически в мире зло есть дело тварных существ, в котором повинны только они, в котором вовсе не участвует Бог: вступление твари на путь зла есть именно ее *отпадение* от Бога, шествование путями *своими*, обособленными от путей Божиих» [20, с. 211]. Основной недостаток, основное нравственное зло, присущее людям, заключается в себялюбии, эгоизме. Это является причиной того, что царство кесаря, наше бытие, содержит в себе все виды зла, включая жестокость и ненависть. Вхождение человека в Царство Божие, составляющее его высшую нравственную и религиозную цель, возможно при выполнении заповеди: «Люби Бога больше, чем себя. Люби ближнего, как себя, достигай абсолютной полноты жизни для себя и других существ» [19, с. 62]. Зло происходит оттого, что люди нарушают эту заповедь.

Несколько иное понимание природы зла видим у С.Н. Булгакова: концепция зла связа-

на с его софиологией — учением о Премудрости Божией, философский смысл которой состоит в том, что, утверждая идею ценности и осмысленности земного бытия, мировой истории и человеческой жизни, она, по сути дела, предупреждает людей об опасности максимального отрицания зла и видимого несовершенства материального (тварного) мира. Софиология внушает людям «дар непосредственного переживания непреходящей красоты и рассудком недоказуемой ценности, таинственно заложенной в вещах мира, вопреки их видимой скудности, эфемерности, дисгармонии» [7, с. 263]. Зло есть темная, немая основа мира, а возможность зла и греха есть «метафизическое хищение, на которое, однако, наперед было дано соизволение Творца». Зло не может быть понято как второе начало бытия. Так же очевидно, что зло не может быть создано любящим Творцом. «Зло может мыслиться лишь попушенным или вкравшимся в мироздание, как его частное самоопределение...» [Там же. С. 226]. Свобода людей позволила актуализировать зло, наполнила его силой. И зло, раз возникнув, становится многократно, многообразно и многолико.

Как видим, практически все русские философы серебряного века подчеркивали роль человеческой свободы в появлении зла в мире, и, таким образом, вся ответственность ложилась на плечи людей. По этой же причине на плечи всего человечества ложилась ответственность за войны. Н.А. Бердяев пишет, что в войне выявляется зло, живущее в каждом из людей. «Война лишь выявила и проецировала на материальном плане наши старые насилия и убийства, нашу ненависть и вражду... Не дано человечеству, оставаясь в старом зле и древней тьме, избежать имманентных последствий в форме ужасов войны» [5, с. 180]. И.А. Ильин отмечает, что черствость людей делает культуру холодной и как бы сооруженной из льда и камня. Весь жизненный уклад, наука и искусство отрицают любовь, так как она мешает уму и воле, а жестокость ставят себе в великую заслугу. И поэтому, считает философ, революции, гражданские и международные войны, «эти судорожные спазмы современной культуры», не случайны, они «суть естественные выражения сердечной жестокости, алчности, зависти и ненависти. Жестокость этих столкновений уже заложена

в повседневной жестокости и бессердечности жизни» [Цит. по: 26, с. 296].

Так рассматривалось зло с позиции абсолютных ценностей, в то время как жестокость есть конкретное проявление зла, и ряд русских философов уделяли внимание именно этому вопросу.

Вопрос о жестокости русскими философами нередко поднимался в связи с творчеством Ф.М. Достоевского, «русского де Сада». Некоторые исследователи, например А.П. Желобов, отмечают, что собственно «открытие» Достоевского как величайшего художника-мыслителя принадлежит русским философам «серебряного века» в начале их философского творчества [12, с. 44].

В 1882 году в «Отечественных записках» вышла статья Н.К. Михайловского «Жестокий талант», где он пишет о том, что Достоевский переходит меру «необходимой жестокости» (в качестве образца критик указывал на шекспировскую трагедию «Отелло» с ее «строгую умеренностью количества унижающих и оскорбляющих героев обстоятельств» [21]). Михайловский связывал это с отсутствием у Достоевского «общественного идеала». В.С. Соловьёв весьма негативно оценил данную статью. Он увидел у самого же Михайловского «проповедь обязательной жестокости», поскольку тот отделяет, в отличие от Достоевского, «общественный идеал» от нравственного, а это, по мнению Соловьёва, причина «круговой поруки злобного насилия». «И не будет конца этой круговой поруке злобного насилия, — пишет философ, — этому усложненному каннибализму до тех пор, пока общественный идеал будет отделяться от нравственного, пока злые страсти будут оправдываться точками приложения» [25, с. 50–56].

В дальнейшем осмысление объективного значения тяготения Достоевского к изображению мучений всё более склонялось к расширенному и метафизическому толкованию этой особенности его творчества. Литературовед и философ М.М. Бахтин писал, что эпитет «жестокий талант», который дал Достоевскому Н.К. Михайловский, имеет под собой почву, но не столь простую, как у Михайловского: «...моральные пытки, которым подвергает своих героев Достоевский, чтобы добиться от них слова самосознания, доходящего до своих последних пределов, позволяют растворить всё внешнее

и объективное, всё твердое и низменное, всё внешнее и нейтральное в изображении человека в сфере его самосознания и самовысказывания» [2, с. 62].

Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человеке глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человека останется та же, что ненормальность и грех исходят из нее самой» [9]. Эти слова, являясь практически полной идентичностью позиции Бердяева, в то же время являются своеобразным ответом Михайловскому. «Достоевский „допускал“ жестокость, как и другое зло, в гораздо более глубинные пласты человеческой природы, нежели Михайловский, — пишет В.В. Ерофеев. — Для критика, ведущего свою идеологическую генеалогию просветительства, жестокость была наносным явлением, вроде пыли на зеркале человеческой природы: эту пыль нетрудно обнаружить, а затем и стереть... Достоевский отказывается разделить подобное несколько легкомысленное мнение о человеке» [10, с. 50–51]. Такую точку зрения высказал еще С.Л. Франк: «По Достоевскому, зло, слепота, жестокость, хаотичность, дисгармония не только вообще присущи человеку, но в каком-то смысле связаны с его последним, глубинным существом. Именно там, где человек в своих слепых и разрушительных страстях восстает против требований разума, против всех правил приличия и общепринятой морали, — именно там прорывается наружу, сквозь тонкую оболочку общепризнанной эмпирической реальности, подлинная онтологическая реальность человеческого духа» [27, с. 60–61].

Таким образом, страдание, в понимании Ф.М. Достоевского, — это один из способов, путей самопознания, познания собственных глубин. Дело в том, что писатель придавал огромное положительное значение страданию, считая, что человек должен постоянно чувствовать страдание, которое уравнивается жертвой. Но он полагал, что главный вид страдания — укоры совести, пробуждение совести. По Достоевскому, человек — свободная от среды самость, и борьба Дьявола с Богом в сердце человека совершается и будет совершаться всегда, независимо от социальных условий.

Достоевский видел в человеке два источника зла — индивидуализм и коллективизм. Он

понимал человеческое как единство и противоборство этих начал, показывая крайности того и другого. И только мистическая связь с Богом, образ божий в человеке раскрывает бездонные божественные перспективы человека, составляет «подлинное человеческое» в человеке, смиряя и сливая противоположности индивидуального и общего во всеединстве. Зло же, по Достоевскому, коренится в безбожном коллективизме, в искании, пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться всем в бесспорный общий и согласный муравейник, и богоборческом индивидуализме («всё дозволено»). То и другое ведет к нравственному разрушению человека.

Сомнения Достоевского, по существу писателя христианского, в «природе человека» простираются и до сомнения в возможности Царства Божия на Земле, если человек останется в наличной физической природе, не изменит ее. Отсюда необходимость нравственного перерождения, но переродиться человек может только свободно, «сам» и, по Достоевскому, на путях религиозного сознания.

Одна из философских работ, в которой вопросу жестокости было уделено особое внимание, — это «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» Н.А. Бердяева. Она была написана в 1918 году. В этой книге философ посвятил феномену жестокости целый раздел, который так и называется «О жестокости и боли». Речь идет о сравнении жестокости во время войны и жестокости в мирное время. Бердяев пишет, что в мирное время наблюдается феномен толерантности людей по отношению к жестокости, поэтому нужны исключительные внешние события, чтобы «ранить нашу душу и поразить наше воображение». Таким событием стала Первая мировая война. Но в отношении жестокости войны, по мнению философа, люди проявляют лицемерие, так как «мы слишком мало восприимчивы к жестокости жизни, вообще, слишком привыкли к болям обыденной жизни... восприимчивость наша притупилась, кожа наша стала толстой» [5, с. 184]. К тому же любой процесс жизни, рост и развитие ее сопровождаются жестокостью. «Когда мы творим жизнь, мы совершаем много жестокостей и много жестокостей совершается над нами. Мы убиваем не только тогда, когда колом штыком и стреляем из ружья. В сущности тот, кто при-

нимает мировой процесс, историческое развитие, тем самым принимает жестокость и боль и оправдывает их» [5, с. 184]. Бердяев считал, что жестокость – неотъемлемая черта человеческого существования, так как находится в сердце человека, и никакие идеальные социальные условия (например, коммунизм) не смогут изменить человека [4, с. 269].

Н.А. Бердяев принимает жестокость жизни, жестокость исторического процесса, призывает безбоязненно принять ее, ибо отказ от жестокости, испытаний есть отказ от истории с ее высокими целями, желание ее прекращения в покое удовлетворения и благополучия. И этот отказ «не есть показатель духовной высоты». «И, в конце концов, безбоязненное принятие моментов неизбежной жестокости приводит к тому, что многие страдания избегаются. Ведь нужна бывает операция, чтобы избавиться от смертельной болезни, чтобы предотвратить еще более ужасные страдания. Эта жестокость и болезненность операций должна быть морально оправдана и в жизни исторической» [5, с. 188]. Следует учитывать и эволюцию отношения философа к насилию. По мнению А.П. Желобова, Бердяев часто не равен самому себе [11].

Но индивидуальную жестокость, призыв к террору, мести Н.А. Бердяев абсолютно не приемлет. Именно поэтому реакция философа на книгу И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» была крайне негативной. Свое отношение к ней он высказал в статье «Кошмар злого добра»: «И. Ильин верит в принудительное и насильственное спасение и освобождение человека... Все реакционеры и революционные инквизиторы, начиная с Торквемады и до Робеспьера и Дзержинского, почитали себя носителями абсолютного добра, а нередко и любви. Они убивали всегда во имя добра и любви» [3, с. 385]. Можно увидеть, что здесь Бердяев противоречит себе прежнему. Это скорее всего связано с тем, что статья – отзыв на работу Ильина была написана в 1926 году, т. е. после того, как Бердяев пережил весь ужас Гражданской войны и красного террора.

Бердяев упрекает Ильина в любви не к самому человеку, а лишь к совершенству, к добру в человеке, отрицая самого живого человека. Он считает, что именно поэтому Ильину легко признать какое угодно истязание живого человека проявлением любви, «поэтому во имя осуществ-

ления добра он [Ильин] признает допустимыми средства, совершающие насилие над человеком и истребляющие его» [Там же. С. 387].

Книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» после выхода в свет стала предметом острой полемики, продолжавшейся несколько лет. В ней принял участие почти весь цвет философской мысли русского зарубежья тех лет: Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, Н.О. Лосский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, иерарх Русской зарубежной православной церкви митрополит Антоний (А.П. Храповицкий), а также писатели И.С. Шмелев, А.М. Ремизов, З.Н. Гиппиус и др. В России на книгу откликнулись резко критическими отзывами М. Горький и М. Кольцов.

В.В. Зеньковский и Ф.А. Степун также выступили с критическими замечаниями в адрес И.А. Ильина. В своих замечаниях, по духу очень близких высказываниям Н.А. Бердяева, Зеньковский также сравнивает оправдание неправедных поступков Ильина с оправданием средневековой инквизиции [13]. Поддержку И.А. Ильину оказали П.Б. Струве и Н.О. Лосский, который посвятил ему теплые слова в знаменитом труде «История русской философии» [18]. Комментируя книгу Ильина, Лосский писал: «Кто принадлежит к составу подлинно христолюбивого воинства, тот, даже и совершив великие подвиги на войне, без сомнения, чувствует потребность в покаянии: совесть должна упрекать его не в том, что он прибегнул к физическому пресечению зла, а в том, что он и сам отчасти виноват в существовании того зла, которое приходится преодолевать грубыми средствами» [Там же. С. 263–264].

З.Н. Гиппиус назвала Ильина «бывшим философом», а книгу его – «военно-полевым богословием». Она утверждала, что «насилие есть насилие, убийство – убийство, и доказать, что с христианской точки зрения оно „не грех“, а какая-то „негреховная неправедность“, нельзя, как ни старайся» [8].

Сам И.А. Ильин писал, что книга его «О сопротивлении злу силой» посвящена людям праведным и добрым, у которых вопрос о сопротивлении насилием вызывает в душе большое смятение. «Я считаю, – отмечал он, – что вопрос о сопротивлении злу силой теряет всякий интерес, если его ставить от лица преступных и злонамеренных людей: проблема нравственной и религиозной правоты не ве-

сит в душе злодея, он сам уже разрешил себе всё. Вопрос надо ставить от лица человека, искренно желающего добра, то есть от лица благородного, сознающего свою собственную грешность и, тем не менее, идущего на борьбу с насилием» [14, с. 342].

Представляется, что напряженность полемике вокруг книги Ильина была связана не только с конкретным историческим периодом, «одной из кровавых эпох всемирной истории», по словам Бердяева. Книга «О сопротивлении злу силой» вызвала столько негативной критики более именно потому, что Ильин в своих докладах призывал к восстановлению Белого движения и, по сути дела, призывал ответить силой на террор [3]. Как в начале XX, так и в начале XXI века вопрос о насилии и жестокости остается животрепещущей и во многом еще более острой проблемой, решение которой уже прямо связано с самим существованием человека и человеческого общества.

Происхождение добра и зла носит не внешний характер по отношению к человеку, это не силы вне его, человек является потенциальным носителем обеих этих категорий. Истоком же всего происходящего в нашем мире, всех социальных, финансовых, научно-технических проблем является духовное состояние души человека. Очень важно отметить, что нравственно человек может быть безупречен, т. е. его отношение ко всему вокруг может быть предельно нравственно и безупречно, а духовное состояние, которое всегда первично по отношению к нравственному, может быть глубоко порочным, греховным. Соответственно именно духовный мир человека является источником добра либо зла. Антоний Великий очень точно и просто сформулировал этот закон: «Бог благ и только благое творит, вредить же никому не вредит.. а мы, когда бываем добры, то вступаем в общение с Богом — по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отделяемся от Бога — по несходству с Ним. Живя добродетельно, мы

бываем Божиими, а делаясь злыми, становимся отверженными от Него; а сие не то значит, чтобы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют» [1].

Таким образом, можно выделить следующие точки зрения: под добром, по мнению В.С. Соловьёва, следует понимать совокупность таких свойств человеческой личности, как стыд, жалость (сострадание) и благоговение, ими исчерпываются все нравственные отношения человека к тому, что ниже его, равно ему и выше его. Для С.Н. Булгакова добро — это состояние души, находящейся в гармонии с Творцом, существует только добро, а зло — это лишь темная основа мира, находящаяся вне этой гармонии. И.А. Ильин называет душевно-духовный мир местом нахождения добра и зла, что в общем-то созвучно с мнением Ф.М. Достоевского, считавшего, что только человек является источником зла, что именно в сердце человека осуществляется борьба двух противоположных начал — добра и зла, а путь к добру лежит через страдание, под которыми писатель в первую очередь имел в виду укоры совести. По мнению Н.А. Бердяева, также именно человек ответственен за существующее зло, свобода является началом всего, а зло связано с желанием обладать чужой свободой, т. е. с властью. Для Н.О. Лосского добро первично и самостоятельно, областью бытия добра является Царство Божие, а зло вторично, и основным злом является нравственное зло, всё остальное зло — это его следствие.

Мы рассмотрели отношение русских православных философов к вопросам добра и зла, что считаем крайне важным, учитывая историческую и культурную среду нашей страны. В дальнейшем было бы целесообразным рассмотреть данную проблему в контексте иной религиозной и культурной среды для получения более полной информации по интересующему нас вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоний Великий, преп. Послания Антония Великого. Единец: Изд-во Единецко-Бричанской епархии, 2002. 64 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

3. Бердяев Н.А. Кошмар злого добра // Ильин И.А. Собр. соч. В 10 т. Т. 5. М.: Рус. кн., 1995. 608 с. С. 378–392.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 83 с.

5. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1990. 446 с.
6. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
7. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
8. Гишпиус З.Н. Предостережение // Соч. В 10 т. Т. 5. М.: Рус. кн., 1995. 608 с. С. 373–378.
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя, 1877 январь-август // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. Л., 1983.
10. Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов: эссе. М.: Изд-во Союза фотохудожников России, 1996. 624 с.
11. Желобов А.П. К вопросу о гуманизме Бердяева // Проблемы философии, социологии и культурологии. Ученые записки. СПб.: Изд-во ЛГОУ, 2000. С. 31–47.
12. Желобов А.П. Этика и гуманизм. Опыт гуманистической экспертизы русской этической мысли. СПб.: Изд-во ЛГОУ, 1998. 126 с.
13. Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И.А. Соч. В 10 т. Т. 5. М.: Рус. кн., 1995. 608 с. С. 423–446.
14. Ильин И.А. Кошмар Н.А. Бердяева // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. 573 с.
15. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 432 с.
16. Лейбниц Г.В. Теодицея // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 400 с.
17. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
18. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.
19. Лосский Н.О. Условие абсолютного добра: основы этики. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
20. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
21. Михайловский Н.К. Жестокий талант // Отеч. записки. 1882. № 9–10.
22. Москалькова Т.Н. Противодействие злу в русской религиозной философии. М.: Проспект, 1999. 128 с.
23. Сабиров В.Ш. Два лика зла. (Размышления русских мыслителей о добре и зле). М.: Знание, 1992. 64 с.
24. Скрипник А.П. Моральное зло. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
25. Соловьёв В.С. Несколько слов по поводу жестокости // Кувакин В.А. Философия В.С. Соловьёва. М.: Знание, 1989. 64 с.
26. Соловьёв В.С. Оправдание добра. М.: Изд-во Ин-та рус. цивилизации : Алгоритм, 2012. 656 с.
27. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма // Сабиров В.Ш. Два лика зла. М.: Знание, 1992. С. 60–63.
28. Чернова Г.Р. Психология и философия жестокости. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. 104 с.

ЧЕРНОВА Галина Рафаиловна – кандидат философских наук, доцент *Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I*.

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: galina.chernova@list.ru

БУЛЕНКОВА Мария Евгеньевна – старший преподаватель *Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I*.

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: maribu13@yandex.ru

G.R. Chernova, M.E. Bulenkova

REPRESENTATION OF RUSSIAN ORTHODOX PHILOSOPHERS ABOUT GOOD AND HARM

It has been very difficult to distinguish Good from Evil and to understand a stream of the information in connection with absence of accurate ideology and an accurate moral reference points in Russia during last decades. In given article sights at categories “Good” and “Evil” Russian orthodox philosophers are presented: N.O. Lossky, N.A. Berdjaeva, S.N. Bulgakov, I.A. Ilyin, F.M. Dostoevsky, etc. The good category is presented and as set of three human feelings – shame, pity, awe, and as active love to the Creator, carried out through a chastity prism, and as full, unconditional contrast to harm and incompatibility with it. Good practically is not considered as a certain moral category, and it is perceived by philosophers exclusively as a spiritual category. Evil is considered as a full absolute non-existence, as nothing, in contrast to which is created the whole world, and as specific moral changes in a person and in a society, and as absolutely dependent category, and as historical and vital necessity. The concept of evil of Russian philosophy appears as limiting generalisation of all negative in the world and the person, closely connected with a free will of people.

GOOD; EVIL; RUSSIAN PHILOSOPHERS; INNER WORLD OF PERSON.

REFERENCES

1. Antony Velikiy. *Poslaniya Antoniya Velikogo* [The epistle of st. Antony the great]. Yedinets: Yedinetsko-Brichanskaya yeparkhiya Publ., 2002. 64 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. *Eстетика словесного творчества* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
3. Berdyayev N.A. Koshmar zlogo dobra [Horror of the evil good]. *Ilin I.A. [Complete works]*. In 10 vol. Of vol. 5. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1995. 608 p. Pp. 378–392. (In Russ.)
4. Berdyayev N.A. *O naznachenii cheloveka* [About the mission of a person]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 283 p. (In Russ.)
5. Berdyayev N.A. *Samopoznaniye* [Self-knowledge]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 446 p. (In Russ.)
6. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of a free spirit]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 480 p. (In Russ.)
7. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya* [The unfading light: Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p. (In Russ.)
8. Gippius Z.N. Predosterezheniye [Causon]. [Works]. In 10 vol. Of vol. 5. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1995. 608 p. Pp. 373–378. (In Russ.)
9. Dostoyevskiy F.M. Dnevnik pisatelya [Complete works]. In 30 vol. Of vol. 25. Leningrad, 1983.
10. Yerofeyev V.V. *V labirinte proklyatykh voprosov* [In the labyrinth of accursed questions]. Moscow, Soyuz fotokhudozhnikov Rossii Publ., 1996. 624 p. (In Russ.)
11. Zhelobov A.P. [To the question of Berdyayev's humanism]. *Problemy filosofii, sotsiologii i kul'turologii. Uchenyye zapiski* [Philosophical, sociological and cultural problems. Scientific notes]. St. Petersburg, LGOU Publ., 2000. Pp. 31–47. (In Russ.)
12. Zhelobov A.P. *Etika i gumanizm. Opyt gumanisticheskoy ekspertizy russkoy eticheskoy mysli* [An experience of humanistic expertise of an aesthetic thought]. St. Petersburg, LGOU Publ., 1998. 126 p. (In Russ.)
13. Zenkovskiy V.V. Po povodu knigi I.A. Ilina “O soprotivlenii zlu siloy” [Regarding the Ilin's book ‘About resistance to evil by force’]. *Ilin I.A. [Complete works]*. In 10 vol. Of vol. 5. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1995. 608 p. Pp. 423–446. (In Russ.)
14. Ilin I.A. [N.A. Berdyayev's nightmare]. *N.A. Berdyayev: pro et contra*. B. 1. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1994. 573 p. (In Russ.)
15. Ilin I.A. *Put' k ochevidnosti* [The way to the evidence]. Moscow, Respublika Publ., 1993. 432 p. (In Russ.)
16. Leybnits G.V. Teoditseye [Theodicy]. [Works]. In 4 vol. Of vol. 4. Moscow, Mysl', 1989. 400 p. (In Russ.)
17. Losskiy N.O. *Bog i mirovoye zlo* [God and the evil of the Universe]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 432 p. (In Russ.)
18. Losskiy N.O. *Istoriya russkoy filosofii* [The history of russian philosophy]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1991. 480 p. (In Russ.)
19. Losskiy N.O. *Usloviye absolyutnogo dobra: osnovnyy etiki* [The absolute good condition: Ethics basis]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 368 p. (In Russ.)

20. Losskiy N.O. *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, intellectual and mystical intuition]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 400 p. (In Russ.)
21. Mikhaylovskiy N.K. [A cruel talent]. *Otechestvennyye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1882, no. 9–10. (In Russ.)
22. Moskal'kova T.N. *Protivodeystviye zlu v russkoy religioznoy filosofii* [The resistance to evil in Russian religious philosophy]. Moscow, Prospekt Publ., 1999. 128 p. (In Russ.)
23. Sabirov V.Sh. *Dva lika zla. (Razmyshleniya russkikh mysliteley o dobre i zle)* [To faces of the evil. (Russian philosophers about good and evil)]. Moscow, Znaniye Publ., 1992. 64 p. (In Russ.)
24. Skripnik A.P. *Moral'noye zlo* [Moral evil]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 351 p. (In Russ.)
25. Solovyev V.S. [Several words about cruelty]. *Kuvakin V.A. Filosofiya V.S. Solovyeva* [Kuvakin V. A. Philosophy of Solovyev V.S.]. Moscow, Znaniye Publ., 1989. 64 p. (In Russ.)
26. Solovyev V.S. *Opravdaniye dobra* [The excuse of the good]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm Publ., 2012. 656 p. (In Russ.)
27. Frank S.L. [Dostoyevskiy and crisis of humanism]. *Sabirov V.Sh. Dva lika zla* [Two faces of evil]. Moscow, Znaniye Publ., 1992. Pp. 60–63. (In Russ.)
28. Chernova G.R. *Psikhologiya i filosofiya zhestokosti*. St. Petersburg, LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2007. 104 p. (In Russ.)

CHERNOVA Galina R. — *Petersburg State Transport University.*

Moskovsky pr., 9, St. Petersburg, 190031, Russia

e-mail: galina.chernova@list.ru

BULENKOVA Mariya E. — *Petersburg State Transport University.*

Moskovsky pr., 9, St. Petersburg, 190031, Russia

e-mail: maribu13@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.14
УДК 316.27

А.В. Малинов

КРИТИЧЕСКОЕ ПОСТРОЕНИЕ В СОЦИОЛОГИИ (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского)*

Статья подготовлена на основе рукописи академика А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) «О социологии», отложившейся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 113). Рассмотрены взгляды Лаппо-Данилевского на неокантианское направление в социологии, в частности на концепцию «возрожденного естественного права» Р. Штаммлера. Оценивая в целом положительно социально-философское учение немецких неокантианцев, русский ученый критикует Штаммлера за непоследовательное проведение «формального принципа» в социологии, игнорирование проблемы «чужого я» и т. п. А.С. Лаппо-Данилевский считал, что в основе социального учения должно лежать не внешнее правило, а понятие взаимодействия. В статье приведены фрагменты его рукописи.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ; КРИТИЦИЗМ; НЕОКАНТИАНСТВО; ПРАВИЛО; ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ; Р. ШТАММЛЕР.

В исследовательской литературе и словарях взгляды Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) по большей части классифицируются как неокантианские. Вместе с С.И. Гессеном Лаппо-Данилевский входил в состав петербургской редакции неокантианского журнала «Логос», а его главный философский труд «Методология истории» наполнен неокантианской терминологией и ссылками на немецких неокантианцев, прежде всего на В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Известна критическая оценка позитивизма, высказанная Лаппо-Данилевским в большой статье «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», опубликованной в сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902). Неокантианство же не получило со стороны ученого столь подробной оценки. Отчасти этот недостаток компенсирует рукопись «О социологии», отложившаяся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [1]. Она содержит раздел «Критическое построение» [Там же. Л. 323]. Встречаются и другие заглавия этого раздела: «Немецкое социально-философское

направление» [Там же. Л. 314], «Гносеологическое построение», «Гносеологический принцип научного построения социальных отношений» [Там же. Л. 340], но практически нигде Лаппо-Данилевский не называет его неокантианским. В рукописи записи на эти темы [Там же. Л. 314–342] включают конспекты разных сочинений на немецком языке, библиографические выписки, краткое изложение взглядов немецких мыслителей и их критику. В критическом построении Лаппо-Данилевский различал два подхода: «субъективный метод» и «имматентный идеализм». В рукописи это различие только обозначено; подробно оно не рассматривается. К первому подходу ученый относил И. Канта, Р. Штаммлера, Г. Зиммеля (с пометкой «отчасти») и П. Наторпа, ко второму – А. Наввиля, В. Виндельбанда, А. Ксенополя и Э. Ласка (фамилия последнего была упомянута, правда, лишь в скобках). Из всех перечисленных авторов в рукописи Лаппо-Данилевский остановился только на Р. Штаммлере.

Современному историку философии имя Рудольфа Штаммлера (1856–1938) мало известно. В немецком неокантианстве рубежа XIX–XX вв. были и более крупные фигуры. Традиционно Р. Штаммлера относят к марбургской школе неокантианства, лидеры ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-03-00301).

торой (П. Наторп, Г. Коген, Э. Кассирер) оставили в историко-философской тени достижения своего коллеги. По-иному оценивали Штаммлера современники, в том числе и Лаппо-Данилевский. Для них Штаммлер был крупнейшим представителем школы «возрожденного естественного права», они ставили его работы в один ряд с «Критикой чистого разума» И. Канта. В строгом смысле Р. Штаммлер не был философом, он был профессором гражданского права в Галле. Обращение Штаммлера к теории естественного права, вероятно, импонировало и самому Лаппо-Данилевскому, поскольку в своих исследованиях он как раз прослеживал рецепцию естественно-правовых идей в России XVIII в. [2–4]. Естественное право позволяло преодолеть господствовавшую в юриспруденции позитивистскую доктрину, связывало правоведение с социально-философской проблематикой и возвращало право к его исходной идее, роднящей его с этикой, – идее справедливости.

Особенностью марбургской школы неокантианства было внимание к гносеологическим вопросам, в частности к процессу формирования понятий, при помощи которых человек познает мир. Это имеет отношение и к познанию социальной реальности. «Приверженцы теоретико-познавательной точки зрения, – писал Лаппо-Данилевского, – стремятся опознать „общезначимые условия“ социологического познания и основной принцип единства социологических понятий» [1, л. 325]. К анализу гносеологического направления в рукописи «О социологии» ученый обратился сразу после критического разбора учения «русской социологической школы» или субъективного, или этико-психологического направления. В качестве недостатков «русской социологической школы» он указывал смешение познавательного принципа с этическим отношением, психологического построения с нормативным, субъективного метода с изучением чужой оценки. Лаппо-Данилевский полагал, что концепция Штаммлера лишена этих недостатков:

«1) он строго отличает *познавательную точку зрения* от V_2 – см. его определение понятия о соц[иальной] жизни и в регулятивном понимании Е;

2) он в построении понятия о *нравственном* начале не упускает из вида момент *дол-*

женствования – ср. его теорию процесса» [Там же. Л. 314].

К сожалению, не все символы и сокращения в рукописи Лаппо-Данилевского поддаются однозначной расшифровке. Так, М обозначает среду, Σ – консенсус, Е – эволюцию, +Е – прогресс, W – взаимодействие (иногда – отношение), WW – множественность взаимодействий, т. е. взаимодействия, S – правило (в некоторых случаях – социальную среду).

При изложении учения Штаммлера Лаппо-Данилевский опирался на его книгу «Бизнес и право» (*Wirtschaft und Recht*. Leipz, 1896), приводя цитаты и выписки (со с. 83–125). Нумерация, которую приводит Лаппо-Данилевский, не всегда выдержана, что объясняется черновым характером рукописи, не предназначавшейся для печати. В круглых скобках указываются соответствующие страницы книги Штаммлера. По словам Лаппо-Данилевского, Штаммлер «сознательно стоит на *формальной* точке зрения критической философии и разыскивает *конститутивный* принцип для определ[ения] соц[иальной] жизни, *всякого* соц[иального] союза (103, 104, 647). В этом смысле такое определение должно обладать лишь формальными особенностями (88) и должно быть лишено меняющегося исторического содержания (87), в нем должны быть указаны не *причины*, а признаки (формальные) изучаемого явления, тем паче не должно быть дано оценки его содержания, как лицами его осуществляющими (105), так и о нем судящими (110–111).

Определяется *понятие социальной жизни* (83) или общества (?83).

1) „Конститутивным моментом социальной жизни надо считать только подчинение сожителства людей внешним правилам“ (104). Каждый подчиненный правилам (*Regelunterworfenen*) может следовать им ввиду *эгоистических или альтруистических* интересов – это всё равно.

Указанное определение относится к *людям* (а не животным); это понятие составляет существенную его часть (100). *Правило* способны соблюдать только люди. Правило предполагает *сожителство* людей, ему подчиняющихся.

2) Под *Regel* надо понимать какое бы то ни было правило, соблюдение которого необходимо для установления взаимодействия. <...> Поэтому уже язык требует таких правил „услов-

ного” (а не правового) характера <...> к числу „правил” относятся и обычаи, нравы, и этикет, и право в узком смысле вообще всякой нормы (91)» [1, л. 315–317].

Формально-критическое направление должно было бы стремиться вывести принцип социальности из внутренней, трансцендентальной природы субъекта. Штаммлер же говорит о внешнем правиле. В этом случае, например, любое принуждение будет считаться формой социальной жизни (что сближает точку зрения Штаммлера с учением Э. Дюркгейма), и тогда центральной становится проблема власти (господство и подчинение). Это позволило Лаппо-Данилевскому заключить, что формальная (кантовская) точка зрения в построениях Штаммлера не выдержана. Штаммлер считал основополагающим признаком социальности следование правилу. Лаппо-Данилевский же отмечал, что из определения социальной жизни, которое дает Штаммлер, выпадают такие явления, как сознание рода, симпатия, подражание, гипноз, внушение, «как не совершающиеся по (unter) правилам, установленным людьми» [Там же. Л. 319]. Лаппо-Данилевский видит в учении немецкого правоведа пережитки лейбницианства, преодолением которого могло бы служить признание чужой душевной жизни. Во внимании к проблеме чужой одушевленности русский ученый, в частности, видел преимущество подхода Г. Зиммеля. К формам социальной жизни, что упускает из виду Штаммлер, относятся также нарушения правил, отклонения от них. Для социологии не безэвристичными могут оказаться сравнения человеческого общества с организациями жизни у животных, которые определение Штаммлера априорно отбрасывает.

В рукописи критика Лаппо-Данилевского выглядит следующим образом: «1) *Гносеологический характер* не выдержан:

а) *Почему конститутивным* признаком должно служить *не W*, а правило? Ведь и *W* и правило – категории одной *Relativität*¹ и понятие об отношении в сущности ведь логически даже предшествует понятию модальности.

б) Признания *чужого одушевления* как условия существования отличного от предустановленной гармонии у Ш[таммлера] нет.

с) Психологический характер определения обнаруживается в употреблении терминов <...> <...>

Сам Ш[таммлер] не признает *социальных явлений в групповой жизни животных* – 95, 97, 116–117; но даже с точки зрения его определения можно говорить о социальной жизни у животных <...> Между тем при отрицании подобного рода фактов *переходной ступени* между животными и людьми нет (116) <...>

с) Социальной „материей” надо считать не только хозяйство, но и дух; и то и другое подчиняется правилам.

д) Ш[таммлер] определяет не столько *социальное явление*, сколько социальную *жизнь*, не различая одно от другого.

Между тем соц[иальное] явление не предполагает непременно предсуществования общества, а социальная жизнь предполагает.

е) *Von Menschen <...> Regel* – предполагают (в действительности) самое *созидание* их; последний процесс (состоящий из социальных взаимодействий) – значит не будет социальным?

Сверх того, лишь путем *нарушения старых правил* иногда возможно созидание новых. В таких случаях мы будем иметь действие *вопреки* правилам (пока, до создания новых, единственным существующим) – а не соответственно им (unter Regel²).

ф) Как Дюркгейм, так и Штаммлер придают *исключительное* значение только $W(S, A)$, где S = чужим представлениям и проч. (Дюркгейм) или S = внешнему правилу, происходящему от людей (что предполагает предсуществование группы их).

$W(S, A)$ ведет к тому, что $J = f(S)$, что возможно, однако (да и то с ограничениями), лишь при $E_n(S)$, где $n > 1$. Если $J = f(S)$ придавать исключительное значение, то придется отрицать возможность $S = f(J)$ (т. е. случаи влияния героя или гения на толпу и проч.).

Даже предполагая, что последнего рода отношения имели больше значения в прошлом, чем получают в будущем человечества, их нужно иметь в виду при *общем* определении социального явления.

Самое возникновение новых правил путем *нарушения* старых часто подходит под формулу

¹ *Relativität (нем.)* – относительность, соотнесенность.

² *Unter Regel (нем.)* – в соответствии с правилом.

$S = f(J)$; хотя она годится и для других случаев» [1, л. 318–321].

К критике определения социального явления, предложенного Штаммлером, можно отнести еще один фрагмент рукописи Лаппо-Данилевского, в котором он предварительно отмечает регулятивное значение принципов среды при социальном консенсусе и эволюции. На примере с шахматистами Лаппо-Данилевский показывает, что следование двумя индивидами в своих поступках одному и тому же правилу или правилам еще не означает взаимодействия между ними.

«2) *Узость определения*

а) *Условия соц[иального] явления.*

а) Психофизические – напр[имер], для образования языка.

б) Результаты простейших WW сами становятся в виде, напр[имер], „социальных правил” условиями WW.

Вообразим, что А решает задачу шахматной игры; В решает также (положим) ту же задачу.

А и В действуют *каждый порознь* и тем не менее подчиняются *одному и тому же* правилу.

Ясно, что можно говорить о $W(S, A)$ и $W(S, B)$, поскольку А и В могут зависеть в своих действиях от правил игры, установленных, признанных данным обществом.

И тем не менее, очевидно, такого условия (т. е. подчинения А и В тому же правилу) еще не достаточно, чтобы говорить о $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

Отсюда общее заключение: к данным WW: $W_1(S, A)$ и $W_1(S, B)$ нельзя еще заключать о наличии $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

Для того чтобы между А и В возникло отношение, им, конечно, нужно соблюсти *условие*: следовать правилам игры, но отношение между ними будет лишь тогда, когда А действительно будет сражаться с В» [Там же. Л. 327].

Следующие возражения Лаппо-Данилевского связаны уже с учением о социальном прогрессе, разработанном немецкими неокантианцами. Здесь помимо Штаммлера Лаппо-Данилевский упоминал еще П. Наторпа. Социальная эволюция, считал русский ученый, понимается немецкими неокантианцами как телеологический процесс, т. е. социальное развитие происходит на основе целеполагания, а все социальные действия движутся целевыми причинами, что исключает иной вариант

социальных детерминаций (каузальный). Это приводит к не всегда оправданной этизации социального развития и фактической замене представления об эволюции теорией прогресса или регресса. В изложении Лаппо-Данилевского это учение и его критика принимают следующий вид:

«А) *Регулятивное* значение понятия о +Е.

В) *Самое понятие* о +Е строится (примерно-прав[ильно]) след[ующим] образом:

1) *Специфическая* особенность человечности – *целеполагание*.

2) Специфический характер целеполагания – *свобода*.

3) Специфический характер свободы – *нравственная воля*, полагающая *абсолютно нравственные цели*.

4) Значение +Е надо строить по +Е_n и его „законы” будут не законами в естественнонаучном смысле слова, в *телеологическом* смысле.

В таком построении понятие о *причинно-следств[енной]* связи между явлениями упускается из виду, а понятие об *эволюции* S переходит в понятие о *прогрессе или регрессе*, включающем отнесение цели Е к абсолютной (*этической*) ценности, и не дает еще *объективного* критерия развития в научно-социальном смысле» [Там же. Л. 322].

Итог своим критическим рассуждениям Лаппо-Данилевский подвел в разделе «Заключение», отчасти повторяя ранее высказанные замечания:

«*Вышеприведенные* определения соц[иальных] явлений – не общие, а сделаны с одной какой-нибудь точки зрения.

1. *Условия* W:

а) гносеологическое: признание чужого одушевления (Гиддингс),

б) феноменологическое и частное: внешние правила (Штаммлер).

2. WW = социальное явление.

3. Разновидности WW:

(инстинктивные и волевые) – не останавливались. А) *Волевая* (ассоциация – Гиддингса),

Антитетические: встреча враждебных изобретений; встреча противоположных изобретений.

Синтетические: симпатии

Подражания

Соответствие

В) *Нормирование*

Приказаний и повиновений (Tarde).

Принудительные (Contracté extérieure³ – Дюркгейм).

Регулированные (äußerlich Regel⁴ – Stammler⁵).

Общим всем перечисленным видам всё же остается *W* двух или нескольких индивидуумов.

Определение Р. Штамллера вызывает след[ующие] недоумения:

1) В нем явно смешаны правила, *обуславливающие* взаимодействие живых индивидуумов с „внешними” правилами социальной жизни. Правила психофизического свойства *предшествуют* взаимодействию, внешние правила социальной жизни *следуют* за ним, им обусловлены. Напр[имер], совершенно не мыслимо образование языка.

Из данных WW $W_i(S, A)$ и $W_i(S, B)$ нельзя еще вывести прямо $W(A, B)$ или $W(B, A)$.

2) Оно недостаточно специализировано. Если разумеет под *Zusammenleben* одно сосуществование, а под *Regel* – *всякое* правило, то, очевидно, всякая совокупность объектов будет подходить под такое определение. Надо поэтому определить, что такое *Zusammenleben von Menschen*⁵, и установить *определенное* правило, при котором возможно *всякого* рода сожительство людей. Очевидно, что в основе „внешней согласованности” лежит *признание чужого одушевления* (в данном случае всё равно, будем ли мы считать это признание конститутивным или регулятивным принципом обществоведения). Штаммлер *ни слова* не говорит о нем ни в рассуждении, приводящем к определению соц[иальной] жизни, ни в этом последнем. А между тем коренное различие между предустановленной гармонией единичных существований (теория эта справедливо не заслуживает признания со стороны автора) и „внешней согласованностью” состоит в том, что в основе последней лежит это признание чужого одушевления.

<...>

3) Понятие внешнего соподчинения (äußerlich Regel) не достаточно для выведения

взаимодействия между соподчиненными элементами. Между двумя солдатами в строю нет взаимодействия, а есть оно между *каждым* из них или всею *суммою* их и начальником. Но в тех случаях, когда начальник не индивидуум или группа таковых, а правило, тогда, очевидно, и взаимодействия нет, а нет его, то нет и общества воинов, ибо все они оказываются просто *суммою* (агрегатом?) единиц, что сам Штаммлер считает очевидно недостаточным для определения понятий об обществе (см. выше).

Некоторые группы соц[иальных] явлений в определении самого Штамллера не подходят под общую формулу. „Konventionelregeln”⁶, напр[имер], (обычай, моды, этикет и т. п.) в противоположность Rechtsregel⁷ – определяется как норма, обладающая внутреннею, а не внешнею принудительностью. Если бы Штаммлер приписывал Konventionelregeln – *и* без взаимодействия индивидуумов, порождающих такое явление в своей среде.

Т[аким] о[бразом], понятие взаимодействия является не только необходимым, но и достаточным формальным признаком соц[иального] явления. Правда, что здесь всегда следует результат взаимодействия *живых индивидуумов*; но и в определении Штамллера речь идет о *Zusammenleben von Menschen*, причем последний термин (Menschen), очевидно, гораздо уже, чем нами употребляемый. Сам Штаммлер не дает вполне точного определения именно потому, что это вводит в него понятие взаимодействия, то вычеркивает.

Логическим <неразб.> по отношению к взаимодействию действительно будут правила (или условия), но психофизического (индивидуального) свойства.

4) Штаммлер противопоставляет изолированность зависимости от внешних правил. Но понятием, противоположным изолированности, надо считать просто жительство в обществе, а не зависимость от внешних правил; последнее понятие лишь *часть* понятия о жителях в обществе.

5) Наконец, Штаммлер смешивает *конкретный* объект обществоведения с отношениями, в нем обнаруживающимися и могущими иметь более общее значение, чем этот объект.

³ Contracté extérieure (фр.) – открытый контракт.

⁴ Äußerlich Regel (нем.) – внешнее правило.

⁵ Zusammenleben von Menschen (нем.) – сосуществование людей.

⁶ Konventionelregeln (нем.) – условные правила.

⁷ Rechtsregel (нем.) – норма права.

Отсюда а) отрицание соц[иальных] явлений в мире животных (ss. 97–98), б) отсутствие каких бы то ни было посредствующих ступеней между изолированностью и соц[иальной] жизнью (s. 116).

Нравственность не Regel» [1, л. 328–332].

Критика критического направления, принятая Лаппо-Данилевским, яснее показывает его собственные теоретические предпочтения, указания на которые содержатся в используемой терминологии, замечаниях и дополнениях. Так, он, во-первых, отсылает к психологическому истолкованию социальных явлений Г. Тарда, употребляет его термины (в частности, «изобретение»), а концепцию Штаммлера рассматривает после разбора учения Н.К. Михайловского. Во-вторых, Лаппо-Данилевский несколько раз отсылает к проблеме «чужого я», которой он придает большое значение в своей «Методологии истории». Причем, в его интерпретации, к проблеме чужой душевной жизни относится и учение о «сознании рода» Ф.Г. Гиддингса. В-третьих, формальная точка зрения Штаммлера исключает использование сравнительного метода, что, в свою очередь, влечет игнорирование учения о социальной жизни животных как посредника между природой и изучением человеческого общества. И, наконец, в-четвертых, исходным понятием при анализе социальных явлений он считает взаимодействие, а не внешнее правило. Последнее замечание Лаппо-Данилевского ближайшим образом получит развитие в концепции социального действия П.А. Сорокина.

К сожалению, все эти замечания не нашли продолжения и завершения в философско-исторической или социологической теории Лаппо-Данилевского, не приобрели форму непротиворечивого социального учения. Однако они хорошо демонстрируют, насколько избирательно и критически подходил русский ученый к существующим концепциям. Использование неокантианской терминологии еще не позволяет его самого считать в строгом смысле неокантианцем (последователем баденской или марбургской школы), а тем более бездумным эпигоном или даже популяризатором этого направления. В последней редакции «Методоло-

гии истории» он признавался, что, например, употребляет известные термины В. Виндельбанда «номотетический» и «идиографический» в «несколько ином смысле», но не «придумывает новые словообразования» и не обращается к другой терминологии, еще менее удачной [5, с. 22, прим.]. Использование неокантианской терминологии, по крайней мере отчасти, — дань научной традиции, стремление к историографической полноте изложения. В том же издании «Методологии истории» Штаммлер, например, упоминается лишь дважды, да и то в примечаниях. Правда, и этот факт не стоит абсолютизировать, поскольку завершить работу над книгой Лаппо-Данилевский не успел. Расхождение ученого с неокантианской методологией истории Е.А. Ростовцев считает принципиальным, отмечая, «что система А.С. Лаппо-Данилевского неразрывно связана с „классической методологией истории” Ш. Ланглюа и Ш. Сеньобоса, ее переосмыслением в контексте неокантианских идей. Однако положения Г. Риккерта о разграничении наук о духе и наук естественных, равно как и знаменитый тезис Г. Зиммеля о невозможности познания историком чужого сознания, т. е. основные элементы, которые внесла баденская школа в западную историко-теоретическую мысль и которые стали важнейшими основаниями крупнейших теоретико-исторических спекуляций минувшего столетия, оказались в системе А.С. Лаппо-Данилевского периферийными. Действительно, А.С. Лаппо-Данилевский пошел по пути выстраивания на основании риккертской модели истории системы „строгой науки”, т. е. по пути принципиально отличному от западной исторической мысли. В этом смысле интеллектуальные усилия А.С. Лаппо-Данилевского шли вразрез с общим ходом историко-теоретической мысли на Западе» [6, с. 298]. Однако обращение к неокантианской теории и методологии позволяло Лаппо-Данилевскому лучше отрефлексировать положения собственной «теории обществоведения», сформулировать более полное и непротиворечивое понятие о социальном явлении. Всё это осталось в виде планов и набросков, сохранившихся лишь в рукописях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331.
2. Погодин С.Н. История России в трудах А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 2. С. 8–12.
3. Погодин С.Н. История России в трудах А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) // Клио. 1999. № 3. С. 44–50.
4. Погодин С.Н. Творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 149–160.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. 278 с.
6. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: Изд-во НИИР, 2004. 349 с.

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

A. V. Malinov

THE CRITICAL CONSTRUCTION IN SOCIOLOGY (From the lectures of academician A.S. Lappo-Danilevsky)

This article was prepared on the basis of the manuscript of academician Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky (1863–1919) “On sociology”, deposited in the fund of the scientist in the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences archive (Fond 113). The ideas of A. Lappo-Danilevsky in the neo-Kantian trend in sociology, in particular, the concept of “revival of natural law” of R. Stammler. While appreciating the social and philosophical doctrine of German neo-Kantian A.S. Lappo-Danilevsky criticized R. Stammler for not a complete carrying out “formal principle” in sociology, ignoring the problem of the “other self”, etc. A.S. Lappo-Danilevsky believed that social science should not be based on an external rule, and on the concept of interaction. The article presents the fragments of the manuscript A.S. Lappo-Danilevsky.

A.S. LAPPO-DANILEVSKY; CRITICISM; NEO-KANTIAN; INTERACTION; R. STAMMLER.

REFERENCES

1. St. Peterburgskiy filial Arkhiva RAN [St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive]. F. 113. Op. 1. Yed. khr. 331.
2. Pogodin S.N. [History of Russia in the works of A. Lappo-Danilevsky (1863–1919)]. *Klio*, 1999, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.)
3. Pogodin S.N. [History of Russia in the works of A. Lappo-Danilevsky (1863–1919)]. *Klio*, 1999, no. 3, pp. 44–50. (In Russ.)
4. Pogodin S.N. [The artistic heritage of A.S. Lappo-Danilevsky]. *Voprosy istorii*, 2002, no. 5, pp. 149–160. (In Russ.)

5. Lappo-Danilevskiy A.S. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. Petrograd, 1923. 278 p. (In Russ.)

6. Rostovtsev Ye.A. *A.S. Lappo-Danilevskiy i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [A.S. Lappo-Danilevsky and St. Petersburg historical school]. Ryazan, NIIR Publ., 2004. 349 p. (In Russ.)

MALINOV Aleksey V. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016

DOI 10.5862/JHSS.244.15
УДК 111.5:316.776

Д.С. Быльева

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ КАК НОВЫЙ ТИП ПРОСТРАНСТВА

В современном обществе всё большую роль играет глобальная сеть Интернет. В статье представлена попытка осмысления коммуникативной сети Интернет как нового типа пространства. Показано положение этого пространства в онтологической иерархии. По своей природе пространство сети имеет общее с физическим пространством (прежде всего как независимо существующее и географическое) и представляет собой промежуточное звено между пространством как интеллектуальным построением и единым мировым материальным пространством. Автором проведен анализ принципа строения сети как пространства существования индивидов. Создателями пространства выступают индивиды, вступающие в коммуникативную деятельность. Выделены различные формы существования сетевого пространства с точки зрения «форм собственности» и управления.

ИНТЕРНЕТ; ЗНАК; КОММУНИКАЦИЯ; ПРОСТРАНСТВО; РЕАЛЬНОСТЬ; ЧЕЛОВЕК.

Активное развитие информационных технологий породило новый феномен, захватывающий жизни трети людей земного шара. Информационная революция, происходящая в современном мире, сопровождается проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности человека, что обуславливает глобальные социальные и политические трансформации [8, с. 34]. Коммуникации вышли на новый уровень, когда географическое положение индивидов в материальном географическом пространстве, их физическая разделенность не имеют значения, важно одно: находятся они в коммуникативном сетевом пространстве или нет. Техническая определенность интернет-технологий никак не способствует пониманию феномена сети как социальной сферы. Значимость виртуальной сферы человеческой деятельности, неоднозначность представлений о виртуальном, отсутствие четко определенных дефиниций и неопределенность свойств делают попытки осмысления этого явления чрезвычайно важными и своевременными.

Сложно организованная коммуникативная активность в сети позволяет говорить о возникновении нового типа реальности. Речь идет не просто о «виртуальной реальности» как компьютерном трехмерном симулякре, а о самом феномене сети как области, где происхо-

дит свободная социально-коммуникативная деятельность людей, неподвластная никакой ограниченной группе лиц. Несмотря на то что понятие «коммуникативное пространство Интернета» является в научной литературе общим местом, требуется уточнение его онтологического статуса.

Для прояснения онтологического статуса всемирной сети необходимо как минимум ответить на два вопроса: «Почему мы выделяем Интернет как особое пространство, имеющее сходство с единым мировым и отличное от прочих?» и «Не является ли пространство сети в этом случае просто частью единого материального пространства?»

Для того чтобы ответить на первый вопрос, рассмотрим, каким образом понятие «пространство» используется в современной научной литературе. Несмотря на применимость в неклассической онтологии понятия реальности к различным уровням бытия, единое мировое материальное пространство до последнего времени представлялось уникальным феноменом, имеющим объективную реальность вне духа человека. Другие пространства являются умозрительными, т. е., по определению В.В. Афанасьевой, «созданными интеллектуальной деятельностью человека для визуализации нематериальных или невидимых в

реальности сущностей, мысленного овеществления невещественного» [2]. В качестве такого умозрительного построения может выступать, например, социальное, экономическое, политическое, культурное, коммуникативное, психологическое, художественное, семантическое пространство и др.

Обратимся к понятию «коммуникативное пространство». Многие исследователи указывают на его недостаточную проработанность. Сегодня использование этого понятия носит оттенок метафоричности, оно принимается как само собой разумеющееся, без теоретической обоснованности. Как отмечает Э.Б. Миннуллина, понятие коммуникативного пространства используется интуитивно, границы его размыты [6, с. 12].

Ряд исследователей закономерно определяют коммуникативное пространство как подвид социального [3, с. 130; 7, с. 9]. Само же социальное пространство выступает как важнейшее из множества возможных пространств, создаваемых intersubъективной и субъективной интеллектуальной деятельностью и наделяемых общими смыслами [2]. Таким образом, и коммуникативное пространство представляется особой нефизической и негеографической средой, в которой актуализируется социально-коммуникативная реальность.

Для традиционной коммуникации важнейшими являются направленность сообщений, их восприятие, количество и взаимозависимость коммуникантов и т. д. И именно эти факторы выходят на первый план при представлении коммуникативного пространства. Иными словами, мы имеем дело с моделью, отражающей взаимосвязи коммуникантов. Так, А.В. Родин именно с этой точки зрения характеризует коммуникативное пространство как «систему многообразных социальных связей, возникающих между различными акторами в социуме, находящуюся под влиянием культурных, экономических, политических технологических и других факторов» [7, с. 9].

Н.И. Мартишина определяет коммуникационное пространство как «совокупность конфигуративных условий взаимодействия социальных объектов, с выделением специфического слоя связей между чисто коммуникативными объектами» [5, с. 117], используя неклассическое определение пространства как

формы связи объектов, зависящей от природы последних.

Таким образом, коммуникативное пространство наряду с другими в общем случае является умозрительной конструкцией, научной эпистемой, позволяющей оптимальным образом упорядочить объекты исследования. Однако пространство сети Интернет обладает особыми свойствами, демонстрирующими его специфический статус, выделяющий его из общего поля «коммуникативного пространства» как умозрительной сущности. В.В. Афанасьева предлагает различать виртуальные пространства по их «плотности» [1], т. е. по степени приближенности к материальному. По нашему мнению, в данной классификации сетевое коммуникативное пространство оказывается плотным и занимает место рядом с «нижним» реальным физическим пространством, что кажется на первый взгляд неочевидным, так как разнообразные пространства, существующие в художественной реальности, гораздо в большей степени «похожи» на материальное. Тем не менее именно коммуникативное пространство Интернета не умозрительно, существует независимо от отдельного индивида или группы лиц и является сферой активной независимой деятельности огромного числа индивидов. Сеть Интернет – это порождение человека, но в то же время обладает свойством *специфического объективного существования*. Пространство сети не относится ни к материальной сфере, ни к субъективной реальности, однако является носителем свойств обеих.

Свойством, отличающим пространство сети от умозрительных пространств и сближающим его с материальным мировым, является *географичность*, позволяющая различным индивидам перемещаться, встречаться и находиться в нем или вне него.

Современные гаджеты позволяют индивиду находиться в виртуальном пространстве постоянно, в какой бы точке земного шара он ни был. Таким образом, отсутствие или присутствие индивидов в пространстве сети зависит только от их желания, что, с одной стороны, отличает данное пространство от единого мирового, а с другой – утверждает его бытийность. Кроме того, необходимо отметить, что географичность сети является собственной и независимой от пространственного положения в материаль-

ном мире. Представляется возможным говорить о пространственно-временной атрибуции сетевой коммуникации. Интернет-технологии создали возможность асинхронной коммуникации со множеством активных коммуникаторов. Появилось определенное «место», где происходит коммуникация. Будь то сайт, форум, конференция, блог или персональная страница в социальной сети – все они имеют определенный «адрес», являющийся по сути цифровым способом доступа к ресурсам, и само его название говорит об определенности в некоем пространстве. Однако в отличие от материального пространства перемещение возможно только по «указателям», свободное и случайное перемещение исключено. Движение осуществляется по вербальным запросам, по заинтересовавшим «указателям», а также «вперед-назад». Для облегчения коммуникации есть «подписки» и другие способы «слежения», позволяющие легко найти понравившегося коммуниканта или место полилога. Возможен поиск самых посещаемых мест определенной коммуникативной площадки (например, блога). Таким образом, существует определенная топология сети, позволяющая индивиду «перемещаться» по информационному конгломерату.

Для того чтобы продолжить аналогию с физическим пространством, необходимо понять принцип строения Интернета как пространства существования индивидов. Для пространства сети можно выделить собственную, альтернативную единицу – *знак* (прежде всего слово, но также символ, изображение, звук или их сочетание). Коммуниканты же выступают в роли создателей пространства Интернета, его демидургов, свободных в своем самовыражении, однако ограниченных по форме в рамках условий, созданных разработчиками данной коммуникативной площадки, поддерживаемой с помощью соответствующих сервисов.

Появляется индивид в интернет-пространстве изначально анонимным и безликим. Чтобы вступить в активную коммуникацию, обычно требуется определенная маска, вербальная и визуальная. Возможность использовать любое имя и аватар делает общение в сети более раскованным. Однако есть люди, которым недостаточно виртуальной анонимности, они предпочитают «абсолютную анонимность», т. е. написание комментария без привязки к какой-

бы то ни было авторизации. «Абсолютная анонимность» используется чаще всего при резких провокационных высказываниях, подчас с ненормативной лексикой. Таким же образом в сеть обычно попадают различного рода сообщения об известных персонах, пятнающие их репутацию. Кроме того, коммуниканты сетевого пространства не совпадают с индивидами, так как один индивид может иметь несколько виртуальных масок – ников, а несколько человек могут публиковать свои записи от имени одного виртуального персонажа.

Рассмотрим, каким образом строится пространство сети. Коммуникативное интернет-пространство неоднородно, его основными характеристиками, на наш взгляд, являются открытость доступа к данной части пространства, степень интенсивности коммуникации и «вид собственности». Большая часть коммуникативного пространства Интернета является открытой для всех, однако существуют «места», куда могут войти только определенные участники: личное пространство, закрытое сообщество, платная информация и др. Интенсивность коммуникации зависит как от типа информационной площадки (например, коммуникация на сайте, видеохостинге, форуме, в блоге, социальной сети, электронном журнале, википроекте или на платформе для создания петиций привлекает разное количество участников с различными индивидуальными особенностями), так и от конкретного инициатора коммуникации. Многие информационные площадки предлагают только одностороннюю коммуникацию.

Возможность построения коммуникативного пространства привлекает индивидов. Однажды вступив в определенное сообщество, они возвращаются туда регулярно, чтобы продолжить построение коммуникативного пространства в данном «месте». Специфические особенности существуют у всех полилоговых коммуникативных площадок Интернета. Если форумы создаются для соответствующего тематического общения множества заинтересованных и «равных» между собой индивидов, то в блогах и сетях есть автор – «хозяин» коммуникативного пространства, размещающий информацию, способный ее изменить или уничтожить, остальные выступают лишь подписчиками и комментаторами. Хотя правильнее

говорить не о «собственности», а об «аренде», так как любой коммуникативный сервис имеет владельца доменного имени — реального хозяина с широкими возможностями управления данным пространством.

В отличие от социальных сетей блоги предназначены для размещения прежде всего своей информации, копирование чужих статей распространено гораздо меньше. Самые популярные блоги имеют тысячи постоянных подписчиков, комментарии к их постам занимают десятки страниц. Социальные сети подразумевают прежде всего межличностное общение и социальное одобрение, а не обсуждение каких-либо вопросов. Однако помимо возможности для общения они подразумевают устройство собственного стандартного «дома» — страницы, которую каждый может украсить по собственному желанию текстами, изображениями, видеофайлами. Современные технические устройства позволяют мгновенно делать снимки окружающего и размещать их на «своей странице», таким образом населяя ее объектами реального мира.

Наполнение «своего» личного пространства во многом определяется особенностями данной сети. Однако в большинстве сетей собственные высказывания составляют немногочисленные исключения, чуть больший процент — репост из внешних по отношению к сети источников. Для любителей словесного и визуального контента существуют разнообразные группы, где можно найти высказывания на любую тему с разной направленностью. Причем самые удачные высказывания и фотографии кочуют из группы в группу. Таким образом, человек может выбрать себе подходящие мысли и украсить ими свою страницу с помощью репоста. С.А. Демченков отмечает, что репост в подавляющем большинстве случаев расценивается не как указание на источник информации, а как личное высказывание пользователя, осуществившего клонирование чужого высказывания [4, с. 314]. Пост приобретает личное наполнение просто благодаря размещению его на странице. То есть по набору на странице картинок и высказываний, скопированных из разных источников, в целом можно определить особенности характера и настроение индивида.

Размещаемые посты — это то, чем индивид делится с друзьями. Люди, которым данный че-

ловек не безразличен, смотрят на содержимое его страницы и отмечают то, что им «нравится». Это «нравится» является скорее формой социальной поддержки, показателем расположения к человеку. Формой же большего принятия и согласия является «репост». При среднем количестве друзей 50–100 человек сообщение обычно набирает 3–5 «лайков».

Кроме того, эта часть интернет-пространства рассматривается как собственная территория, личная, почти интимная. Там могут размещаться материалы, которыми не делятся с чужими или малознакомыми людьми. Только для себя и друзей. Несмотря на потенциальную всеобщность, фактически люди вступают в коммуникацию в социальных сетях только с довольно узким кругом лиц. С этим связаны многочисленные скандалы, когда такой «непубличный» человек с узким кругом знакомств вдруг оказывается в центре внимания общественности и широкая публика начинает разбирать и критиковать его «мир». Вопрос о принадлежности личных фотографий и другой частной информации решен законодательно в пользу возможности общего использования, если другое не оговорено автором.

Для широко известных персон ситуация несколько иная. Их «личная» страница сразу после создания превращается в публичную, где постоянно находится масса поклонников и недоброжелателей. Здесь проявляется еще одна характеристика коммуникации в сети как пространства. Традиционная коммуникация значительно ограничена в количестве лиц, которые могут принимать в ней участие. Сетевая коммуникация потенциально включает в себя миллионную аудиторию, имея в своем арсенале невербальные средства, преодолевает порой даже языковые барьеры. То есть любой человек может вступить в коммуникацию с большей частью человечества (потенциальными участниками каждого такого коммуникационного канала могут быть все 2 млрд людей, подключившихся на сегодняшний день к Интернету).

Учитывая, что большая часть интернет-пространства является открытой для всех, послание, привлекающее внимание, вызывает коммуникативную реакцию, которая бывает как позитивной, так и негативной. Кроме того, на популярных площадках обсуждения появляются так называемые тролли, способные

уничтожить смысл любого общения. А при обсуждении вопросов, затрагивающих денежные, политические или иные интересы, возникает масса проплаченных комментариев, которые демонстрируют необходимое заказчику единодушие. Таким образом, если коммуникация не подвергается никаким видам цензуры, то в большинстве случаев превращается в поток грязи и глупостей. В тех «местах», где нет множества «хозяев», существуют модераторы – «стражники», работа которых заключается в фильтрации информации и каким-то образом оплачивается. «Хозяин» же «арендованного» пространства (блог, страница и т. п.) должен сам заботиться о нем и иметь ресурс, позволяющий управлять дискурсом. Допустим, автор блога может сохранять только положительные комментарии, остальные удаляются и отправляются в «бан». Так создается иллюзия единогласия. Дополнительной формой «борьбы с инакомыслящими» на коммуникативной площадке для автора блога является демонстративное наказание, когда неудобный комментарий не удаляется, но комментируется, после чего его автору запрещается дальнейшее общение. Данный прием должен, видимо, показать другим читателям опасность высказывать похуже мнения.

Даже при отсутствии желания превратить свой блог в «клуб единомышленников» для очищения его от информационного мусора нужно вести постоянную работу. Некоторые ограничения (своего рода «заборы») позволяют ставить фильтры, например разрешение добавления комментариев только для друзей, но это существенно сокращает интенсивность коммуникации. Даже «бан» (запрещение комментирования на данной коммуникативной площадке) не может оградить коммуникатора от высказываний конкретного индивида, так как, надев «новую маску» (ник), индивид снова может вступать в коммуникацию.

Таким образом, для мест с интенсивной коммуникацией «очистка» своей территории становится делом, требующим массы времени, и индивид вынужден искать компенсаций за свою работу или работу наемных администраторов. Следовательно, в сети в интенсивных узлах коммуникации появляется оплачиваемая

информация. Это может быть как обычная реклама, так и информация, которая должна выглядеть как беспристрастный анализ. Коммуникативные возможности Интернета могут использоваться для «вброса» информации, которую не возьмется разместить СМИ.

Итак, помимо мирно сосуществующих и обменивающихся информацией индивидов, в коммуникативном пространстве имеются армии наемных коммуникантов, готовых размещать комментарии за плату, и купленные лидеры мнений. Благодаря наличию этой армии «рядовых» и «генералов», возможно осуществление спланированных масштабных акций: тролль-атак, провокаций, информационных войн, направленных на человека, идею, организацию и т. д. В результате спланированных или спонтанных информационных атак индивид чаще всего бывает вынужден удалить свои аккаунты, т. е. исчезнуть как действующий коммуникант из данного коммуникативного поля, так как игнорировать травлю件 невозможно, а методов эффективной борьбы с ней сегодня не существует. Более того, известны случаи, когда информационные атаки троллей доводили людей до вполне реального самоубийства.

В заключение можно сказать, что Интернет является уникальным пространством, онтологически близким к единому мировому пространству ввиду независимости существования и географичности. С точки зрения строения коммуникативное пространство сети Интернет есть порождаемый коммуникантами конгломерат знаков, образующих смыслы. Коммуникативное пространство делится на открытое и закрытое, на пассивное, где возможно только получение информации (но не исключающее обратную связь, поскольку сам факт просмотра страницы, вызывающий срабатывание счетчиков, является обратной связью), и активное, где существует полилоговое взаимодействие. Последнее делится на «собственное», наполняемое и оберегаемое собственными силами, и «общественное», регулируемое автономными модераторами. Коммуникативное пространство создается и изменяется коммуникантами с целью самовыражения, одобрения, продвижения (значимых идей, продуктов, лиц), борьбы или исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Афанасьева В.В., Анисимов Н.С.** Постнеклассическая онтология // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 28–42. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1233 (дата обращения: 15.02.2016).
2. **Афанасьева В.В., Кочелаевская К.В., Лазерсон А.Г.** Пространство, новейшая онтология. Саратов: Наука, 2013. URL: <http://www.proza.ru/2014/01/12/1556> (дата обращения: 03.02.2016).
3. **Горошко Е.И.** Коммуникативное пространство Интернета как объект социокультурного анализа // Вісник Одеського національного університету. Сер. Соціологія і політичні науки. 2010. Т. 15, вып. 14. С. 130–136.
4. **Демченков С.А.** Репостинг в социальных сетях: смерть и воскресение субъекта // Коммуникативные стратегии информац. об-ва: труды VI Международ. науч.-теор. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 313–315.
5. **Мартишина Н.И.** Онтологический статус коммуникативной реальности и коммуникационного пространства // Современ. коммуникац. пространство: анализ состояния и тенденции развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 / под ред. И.В. Архиповой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 114–117.
6. **Миннуллина Э.Б.** Дискурсивно-рефлексивное единство как измерение коммуникативного пространства // Теория и практика обществ. развития. 2014. Вып. 9. С. 12–15.
7. **Родин А.В.** Коммуникационное пространство как социальная реальность: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009. 163 с.
8. **Тимерманис И.Е., Евсеева Л.И., Шипунова О.Д.** Коммуникативное пространство легитимации политической системы в условиях сетевого общества // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2015. Вып. 6. С. 26–35.

БЫЛБЕВА Дарья Сергеевна — кандидат политических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: marketing4121@yandex.ru

D.S. Byl'eva

THE INTERNET AS A NEW TYPE OF SPACE

The World Wide Web plays an increasing role in modern society. The article gives the attempt to understand the Internet communication as a new type of space. By nature between communicative The World Wide Web plays an increasing role in modern society. The article gives the attempt to understand the Internet communication as a new type of space. By nature between communicative Internet space and the physical space there are common traits (first of all self-sufficiency and geographical existence). Internet space is a intermediate between an intellectual construction and the physical space. The author researches the construction of communicative space Internet. The constructing unit of the space is sign. The creators of the space Internet are the communicative active individuals. The author analyses various forms of the space by “forms of ownership” and control. As a result there is a definition of the concept of Internet as a communicative space.

INTERNET; SIGN; COMMUNICATION; SPACE; REALITY; HUMAN BEING.

REFERENCES

1. Afanasyeva V.V., Anisimov N.S. [Postnonclassical ontology]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 8, pp. 28–42. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1233 (accessed 15.02.2016).
2. Afanasyeva V.V., Kochelavevskaya K.V., Lazerzon A.G. *Prostranstvo, noveyshaya ontologiya* [Space, the newest ontology]. Saratov, Nauka Publ., 2013. Available at: <http://www.proza.ru/2014/01/12/1556> (accessed 3.02.2016).
3. Goroshko Ye.I. [Communicative space of Internet as a object of socio-cultural analysis]. *Visnik Odeskogo natsionalnogo universitetu*. Ser. Sotsiologiya i politichni nauki, 2010, vol. 15, pt. 14, pp. 130–136. (In Russ.)
4. Demchenkov S.A. [Reposting in social networks: death and resurrection of the subject]. *Kommunikativnyye strategii informatsionnogo obshchestva* [Communicative strategies of information society. Proc. of the Int. Forum]. St. Petersburg, Politekhnikheskiy universitet Publ., 2013. Pp. 313–315. (In Russ.)
5. Martishina N.I. [Ontological status of communicative reality and communication space]. *Sovremennoye kommunikatsionnoye prostranstvo: analiz sozoyaniya i tendentsii razvitiya*. Proc. of the Int. Conf. Novosibirsk, NGPU Publ., 2014. Pt. 1. Pp. 114–117. (In Russ.)
6. Minnullina E.B. [Discourse-reflection unity as a dimension of communicative space]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 9, pp. 12–15. (In Russ.)
7. Rodin A.V. *Kommunikatsionnoye prostranstvo kak sotsial'naya realnost'*. Kand. dis. [Communicative space as a object of social reality Cand. diss]. Saransk, 2009. (In Russ.)
8. Timermanis I.Ye., Yevseyeva L.I., Shipunova O.D. [Communicative space for political system legitimation in network society]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2015, no. 6, pp. 26–35. (In Russ.)

BYL'EVA Dar'ya S. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: marketing4121@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.16
УДК 378.146

А.И. Боровков, К.Н. Киселёва, П.И. Романов

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ ОСНОВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Подготовка к введению федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, актуализированных с учетом профессиональных стандартов (ФГОС 3++), обусловила необходимость разработки вузами фондов оценочных средств в условиях отсутствия единых требований к их содержанию. В связи с этим авторами была проанализирована существующая нормативная правовая база и систематизированы компетентностно-ориентированные подходы к формированию таких фондов. Особенности создания фондов оценочных средств для разных областей образования могут быть учтены координационными советами по областям образования при разработке соответствующих методик и требований. Для эффективности функционирования системы образования в целом (реализация образовательных программ, проведение процедур государственной аккредитации и т. д.) важно, чтобы методики создания фондов оценочных средств были утверждены Минобрнауки России.

**ФОНД ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ; ФГОС 3++; ГОСУДАРСТВЕННАЯ АККРЕДИТАЦИЯ;
КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ.**

Использование в учебном процессе федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) поставило перед российскими вузами сложную задачу, ориентированную на получение образовательного результата в виде формирования различных видов компетенций. Достижение этой цели невозможно без применения современных образовательных технологий, формирующих у студентов требуемые ФГОС ВО компетенции, и без создания фондов оценочных средств (ФОС), позволяющих проводить объективную комплексную оценку сформированных компетенций. При этом образовательные технологии, в том числе интерактивные, рассматриваются в качестве способа формирования компетенций, а оценочные средства — в качестве инструмента, позволяющего измерить сформированность компетенций.

Оценка уровня сформированности компетенций — задача, которую невозможно решить только традиционными методами контроля и инструментами оценки. Кроме того, на сегодняшний день отсутствуют методические установки, единые в каждой области знаний, по формированию и использованию ФОС для оценки сформированности компетенций. Каждый вуз решает эту задачу самостоятельно.

Попробуем рассмотреть общие подходы к формированию ФОС, не ставя перед собой задачи охватить все проблемы, связанные с их созданием и использованием. Эта информация может быть полезна разработчикам ФОС и методик оценки сформированности компетенций у студентов вузов для промежуточной и итоговой аттестации и аккредитационной экспертизы.

Вопрос формирования ФОС напрямую связан с требованиями к ним, предъявляемыми

российским законодательством в области образования. Рассмотрим выдержки из ключевых нормативно-правовых документов.

Впервые требования к ФОС были сформулированы в пункте 8.4 ФГОС ВПО, разработанных в соответствии с Постановлением Правительства от 24.02.2009 г. № 142 «Об утверждении правил разработки и утверждения федеральных государственных образовательных стандартов»:

«Для аттестации обучающихся на соответствие их персональных достижений поэтапным требованиям соответствующей ООП (текущий контроль успеваемости и промежуточная аттестация) создаются фонды оценочных средств, включающие типовые задания, контрольные работы, тесты и методы контроля, позволяющие оценить знания, умения и уровень приобретенных компетенций. Фонды оценочных средств разрабатываются и утверждаются вузом.

Вузом должны быть созданы условия для максимального приближения программ текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся к условиям их будущей профессиональной деятельности — для чего, кроме преподавателей конкретной дисциплины, в качестве внешних экспертов должны активно привлекаться работодатели, преподаватели, читающие смежные дисциплины».

Пункт 8.6 ФГОС ВПО (ФГОС-3) регламентирует:

«Итоговая государственная аттестация включает защиту выпускной квалификационной работы (бакалаврской работы). Государственный экзамен вводится по усмотрению вуза.

Требования к содержанию, объему и структуре бакалаврской работы, а также требования к государственному экзамену (при наличии) определяют высшим учебным заведением».

Пункт 9 статьи 2 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» содержит следующее упоминание об оценочных средствах:

«9) образовательная программа — комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты), организационно-педагогических условий и в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, форм аттестации, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, а также оценочных и методических материалов».

Пункты 21 и 22 Приказа Минобрнауки России от 19.12.2013 г. № 1367 «Об утверждении порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» содержат следующую информацию:

«21. Фонд оценочных средств для проведения промежуточной аттестации обучающихся по дисциплине (модулю) или практике, входящий в состав соответственно рабочей программы дисциплины (модуля) или программы практики, включает в себя:

- перечень компетенций с указанием этапов их формирования в процессе освоения образовательной программы;
- описание показателей и критериев оценивания компетенций на различных этапах их формирования, описание шкал оценивания;
- типовые контрольные задания или иные материалы, необходимые для оценки знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций в процессе освоения образовательной программы;
- методические материалы, определяющие процедуры оценивания знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций.

Для каждого результата обучения по дисциплине (модулю) или практике организация определяет показатели и критерии оценивания сформированности компетенций на различных этапах их формирования, шкалы и процедуры оценивания.

22. Фонд оценочных средств для итоговой (государственной итоговой) аттестации включает в себя:

- перечень компетенций, которыми должны овладеть обучающиеся в результате освоения образовательной программы;
- описание показателей и критериев оценивания компетенций, а также шкал оценивания;
- типовые контрольные задания или иные материалы, необходимые для оценки результатов освоения образовательной программы;
- методические материалы, определяющие процедуры оценивания результатов освоения образовательной программы».

Пункт 12 Приказа Минобрнауки РФ от 19.11.2013 г. № 1259 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам подготов-

ки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» гласит:

«12. Программа аспирантуры (адъюнктуры) представляет собой комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты), организационно-педагогических условий, форм аттестации, который представлен в виде общей характеристики программы аспирантуры (адъюнктуры), учебного плана, календарного учебного графика, рабочих программ дисциплин (модулей), программ практик, оценочных средств, методических материалов, иных компонентов, включенных в состав программы аспирантуры (адъюнктуры) по решению организации».

Раздел 5 «Требований к результатам освоения программ бакалавриата» ФГОС ВО (ФГОС «3+») предусматривает следующее:

«5.6. При разработке программы бакалавриата образовательная организация вправе дополнить набор компетенций выпускников с учетом направленности программы бакалавриата на конкретные области знания и (или) вид (виды) деятельности.

5.7. При разработке программы бакалавриата требования к результатам обучения по отдельным дисциплинам (модулям), практикам организация устанавливает самостоятельно с учетом требований соответствующих примерных основных образовательных программ».

Внедрение ФГОС-3 вызвало в вузах много вопросов, первоначально связанных с тем, что преподаватели не были готовы к переходу на компетентностно-ориентированное обучение. Проблемы, в частности, были связаны с отсутствием компетентностно-ориентированной системы измерительных материалов, позволяющих измерять уровень сформированности компетенций студентов.

Современные тенденции в сфере оценки качества высшего образования обуславливают формирование системного подхода к различным аспектам оценки. В связи с этим вопрос оценки компетенций, являющийся одним из важнейших с точки зрения успешной реализации образовательных стандартов, требует комплексного системного решения, учитывающего требования всех сторон, заинтересованных в получении информации о качестве образования. Одним из главных инструментов, используемых для оценки качества образования, должен стать ФОС, обеспечивающий объективный и систематический контроль за качеством об-

разования. Рассмотрим существующий опыт российских вузов по разработке ФОС в соответствии с требованиями российского законодательства в области образования.

В Пермском научно-исследовательском педагогическом университете сформулированы следующие основные понятия компетентностного подхода к оцениванию результатов обучения [1]:

1. Планируемые результаты обучения по дисциплине в рамках компетентностного подхода должны описываться тремя компонентами компетенций:

- *знать* — понимать что-то, сознавать, обладать какими-либо сведениями;
- *уметь* — делать что-то, благодаря знаниям и навыкам;
- *владеть* — способностью к чему-либо означает хорошо знать, уметь пользоваться, обладать опытом, быть мастером.

2. Результатами обучения по дисциплине является освоение совокупности знаний, умений и владений, определяемых заданным перечнем компетенций или их элементов.

Достижение результатов должно быть измерено и отражено как состояние сформированности заданных компетенций: «знает...», «умеет...», «владеет...».

3. Дифференцирование уровней освоения каждой компетенции производится тремя ступенями (уровнями освоения):

- *пороговый* — знание базовой информации по областям и объектам профессиональной деятельности, понимание задач и методов профессиональной деятельности;
- *средний* (применение, анализ) — выбор методов решения проблем и технологий их реализации, установление взаимосвязей между явлениями и процессами;
- *высокий* (синтез, оценка) — принятие решений в условиях, когда выбор альтернативы требует анализа сложной информации различной природы, решение уникальных задач, обобщение и сопоставление результатов профессиональной деятельности, оценка их значимости и практической пригодности.

4. Конкретный уровень освоения компетенции должен быть задан дескрипторами уровней, представленными в компетентностной модели выпускника (КМВ) по реализуемой ООП направления подготовки/специальности высшего образования.

5. Дисциплинарная часть компетенции — это часть компетенции, освоение которой производится в рамках конкретной дисциплины. Перечень и

содержание дисциплинарных компетенций (множество компонентов «знать», «уметь», «владеть» для конкретной дисциплины) указано в компетентностной модели выпускника конкретной ООП по реализуемому направлению (специальности) подготовки. Количество компетенций, формирование которых возлагается на конкретную дисциплину, обычно составляет от 2 до 4.

6. Организация освоения заданных частей компетенций предполагает, что элементы их компонентной структуры должны быть связаны с элементами структуры дисциплины, в том числе с формами контроля, с учетом требований процессов (технологий) формирования знаний, умений и владений.

При наличии достаточно общих формулировок компонентов частей компетенций (из паспорта компетенций) преподаватель дисциплины должен выполнить их конкретизацию, т. е. произвести декомпозицию заданных частей компетенций. Декомпозиция частей компетенций должна осуществляться, как правило, на примере объекта деятельности, который должен быть разделен на составляющие (элементы), представляющие собой инструменты, с помощью которых возможно продемонстрировать компетенцию в профессиональной деятельности. При этом каждый компонент исходной (заданной) части компетенции будет представлен несколькими компонентами элементного уровня (число таких компонентов, как правило, должно быть 2–4 единицы). Компоненты элементного уровня представляют собой фактически предметы изучения дисциплины (модели, методы и т. д.), служащие индикаторами освоения компетенции при проведении преподавателем любого вида контроля и аттестации обучающихся.

Формирование компетенции является процессом. При этом освоение компонентов компетенции происходит постепенно. Сначала формируется компонент «знать», на его основе — «уметь» и только затем, в условиях обретения опыта практической деятельности, формируется компонент «владеть». Контроль уровня сформированности частей компетенций осуществляется по окончании изучения соответствующей дисциплины. Вопросы контроля аттестационных испытаний должны включать не только теорию, но и решение ситуационных задач в ситуациях, приближенных к будущей профессиональной деятельности.

7. При планировании мероприятий текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся преподаватель должен учитывать,

что при освоении содержания учебной дисциплины происходит переход от знания к владению (обладанию) данной компетенцией. Поэтому для достижения эффективных условий контроля освоения компонентов заданных компетенций целесообразна концентрация лекционных занятий (в течение 1 модуля, в течение 1-й половины семестра) с последующим проведением тестирования на освоение заданного уровня знаниевого компонента («знать») по дисциплине.

8. Формы аудиторной работы, применяемые для формирования компонентов «уметь» и «владеть», предусматривают проведение мероприятий текущего контроля — контрольные опросы, контрольные работы, защита отчетов по лабораторным работам и пр.

9. Для формирования компонентов «владеть» необходимо больше использовать самостоятельную работу студента (СРС), поскольку СРС реализуются по индивидуальным заданиям, располагают значительной трудоемкостью, что позволяет выполнять значительные по масштабам работы практической направленности.

Очевидно, что процесс оценки качества образования с использованием ФОС может выступать как одна из гарантий достижения качества образования при соблюдении ряда условий. На научно-практическом семинаре «Особенности формирования и использования измерительных материалов для оценки качества высшего профессионального образования с учетом введения ФГОС ВПО», проведенном 1–3 ноября 2012 г. в Российском государственном гуманитарном университете (Москва), эти требования были сформулированы следующим образом: во-первых, должны быть научно и методологически обоснованы принципы формирования и использования ФОС, соответствие используемых моделей оценочных средств требованиям и положениям образовательных стандартов. Во-вторых, входящие в ФОС оценочные средства должны отвечать внутренним нормативным и регламентирующим документам образовательной организации. А это означает, что ФОС должен быть интегрирован в систему внутреннего мониторинга качества образования в вузе, которая, в свою очередь, должна быть инструментом стандартизации и обеспечения качества оценочных средств.

Таким образом, формирование ФОС вуза включает предварительный и основной этапы:

на предварительном этапе осуществляется определение требований, их разделение и ранжирование по значимости; на основном этапе происходит формирование структуры и содержания оценочных средств, проверка их на валидность, надежность и эффективность оценивания.

Фонд оценочных средств состоит из нескольких частей и может быть предназначен для организации и проведения:

- входного контроля студентов-первокурсников с целью получения объективной оценки качества общеобразовательной подготовки;
- текущего контроля учебных достижений студентов;
- промежуточной аттестации студентов по завершении изучения дисциплины в соответствии с требованиями ФГОС;
- итоговой аттестации выпускников;
- процедур государственной аккредитации, надзора и контроля.

При этом ФОС должен формироваться на основе ключевых принципов оценивания [2]:

- валидность (объекты оценки должны соответствовать поставленным целям конкретной учебной дисциплины);
- надежность (данные, используемые при создании измерителей, должны быть достоверными, а критерии – едиными и массово апробированными);
- эффективность (должны снизиться различные виды затрат и соблюдаться оптимальность выбора для конкретных целей оценивания).

В соответствии с образовательными стандартами оценка качества подготовки должна осуществляться как в направлении оценки уровня освоения студентами дисциплин, так и в направлении оценки уровня сформированности компетенций выпускников [3]. При этом оценочные средства должны являться не только средством оценки, но и средством стимулирования студентов в процессе обучения.

При формировании ФОС для оценивания качества подготовки важно учитывать требования, предъявляемые к оценочным процедурам:

- периодичность проведения оценки;
- соблюдение последовательности проведения оценки (оценочные средства на каждом этапе обучения должны учитывать возрастание количественного и качественного уровня приобретаемых знаний, умений, владений и компетенций);

- многоступенчатость (оценка преподавателя и самооценка студента, обсуждение полученных результатов, разработка комплекса мер по устранению недостатков в качестве подготовки);

- единство используемой технологии оценивания и критериев оценивания для всех студентов.

Поскольку современный процесс оценивания в конечном итоге ориентирован на оценку компетенций, к нему предъявляются особенно высокие требования, в частности:

- разнонаправленность, т. е. определение уровня сформированности не только компетенций, связанных с учебной деятельностью студентов, но и компетенций, характеризующих уровень развития личностных качеств студентов;
- объективность, так как одной из целей внедрения компетентного подхода является повышение объективности оценивания студентов, снижение проявления субъективности преподавателей;
- систематичность, потому что уровень сформированности компетенций студентов с течением времени может меняться;
- мотивация, цель которой – выявление студентами слабых сторон в развитии своих компетенций, выявление способов совершенствования умений и владений навыками;
- практико-ориентированность, предусматривающая моделирование реальных профессиональных ситуаций, позволяющих подготовить высококвалифицированных специалистов, способных решать производственные задачи разной степени сложности.

Таким образом, для реализации компетентно-ориентированного подхода формирование фонда оценочных средств должно проводиться на основе:

- использования методов контроля, помогающих формировать самооценку студента, нацеленных на рефлексию познавательной деятельности;
- использования методов групповых и взаимных оценок (рецензирование студентами работ друг друга; оппонирование студентами проектов, дипломных, исследовательских работ и др.; экспертные оценки группами, состоящими из студентов, преподавателей и работодателей и т. д.);
- перехода от оценки результатов обучения к систематическому контролю (контролю для обучения);

- создания условий максимального приближения системы оценивания к условиям будущей профессиональной деятельности (использование ситуационных заданий, обеспечивающее интегрированную оценку одновременно нескольких характеристик);

- отслеживания и фиксации формирования личностных качеств;

- переноса акцента в контроле с того, что «не знают», на оценку того, что «знают», умеют, чем владеют;

- внешней оценки, обеспечивающей использование общепризнанных критериев и показателей качества образования (независимое экспертное оценивание, в том числе потенциальными работодателями и профессиональными сообществами);

- повышения объективности результатов оценивания с помощью применения качественных инструментов оценивания;

- использования программных средств, позволяющих проводить контроль, своевременную индивидуальную коррекцию обучения, а также хранить и автоматически обрабатывать информацию.

Как видно из вышеизложенного, при разработке оценочных средств могут реализовываться разные подходы и требования. Так, классическое тестирование уже успело доказать свою эффективность, объективность и простоту использования при проведении входного контроля знаний по дисциплине, для проведения кратких опросов с целью выявления степени усвоения темы или раздела, в случае самостоятельного контроля студентами полученных знаний, в целях определения уровня остаточных знаний и т. д. [4]. При этом важно отметить что, когда речь идет об определении степени сформированности компетенций, ФОС должны предусматривать использование не только традиционных форм контроля, таких как, например, классическое тестирование, но и междисциплинарных компетентностно-ориентированных заданий [5, 6]. На текущем этапе разработки ФОС уже внедряются задания со свободной формой выполнения, которые нельзя считать классическими тестовыми заданиями, так как они направлены на выявление интегрированных знаний студентов [4, 7]. Однако создание междисциплинарных компетентностно-ориентированных заданий до сих пор вызывает трудности.

В условиях отсутствия единых методик вузы самостоятельно ведут разработку подходов к реализации компетентностно-ориентированных программ и оценочных средств.

Оценивание с помощью ФОС должно стимулировать учебно-познавательную деятельность студентов, обеспечивать обратную связь между студентами и преподавателями в ходе образовательного процесса, контролировать уровень знаний, умений и владений, приобретаемых в процессе обучения, подтверждать уровень квалификации по завершении обучения. Кроме того, при компетентностном подходе оценивание должно служить еще и подтверждением эффективности применяемых образовательных технологий, являться источником объективных данных об уровне сформированности компетенций студентов и выпускников.

Особое значение процедура оценивания приобретает при прохождении государственной аккредитации, в рамках которой экспертная комиссия Рособнадзора оценивает сформированность компетенций обучающихся (в соответствии с набором включенных в ООП компетенций и по дисциплинам, освоение которых на момент проведения аккредитационной экспертизы завершено) либо оценочные материалы, используемые образовательной организацией. Наличие единых требований и методик в области оценивания компетенций (а значит, и создания ФОС) помогло бы соотнести образовательный процесс в вузе с процедурой прохождения государственной аккредитации [8].

Знание проблем, характерных для сегодняшнего этапа реализации компетентностного подхода в российском образовании, должно помочь вузовской общественности скоординировать свои усилия и преодолеть имеющиеся проблемы. Для решения такой сложной задачи, как определение уровня сформированности компетенций студентов, должны использоваться компетентностно-ориентированные методы контроля [9], применение которых могут обеспечить эксперты, компетентные в разработке и составлении измерительных материалов более высокого уровня сложности.

В целях обеспечения качества и развития образования Приказом Минобрнауки России от 22.12.2014 г. № 1605 «О координационных советах по областям образования» был создан Координационный совет по области образова-

ния «Инженерное дело, технологии и технические науки» (Координационный совет «Инженерное дело»). В рамках вопросов, связанных с обеспечением и оценкой качества образования, к целям и задачам Координационного совета относятся:

- участие в мониторинге реализации ФГОС;
- экспертиза и разработка проектов нормативных правовых актов в области высшего образования;
- организация взаимодействия между федеральными учебно-методическими объединениями (УМО), координация и контроль их деятельности.

Координационный совет «Инженерное дело» под эгидой Минобрнауки России и совместно с другими органами исполнительной власти активно участвовал в создании сети федеральных УМО по области образования «Инженерное дело, технологии и технические науки», к направлениям деятельности которых в том числе относятся [5]:

- осуществление методического сопровождения реализации ФГОС ВО;
- участие в разработке и (или) экспертизе ФОС для промежуточной аттестации обучающихся и для итоговой (государственной итоговой) аттестации;
- участие в независимой оценке качества образования.

Анализ существующего опыта показал, что разработка единых требований и методик, нацеленных на создание компетентностно-ориентированных ФОС, возможна по областям

образования. В связи с этим целесообразным является формирование экспертной площадки на базе координационных советов и федеральных УМО по областям образования [10].

Подводя итоги, можно заключить, что Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ определяет оценочные средства как часть образовательной программы, Приказ Минобрнауки РФ от 19 декабря 2013 г. № 1367 регламентирует требования к структуре ФОС для промежуточной и итоговой аттестаций по образовательной программе. При этом нормативные требования и рекомендации по формированию содержания ФОС отсутствуют. Так как ФОС используются не только вузом при реализации образовательных программ, но и экспертами Рособнадзора при проведении процедур государственной аккредитации, надзора и контроля, требуется разработка единых рекомендаций по формированию содержания ФОС.

Имеются рекомендации, разработанные отдельными авторами, творческими коллективами и вузами. Методики формирования ФОС в разных областях образования могут иметь существенные различия, поэтому разрабатывать эти методики целесообразно под руководством координационных советов по областям образования. Так как ФОС используются в мероприятиях Рособнадзора, необходимо, чтобы методики по их формированию были рекомендованы координационными советами по областям образования и утверждены Минобрнауки России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матушкин Н.Н., Столбов В.Ю. Организация аудиторной работы студентов по учебной дисциплине. Методические рекомендации преподавателям, разрабатывающим новые образовательные программы на основе ФГОС ВПО. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2013. 39 с.

2. Ефремова Н.Ф. Качество оценивания как гарантия компетентностного обучения студентов // Высш. обр. в России. 2012. № 11. С. 119–125.

3. Система оценки уровня сформированности компетенций и результатов обучения: метод. реком. / В.И. Игошин, С.Н. Филипченко, Л.Н. Тернова [и др.]. М.; Саратов; СПб., 2014. 33 с.

4. Разработка педагогических измерительных материалов для проведения интернет-тестирования: метод. пособие для разработчиков ПИМ / В.П. Ки-

селёва, К.Н. Киселёва, А.Н. Губина [и др.]. Йошкар-Ола: Стринг, 2013. 216 с.

5. Формирование системы УМО по области образования «Инженерное дело, технологии и технические науки» / сост. А.А. Александров, А.И. Рудской, П.С. Чубик [и др.]. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. 125 с.

6. Питман М.Б., Данилов А.Н., Столбов В.Ю. Об одном подходе к контролю уровня сформированности базовых компетенций выпускников вуза // Высш. обр. в России. 2012. № 4. С. 13–18.

7. Концепция и технология проведения Федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования / В.Г. Наводнов, В.П. Киселёва, А.Н. Губина [и др.]. Йошкар-Ола: Стринг, 2014. 59 с.

8. **Принципы** формирования аккредитационных педагогических измерительных материалов в соответствии с требованиями ФГОС ВПО / В.Н. Козлов, С.В. Викторенкова, А.И. Кибзун [и др.] // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2. С. 34–36.

9. **Прахова М.Ю., Коловертнов Г.Ю., Шаловников Э.А.** О месте тестирования как инструмента

оценки знаний в вузе // Высш. обр. в России. 2012. № 7. С. 113–116.

10. **Боровков А.И., Коршунов С.В., Романов П.И.** Задачи и перспективы развития системы УМО в современных условиях // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в национальных исследовательских университетах: матер. междунар. науч.-метод. конф. СПб., 2014. С. 31–38.

БОРОВКОВ Алексей Иванович – кандидат технических наук, проректор по перспективным проектам Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: vicerector.ap@spbstu.ru

КИСЕЛЁВА Клавдия Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий специалист НМЦ КС федеральных УМО «Инженерное дело» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: _knk_@mail.ru

РОМАНОВ Павел Иванович – доктор технических наук, директор НМЦ КС федеральных УМО «Инженерное дело» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: pavelromanov-umo@yandex.ru

A.I. Borovkov, K.N. Kiseleva, P.I. Romanov

THE NORMATIVE LEGAL AND METHODOLOGICAL BASES OF FORMATION OF FUND ASSETS VALUATION OF THE BASIC EDUCATIONAL PROGRAMS OF HIGHER EDUCATION

The introduction of the new federal state educational standards of higher education has made it necessary to develop estimates of the funds in the absence of common requirements. The authors analyzed the existing legal framework and systematised competence-oriented approaches to the formation of estimates of funds. Features evaluation of funds to different areas of education may consider coordinating councils on areas of education in the development of techniques and requirements. To be effective, the education system is important to create a methodology of evaluation of the funds were approved by the Ministry of Education of Russia.

FUND ASSESSMENT TOOLS; FEDERAL EDUCATIONAL STANDARDS; THE STATE ACCREDITATION; COORDINATION COUNCIL FEDERAL TEACHING UNION.

REFERENCES

1. Matushkin N.N., Stolbov V.Yu. *Organizatsiya auditornoy raboty studentov po uchebnoy distsipline: Metodicheskiye rekomendatsii prepodavatelyam, razrabatyvayushchim novyye obrazovatelnyye programmy na osnove FGOS VPO* [Organization of classroom work students on academic discipline: Guidelines for teachers, develop new educational programs on the basis of the federal state educational standards of higher professional education]. Perm', PNIPU Publ., 2013. 39 p. (In Russ.)
2. Yefremova N.F. [Quality assessment of competence as a guarantee of training students]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2012, no. 11, pp. 119–125. (In Russ.)
3. Igoshin V.I., Filipchenko S.N., Ternova L.N. et al. *Sistema otsenki urovnya sformirovannosti kompetentsiy i rezultatov obucheniya: metodicheskiye rekomendatsii* [The system of assessing the level of formation of competences and learning outcomes: guidelines]. Moscow, Saratov, St. Petersburg, 2014. 33 p. (In Russ.)
4. Kiseleva V.P., Kiseleva K.N., Gubina A.N. et al. *Razrabotka pedagogicheskikh izmeritelnykh materialov dlya provedeniya Internet-testirovaniya: metodicheskoye posobiye dlya razrabotchikov PIM* [The development of pedagogical materials for the measurement of online testing: a manual for teaching measuring materials developers]. Yoshkar-Ola, String Publ., 2013. 216 p. (In Russ.)
5. Aleksandrov A.A., Rudskoy A.I., Chubik P.S. et al. *Formirovaniye sistemy UMO po oblasti obrazovaniya "Inzhenernoye delo, tekhnologii i tekhnicheskiye nauki"* [Formation of the teaching unions in the education system "Engineering, technology and technical sciences"]. St. Petersburg, Politekhnicheskiy univ. Publ., 2015. 125 p. (In Russ.)
6. Gitman M.B., Danilov A.N., Stolbov V.Yu. [One approach to control the level of formation of basic competences of graduates]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2012, no. 4, pp. 13–18. (In Russ.)
7. Navodnov V.G., Kiseleva V.P., Gubina A.N. et al. *Kontseptsiya i tekhnologiya provedeniya Federalnogo Internet-ekzamena v sfere professionalnogo obrazovaniya* [The concept and technology of the Federal Internet exam in vocational education]. Yoshkar-Ola, String Publ., 2014. 59 p. (In Russ.)
8. Kozlov V.N., Viktorenkova S.V., Kibzun A.I. et al. [The principles of accreditation of pedagogical materials measurement in accordance with the requirements of the federal state educational standards of higher professional education]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 2, pp. 34–36. (In Russ.)
9. Prakhova M.Yu., Kolovertnov G.Yu., Shalovnikov E.A. [About the role of testing as a knowledge assessment tool in high school]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, 2012, no. 7, pp. 113–116. (In Russ.)
10. Borovkov A.I., Korshunov S.V., Romanov P.I. [Problems and prospects of development of the EMA system in modern conditions]. *Vysokiye intellektualnyye tekhnologii i innovatsii v natsionalnykh issledovatel'skikh universitetakh*. Proc. of the Int. Conf. St. Petersburg, 2014. Pp. 31–38. (In Russ.)

BOROVKOV Aleksey I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: vicerektor.ap@spbstu.ru

KISELEVA Klavdiya N. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: _knk_@mail.ru

ROMANOV Pavel I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnicheskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: pavelromanov-umo@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.17

УДК 37.032

И.П. Березовская, Е.С. Новикова

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ИТ-АКТИВНОСТИ НА ВЕРБАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В статье поднимается одна из актуальных проблем современного образования – проблема влияния ИТ-активности студентов на их когнитивные способности. Наиболее распространенные виды ИТ-активности современных студентов – общение в социальных сетях, прослушивание музыки и выполнение учебных заданий. В связи с активным внедрением в образовательную деятельность ИТ-технологий встает проблема влияния использования ИТ-устройств на развитие личности студента вообще и на его интеллект в частности. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о снижении уровня вербального интеллекта у активных ИТ-пользователей. Исследование на выборке студентов ПГУПС выявило, что активное использование ИТ-устройств в учебной деятельности отрицательно связано с показателями вербального интеллекта, тогда как общение в соцсетях и компьютерные игры не оказывают на него однозначно негативного влияния.

ИТ-АКТИВНОСТЬ; КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ; ВЕРБАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ; ИТ-ТЕХНОЛОГИИ.

В условиях интенсивной информатизации общества Интернет стал частью жизни разных слоев населения. Ему отводится серьезная роль в организации профессиональной, учебной и развлекательной деятельности человека. Для современной молодежи Интернет является не просто доступным и удобным исследовательским инструментом, а в большей степени пространством свободной возможности достижения целей и удовлетворения разнообразных потребностей. Коммуникативная, познавательная или игровая деятельность, а также разнообразие способов самопрезентации благоприятствуют проявлению индивидуального своеобразия личности пользователя. В связи с активным внедрением ИТ-технологий в образовательную деятельность встает проблема влияния использования ИТ-устройств на развитие личности студента вообще и на его интеллект в частности. Внутрисетевая активность с качественно иными сенсорными и перцептивными эталонами создает условия для формирования другого поведения интернет-активного субъекта в реальной действительности. И тут возникает вопрос о возможности трансформации личности в условиях Интернета. В многочисленных исследованиях (А.В. Беляевой, М. Коул

[1]; А.Е. Войскунского [2, 3]; Ю.Д. Бабаевой [4]; О.Н. Арестовой [5]; Ю.М. Кузнецовой, Н.В. Чудовой [6]; Е.Б. Моргунова [7]; D.A. Allport [8], M.D. Fischer, Z. David [9]; P. Kelly [10]; V. Brenner [11]) установлено, что длительная сетевая активность может приводить к появлению разнообразных форм психологических зависимостей пользователя. Кроме того, высказываются опасения о негативном влиянии **ИТ-активности на когнитивные способности**. Среди негативных последствий называют низкий уровень концентрации внимания, ухудшение памяти, неспособность к пониманию линейного текста и иерархических отношений.

Попробуем определить, влияет ли раннее и/или активное использование цифровых устройств (ИТ-активность) на уровень вербального интеллекта.

Гипотеза исследования: уровень вербального интеллекта связан с особенностями использования ИТ-устройств (ИТ-активностью).

Методы исследования:

1. Авторская анкета, составленная по результатам пилотажного опроса, выявлявшего источники информации, используемые студентами.

2. Тест «Сложные аналогии» Э.А. Коробковой (способность к пониманию сложных логи-

ческих отношений и выделению абстрактных связей) [12, с. 41–42].

3. Тест чтения Л.А. Ясюковой (по данным исследователя, около 70 % выпускников школ имеют неполноценный навык чтения) [13].

4. Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (ТСИ), субтесты № 2 «Исключение слова» (интуитивный компонент понятийного мышления), № 3 «Аналогии» (логический компонент понятийного мышления), № 4 «Обобщение» (понятийная категоризация) [14].

5. Пакет для математической обработки данных IBM SPSS Statistics 21.

Выборку составили студенты ПГУПС – 71 человек в возрасте 17–23 лет (38 девушек и 33 юноши).

Знакомство молодых людей 1993–1998 годов рождения с компьютером и мобильным телефоном началось в возрасте около 10 лет, несколько выше оказался средний возраст, когда началось знакомство с компьютерными играми, – 11,8 лет. Девушки значительно отличаются по этому параметру от юношей (кр. Манна – Уитни, $p \leq 0,01$) – они начинают играть позднее, чем юноши (если вообще начинают), и играют реже (табл. 1), а кроме того, чаще смотрят телевизор ($p \leq 0,05$).

По временным затратам на разные виды деятельности было выделено шесть категорий: «не делаю этого»; «занимаюсь менее 2 ч в неделю»; «2–7 ч в неделю»; «2–3 ч в сутки»; «3–6 ч в сутки»; «более 6 ч в сутки». Последние три категории условно были названы «активными пользователями» (2 ч и более в сутки). Распределение временных затрат отражено в табл. 2. Наиболее популярным занятием, выполняемым с помощью гаджетов, ожидаемо оказалось общение в социальных сетях. Чуть меньше времени занимают прослушивание музыки либо аудиокниг и выполнение учебных заданий. Треть опрошенных (30,9 %) активно используют компьютер/планшет для просмотра фотографий и видеороликов, около четверти – для игр, просмотра фильмов, поиска справочной информации. Самыми непопулярными занятиями у студентов оказались ведение блога и покупки в интернет-магазинах.

Средние показатели вербального интеллекта студентов ПГУПС (табл. 3) оказались ниже нормативных данных по тестам 2 и 3, приведенных Е.Е. Туник для 17-летних школьников, обучающихся в учебных заведениях повышенного уровня, однако превосходят

Таблица 1

Особенности IT-активности студентов

Параметр	Среднее	σ	Мин.	Макс.
<i>Общая выборка, n = 71</i>				
Возраст начала пользования ПК	10,3	2,88	3	16
Возраст начала использования мобильного телефона	10,5	2,45	6	16
Возраст начала игры в компьютерные игры	11,8	4,53	4	–
Просмотр ТВ-программ, ч/нед.	7,06	12,84	0	70
Чтение бумажных книг, ч/нед.	3,75	4,18	0	20
<i>Девушки, n = 38</i>				
Возраст начала пользования ПК	10,7	3,07	3	15
Возраст начала использования мобильного телефона	10,3	2,36	6	14
Возраст начала игры в компьютерные игры	13,3	5,13	4	–
Просмотр ТВ-программ, ч/нед.	9,2	15,18	0	70
Чтение бумажных книг, ч/нед.	4,8	4,8	0	20
<i>Юноши, n = 33</i>				
Возраст начала пользования ПК	9,94	2,65	4	16
Возраст начала использования мобильного телефона	10,7	2,57	6	16
Возраст начала игры в компьютерные игры	10,1	2,98	4	16
Просмотр ТВ-программ, ч/нед.	4,6	9,08	0	50
Чтение бумажных книг, ч/нед.	2,6	2,81	0	10

Таблица 2

Распределение студентов по уровню временных затрат на различные виды IT-активности, %

Вид деятельности, выполняемой с помощью цифровых устройств	Не делаю этого	Менее 2 ч в неделю	2–7 ч в неделю	2–3 ч в сутки	3–6 ч в сутки	Более 6 ч в сутки	«Активные» (более 2 ч в сутки)
Общение в соцсетях/агентах/ на форумах	2,8	8,5	12,6	36,6	9,9	29,6	76,1
Прослушивание музыки, аудиокниг	0	9,9	26,7	26,8	19,7	16,9	63,4
Выполнение учебных заданий	0	5,6	32,4	32,4	19,7	9,9	62,0
Игры	42,3	21,1	11,3	12,6	9,9	2,8	25,3
Ведение блога	94,4	2,8	1,4	0	1,4	0	1,4
Просмотр фото, видео	4,2	16,9	47,9	23,9	5,6	1,4	30,9
Просмотр художественных фильмов	5,6	29,6	42,3	19,7	2,8	0	22,5
Поиск справочной информации	2,8	25,4	46,4	14,1	11,3	0	25,4
Чтение специальной и профессиональной литературы	23,9	40,8	22,6	9,9	2,8	0	12,7
Самообразование, обучающие сайты	21,2	39,4	33,8	1,4	4,2	0	5,6
Чтение общественно-политических новостей	18,3	35,2	31	15,5	0	0	15,5
Чтение художественной литературы	19,7	29,6	29,6	15,5	4,2	1,4	21,1
Работа, заработок в Интернете	57,7	14,1	11,3	11,3	2,8	2,8	16,9
Покупки в интернет-магазинах	62	35,2	2,8	0	0	0	0
Творчество (написание текстов, создание цифровых картин, обработка фото, создание видеороликов)	53,6	28,2	7	5,6	4,2	1,4	11,2

Таблица 3

Показатели вербального интеллекта юношей и девушек

Методика	Девушки		Юноши		Уровень значения
	Среднее	σ	Среднее	σ	
ТСИ 2, баллы	12,6	1,34	13,4	1,90	—
ТСИ 3, баллы	12,1	3,39	11,9	3,31	—
ТСИ 4, баллы	19,7	4,36	16,8	3,58	—
Тест чтения (число ошибок)	0,5	0,82	1,64	2,87	$p \leq 0,05$
Сложные аналогии (число ошибок)	6,38	4,27	6,5	4,26	—

средние показатели для людей от 16 лет, приведенные в других источниках, в частности данные С.Г. Плотникова. С тестом чтения девушки справились успешно, юноши — несколько хуже. Наиболее сложным для испытуемых оказался тест «Сложные аналогии».

Корреляционный анализ не показал однозначно негативного влияния активного использования IT-технологий (табл. 4). В общей вы-

борке показатели по шкале «Исключение слова» (субтест 2 ТСИ) выше у тех, кто раньше начал пользоваться мобильным телефоном и чаще читает художественную литературу с помощью гаджетов. Возможно, ведущую роль играет сам факт чтения, а не использование электронных устройств. Показатели по шкале «Обобщение», характеризующие способность к абстракции и умение грамотно выражать свои мысли (субтест

Таблица 4

**Значимые корреляции особенностей информационной активности
и показателей вербального интеллекта ($p \leq 0,05$)**

Особенности цифровой активности	ТСИ 2	ТСИ 3	ТСИ 4	Сложные аналогии (ошибки)	Тест чтения (ошибки)
<i>Общая выборка</i>					
Возраст начала пользования мобильным телефоном	-0,339		0,351		
Общение в соцсетях					
Чтение художественной литературы с помощью гаджетов	0,341			0,319	
Выполнение учебных заданий с помощью электронных устройств					
Просмотр художественных фильмов на компьютере				0,303	
<i>Девушки</i>					
Возраст начала использования компьютера				0,465	
<i>Юноши</i>					
Время, затрачиваемое на компьютерные игры		0,557			
Выполнение учебных заданий с помощью электронных устройств					0,644

4 ТСИ), положительно коррелируют с уровнем активности в соцсетях. Студенты, чаще использующие компьютер для выполнения учебных заданий и просмотра фильмов, продемонстрировали более низкий уровень понятийного мышления (тест «Сложные аналогии») и менее развитый навык чтения. Применение ИТ-технологий в образовании в тех формах, в которых это происходит в настоящее время, как минимум не способствует развитию вербального интеллекта. У девушек раннее знакомство с мобильным телефоном оказалось связано с более низким уровнем понятийного мышления. Однако у юношей – активных геймеров была выявлена более высокая подвижность мышления, способность комбинировать и понимать соотношения (субтест 3 ТСИ).

В рамках настоящего исследования невозможно установить причинно-следственную связь. Так, способность к точному выражению мыслей сама по себе может быть фактором, влияющим на интенсивность общения в соцсетях. Более низкие показатели у студентов,

использующих ИТ-устройства в учебных целях, могут объясняться двояко: и бездумное скачивание не способствует развитию вербального интеллекта, и к поиску готовых материалов в сети более склонны студенты, испытывающие трудности с написанием текстов. Молодые люди с более подвижным мышлением могут быть более вовлеченными в компьютерные игры, так как оказываются успешными в этом виде деятельности.

Руководствуясь высказанными в литературе идеями о негативном воздействии ИТ-активности на концентрацию внимания, память, способность к пониманию линейного текста и иерархических отношений, авторы выдвинули гипотезу о негативном влиянии ее на вербальный интеллект в целом. Однако результаты исследования не дали однозначного подтверждения гипотезы. Неоднородность влияния ИТ-активности на вербальный интеллект указывает на необходимость детального изучения влияния ее отдельных видов на конкретные когнитивные способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беляева А.В., Коул М.** Компьютерно-опосредствованная совместная деятельность и проблема психического развития // Психол. журн. 1991. Т. 12, № 2. С. 145–152.
2. **Войскунский А.Е.** Интернет как среда человеческой активности // Материалы 2-й Рос. конф. по экол. психологии (Москва, 12–14 апреля 2000 г.). М.; Самара, 2001. С. 117–122.
3. **Войскунский А.Е.** Психологические исследования деятельности человека в Интернете // Информ. об-во. 2005. № 1. С. 36–41.
4. **Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.** Психологические последствия // Психол. журн. 1998. № 1. С. 89–100.
5. **Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.** Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1996. Вып. 4. С. 14–48.
6. **Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.** Психология жителей Интернета. М., 2007. 222 с.
7. **Моргунов Е.Б.** Человеческие факторы в компьютерных системах. М.: Трикола, 1994. 272 с.
8. **Allport D.A.** Attention ends performance // Cognitive Psychology: New Directions / G. Claxton (Ed.). L.: Routledge and Kegan Paul, 1980. P. 112–153.
9. **Fischer M.D., David Z.** Visual anthropology in the digital mirror: Computer-assisted visual anthropology. URL: <http://lucy.ukc.ac.uk/dz/layersnggwun.html>.
10. **Kelly P.** Human s Identity Parti: Who are you? // Metropolitan life/E-lecture from the university course about the net. 1997.
11. **Brenner V.** Psychology of computer use: XLVII Parameters of Internet-use, abuse, and addiction: The first 90 days of the Internet Usage Survey // Psychological Reports. 1997. Vol. 80. P. 879–882.
12. **Сборник** психологических тестов. Ч. II / сост. Е.Е. Миронова. Мн.: Изд-во Женского ин-та ЭНВИЛА, 2006. 146 с.
13. **Методика** определения уровня развития чтения Л.А. Ясюковой. URL: http://met.emissia.org/offline/2013/met010_files/m18-sys.htm/ (дата обращения: 12.01.2016).
14. **Плотников С.Г.** Опыт использования теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра в изучении способностей учащихся 10-х профильных классов // Сибирский учитель. 2005. № 5. С. 21–26.

БЕРЕЗОВСКАЯ Ирина Петровна – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: ipberezovskaya@mail.ru

НОВИКОВА Елена Сергеевна – старший преподаватель Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.

Россия, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9
e-mail: es-nov@yandex.ru

I.P. Berezovskaya, E.S. Novikova

MODERN EDUCATION: THE IMPACT OF THE IT ACTIVITY ON VERBAL INTELLIGENCE

The article raises one of the urgent problems of modern education – the problem of the influence of the IT-activity of students on their cognitive abilities. The most common types of IT-activity of modern students of communication in social networks, listening to music and homework. In connection with active

introduction of IT-technologies in educational activities raises the problem of the influence of the use of IT devices on the development of student's personality in General and intelligence in particular. As the hypothesis of the study was the assumption on the lower level of verbal intelligence active IT users. A study on a sample of students of the University 17–23 years revealed that the active use of IT-devices in learning activities was negatively associated with indicators of verbal intelligence, whereas the communication in social networks and computer games do not have a clearly negative impact

IT-ACTIVITY; COGNITIVE ABILITIES; VERBAL INTELLIGENCE; IT-TECHNOLOGIES.

REFERENCES

1. Belyayeva A.B., Koul M. [Computer-mediated joint activities and the problem of mental development]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1991, vol. 12, no. 2, pp. 145–152. (In Russ.)
2. Voyskunskiy A.Ye. [The Internet as a human activity Wednesday]. *Materialy 2-y Rossiyskoy konferentsii po ekologicheskoy psikhologii* [Proc. of the Conf.]. Moscow, Apr. 12–14, 2000 g. Moscow, Samara, 2001. Pp. 117–122. (In Russ.)
3. Voyskunskiy A.Ye. [Psychological studies of human activity on the Internet]. *Informatsionnoye obshchestvo*, 2005, no. 1, pp. 36–41. (In Russ.)
4. Babayeva Yu.D., Voyskunskiy A.Ye. [The psychological consequences of informatization]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1998, no. 1, pp. 89–100. (In Russ.)
5. Arestova O.N., Babanin L.N., Voyskunskiy A.Ye. [Communication in computer networks: psychological determinants and consequences]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psikhologiya*, 1996, no. 4, pp. 14–48. (In Russ.)
6. Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V. *Psikhologiya zhiteley Interneta* [The Psychology of the Internet population]. Moscow, 2007. 222 p. (In Russ.)
7. Morgunov Ye.B. *Chelovecheskiye faktory v kompyuternykh sistemakh* [Human factors in computing systems]. Moscow, Trivola Publ., 1994. 272 p. (In Russ.)
8. Allport D.A. Attention ends performance. *Cognitive Psychology: New Directions* / G. Claxton (Ed.). London, Routledge and Kegan Paul, 1980. P. 112–153.
9. Fischer M.D., David Z. Visual anthropology in the digital mirror: Computer-assisted visual anthropology. Available at: <http://lucy.ukc.ac.uk/dz/layersnggwun.html>.
10. Kelly P. Human s Identity Parti: Who are you? Metropolitan life/E-lecture from the university course about the net. 1997.
11. Brenner V. Psychology of computer use: XLVII Parameters of Internet-use, abuse, and addiction: The first 90 days of the Internet Usage Survey. *Psychological Reports*, 1997, vol. 80, pp. 879–882.
12. *Sbornik psikhologicheskikh testov* [Collection of psychological tests. Pt. II]. Minsk, Zhenskiy institut ENVILA Publ., 2006. 146 p. (In Russ.)
13. *Metodika opredeleniya urovnya razvitiya chteniya* L.A. Yasyukovoy [Methods of determining the level of development of reading Yasyukovoy L.A.]. Available at: http://met.emissia.org/offline/2013/met010_files/m18-sys.htm/ (accessed 12.01.2016).
14. Plotnikov S.G. [Experience with test structures of R. Amthauer intelligence in learning abilities of students of the 10th class of relevant]. *Sibirskiy uchitel'*. 2005, no. 5, pp. 21–26. (In Russ.)

BEREZOVSKAYA Irina P. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ipberezovskaya@mail.ru

NOVIKOVA Elena S. — *Petersburg State Transport University.*

Moskovsky pr., 9, St. Petersburg, 190031 Russia

e-mail: es-nov@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.18
УДК 372.853

*Т.Н. Гнитецкая, Б.Л. Резник, Ю.Е. Шутко,
В.И. Белоконь, А.Ю. Чеботарев*

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЭВОЛЮЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассмотрена эволюция концепции физической картины мира в контексте разработанной циклической модели естественно-научной картины мира в информационно-технологической среде. Показано, что данная среда обуславливает обратную связь между мировоззрением пользователей технологий и научными достижениями. Установлены периоды циклов эволюции. Приведены хронологические последовательности электродинамического и квантового циклов. Выполнено сравнение хронологии периодов данных циклов эволюции, на основе которого сделаны соответствующие выводы.

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЗИКИ; ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ КАРТИНЫ МИРА; ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА; ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА.

Методологической основой содержания курсов физики выступает концепция эволюции физической картины мира [4]. Актуальность обращения к названной концепции невероятно возросла в связи с расширением знаний в области физики ядра и микро- и наночастиц [1, 3, 6, 7]. Согласно данной концепции, новые факты и открытие новых свойств или особенностей фундаментальных взаимодействий с неизбежностью влияют на свод взглядов на окружающий мир, называемый физической картиной мира. Можно ли считать физическую картину мира наиболее объективной из всех существующих сегодня естественно-научных обобщений? Ответом является всеобщее признание физики как фундаментальной науки, чего нельзя заявить о других естественных науках. Еще в начале прошлого века С.И. Вавилов подчеркивал, что основная фундаментальная характеристика физики связана с универсальностью ее законов и тенденций объяснения на их основе всего круга явлений, входящих в компетенцию естествознания. К фундаментальным принято относить науки, в которых основные законы и понятия основываются на эксперименте. В истории естествознания отмечены три научные области, исследования в которых могут быть отнесены к фундаментальным, – физика, химия и биология. Вместе с тем в результате создания

и развития квантовой механики основные химические понятия и законы получили физическое объяснение, что обуславливает претензии физики и соответственно физической картины мира на монофундаментальность и выводит на первое место взгляд на устройство мира с позиции науки физики.

Сегодня физическая картина мира проходит один из витков своей эволюции. Изменение взглядов на мир обусловлено новыми уточняющими устройством мира фактами, полученными современными методами исследования физических объектов и явлений. Развиваются те области физики, в которых исследования физических объектов и явлений проводятся на основе методов спектроскопии, электронной микроскопии, сканирующей зондовой микроскопии, магнитно-резонансной томографии, рентгеновского анализа, СКВИД-магнитометрии, дифракции, рефрактометрии, а также на основе широко используемых в последнее время нейтронных методов, давших уникальную возможность для проверки современных теорий, включая «Стандартную модель электрослабых взаимодействий» [5, 7]. В связи с этим нейтрон приобрел методологическую значимость в физике. Физические методы исследования перенесены во многие области естественных наук. Охватывая не только физические, но и другие

естественно-научные области знаний, современная физическая картина мира трансформировалась в естественно-научную картину мира (ЕНКМ), которая обрисовывает окружающий мир, опираясь на междисциплинарные знания адекватно новым методам исследований.

Рассуждая о цикличности процессов развития, мы обратились к историческим этапам эволюции картины мира с тем, чтобы установить наличие закономерности в предпосылках перехода к новому этапу эволюции.

Информационно-технологическая среда и естественно-научная картина мира. Процесс развития естественных и технических наук всегда сопровождался возникновением технологий: от электричества, кардинально изменившего условия жизни человека и общества, до современных наукоемких технологий, охвативших области не только неживой, но и живой природы. Причем технологии возникали к тому моменту, когда экспериментальные и теоретические открытия в исследуемой области уже были выполнены. Далеко не каждый человек имеет физическое образование, чтобы понимать законы электричества, но практически каждый человек имеет бытовой электрический прибор, позволяющий это электричество использовать. Именно технологии являются проводником научных достижений к людям и, наряду с образованием, фактором, воздействующим на мировоззрение личности. Следует отметить, что навыки использования технологий создаются на основе информации, отличной от научной. Она формируется в социальной среде пользователей технологий и является характеристикой этой среды. С одной стороны, достижения науки обуславливают технологии, с другой — технологии обуславливают знания масс о достижениях науки. Человек погружен в информационно-технологическую среду, которая в большинстве случаев является единственным источником его естественно-научного мировоззрения. Современная естественно-научная картина мира не может не охватывать информацию о высоких (hi-tech) технологиях (например, атомные, нано- и биотехнологии), а также о тех, которые возникли на основе беспроводных Wireless-технологий связи, например технологии распространения новостей. Информационно-технологическая среда создается

значительно позже научных открытий, которые вносят новые элементы в естественно-научную картину мира. После того как установлены связи внутри науки и выполнены научные обобщения, возникают технологии, которые делают научные достижения достоянием масс средствами информационно-технологической среды. В таком контексте модель естественно-научной картины мира в информационно-технологической среде приведена на рисунке.

Исследование особенностей структуры физической картины мира нами уже проводилось [См.: 2, 8]. На рисунке показаны составляющие структуру естественно-научной картины мира ее элементы, связанные с взглядами на устройство мира с позиции физики, химии и биологии. Монофундаментальность физики, как было отмечено выше, отражена в модели односторонним направлением связей между физической и биологической, физической и химической картинами мира.

Естественно-научная картина мира является динамической системой, находящейся под воздействием информационно-технологической среды. Эволюция картины мира в рамках модели означает переход системы из одного состояния в другое в результате циклического процесса. В начале цикла происходит накопление научных открытий и развиваются научные

Модель естественно-научной картины мира в информационно-технологической среде (КМ – картина мира)

взгляды на устройство мира. Когда научная основа в целом сформирована, начинают развиваться технологии, которые массово внедряются в жизнь, в результате чего информация о научных достижениях трансформируется в информацию пользователей технологий, воздействующую на их мировоззрение. Наконец, устанавливается завершающая цикл обратная связь между мировоззрением пользователей технологий и научными достижениями, лежащими в основе этих технологий. Процесс установления обратной связи обусловлен пополнением науки молодыми исследователями с новым мировоззрением, сформировавшимся в результате воздействия информационно-технологической среды. Рассмотрим историю развития физики в контексте описанного в рамках приведенной модели циклического процесса эволюции картины мира.

Открытия в физике и технологии на их основе. Исторический период в развитии физики в

XVIII и XIX веках сопоставляют смене механической картины мира на электродинамическую [4]. В контексте модели это означает эволюционный переход картины мира как динамической системы в другое состояние. Рассмотрим хронологические последовательности экспериментальных открытий в физике и возникших на их основе технологий в периоды эволюции, соответствующие одному состоянию физической картины мира. В табл. 1 приведен цикл становления электродинамической картины мира, в табл. 2 – современный, еще не завершившийся цикл. Конечно, в таблицы включены лишь основные экспериментальные открытия.

В хронологической последовательности (см. табл. 1) экспериментальных научных открытий в области электричества и технологий, которые развились на их основе, выделяются несколько периодов. Период с 1734 по 1830-е годы может быть назван началом научных исследований. В это время было проведе-

Таблица 1

Хронология физических экспериментов по электромагнетизму и возникших на их основе технологий

Период цикла эволюции физической картины мира	Эксперимент	Технологии
<i>1-й период. Начало исследований</i>		
1734–1800	Два вида электричества – «+» и «-» заряды (Дюфе, 1734), закон Кулона (1785), лейденская банка (Мушенбрук, 1745).	Конденсаторный электроскоп (1782), эл. стат. маш. Вольта (1775), молние- и громотвод (Франклин, 1750–1752).
1800–1830	Вольтов столб (1800), электролиз (Никольсон, 1800), эл. дуга (Петров, Дэви, 1802), явление магн. действия тока (Эрстед, 1820), закон Ампера, закон Био – Саварра – Лапласа, эфф. Зеебека (1821), явление магнетизма вращения (Араго, 1824), закон Ома (1827)	Гальванометр (Швейггер, 1820), модель эл. мотора Барлоу (1823), модель эл. двигателя, термобатарей (Фурье, Эрстед, 1823), электромагнит (Стерджен, 1825; Генри, 1827)
<i>2-й период (через 100 лет). Начало технологий</i>		
1830–1840	Электромагн. индукция (Фарадей, 1831), самоиндукция (Генри, 1832), электролиз (Фарадей, 1834), закон Ленца (1833), мостик Уитстона (1840), явление электромагн. насыщения (Джоуль, 1840).	Колебат. эл. двигатель (Генри, 1831), динамомашин перем. тока (Пикси, 1832), электромагн. телеграф (Шиллинг, 1832), эл. телеграф (Морзе, 1835; Якоби, 1839), эл. двигатель (Стерджен, 1832; Якоби, 1834), реле (1837).
1840–1870	Закон Джоуля (1841), Ленца (1842), закон Майера (1843), закон сохранения эл. заряда (Фарадей, 1843), закон движущихся зарядов (Вебер, 1843), диа- и парамагнетизм (Фарадей, 1845), эффект Томсона (1851), разряд в газах (Плюккер, 1855), уравнения Максвелла (1861)	Индукционная катушка Румфорда (1851), свинцовый аккумулятор Планте (1857–1862), двигатель постоянн. тока с коллектором, динамомашин (Пачинотти, 1860–1865), трансатлантич. телеграф (1866), телефон (1870).

Окончание табл. 1

Период цикла эволюции физической картины мира	Эксперимент	Технологии
1870–1880	Предложен термин «электрон» (Стоуни, 1874), пьезоэлектрический эффект (братья Кюри, 1880).	Генератор пост. тока, двух- и трехфазные двигатели перемен. тока, эл. счетчик (Томсон, 1872), эл. лампа Лодыгина (1872), телефонный апп. Белла (1876), микрофон (Юз, 1878), трансформатор (Яблочков, 1878), лампа накаливания (Эдисон, 1879).
1880–1910	Явление вращающегося магн. поля (Тесла, Феррарис, 1888), эффект Зеемана (1896), измерено отношение e/m (Томсон, 1897), развитие теории диа- и парамагнетизма (Ланжевэн, 1905), магн. домен (П. Вейс, 1907), экспериментально определены заряд и масса электрона (Милликен, 1910).	Эл. станция (Эдисон, 1882), струйная, многоступенчатая турбины, ЛЭП, радиопередатчик (1887), генератор (1888), трансформатор (1890) и эл. передача (1891) трехфазного тока (Доливо – Добровольский), когерер (Брантли, 1890), дизель (1893–1897), антенна (Попов, 1894), самолет бр. Райт (1903), дизельный локомотив (тепловоз) (1912).
1932	Визуализация полей рассеивания с помощью коллоидных суспензий магн. частиц (Ф. Биттер, 1932).	
<i>3-й период (через 100 лет). Формирование информационно-технологической среды</i>		

Таблица 2

Хронология физических открытий в квантовой физике и возникших на их основе технологий

Период	Эксперимент	Технологии
<i>1-й период цикла</i>		
1857–1932	Законы теплового излучения (Кирхгоф, 1857–1862), спектр. анализ (Кирхгоф, Бунзен, 1857–1862), внутрен. фотоэффект (Смит, 1873), закон Стефана – Больцмана (1882), законы внеш. фотоэффекта (Столетов, 1888; Эйнштейн, 1905), законы Вина (1892–1894), рентгеновские спектры атомов (Мозли, 1914), открытие протона (1919), эффект Комптона (1920), принцип Паули (1925), открытие нейтрона (Чадвик, 1925), волновая механика (Шредингер, 1926), дифракция эл-на (Дэвиссон, 1907), уравнение Дирака (1928), квант. механика (1930).	Селеновый фотоэлемент (Адамс, Дэй, 1876), полупроводниковые выпрямители на основе селена (Фритте, 1886)
1932–1945	Открытие позитрона (К. Андерсен, 1932), рассчитана масса мезона (Ю. Хидэке, 1935), обнаружен мюон (К. Андерсен, 1938)	Ускоритель протонов (Кокрофт, 1932), радиотелескоп (Янский, 1932), первый ядерный реактор (Ферми, 1942)
<i>2-й период цикла</i>		
1945–1960	Обнаружен π -мезон (1947), обнаружены антипротон, антинейтрон, антинейтрино (1956).	Первая советская атомная бомба (1949), атомная бомба (Ферми, 1945), атомные эл. станции (Курчатов, 1950), нейтронная бомба (США, 1977).

Окончание табл. 2

Период	Эксперимент	Технологии
1960–1980	Обнаружено реликтовое излучение (1963), отмечены нейтрино, испущенные Солнцем; теоретически описаны кварки, глюоны.	Микроволновой квантовый генератор (мазер), лазер (1960) в лабораторных условиях, лазерный сканер штрих-кодов (1969).
1980–2005	Обнаружены W^- и Z^+ бозоны (1983), теория струн, обнаружен шестой, самый тяжелый, кварк (1995).	ЯМР, первый графический браузер (1993), телепортация фотона (1997).
2005–...		Нанотехнологии, транспорт веществ, наночастицы, нанороботы, наномоторы, наносенсоры, чипы, нанотрубки, нанополимеры, нанофотоника, наноэлектроника, ж/к мониторы, солнечные батареи, атомный осциллятор (1,49 ГГц)

но огромное количество экспериментов. Были открыты закон Кулона, электроскоп, лейденская банка, «положительный» и «отрицательный» заряды, электрический ток, громоотвод, электростатическая машина, «Вольтов столб», электрическая дуга, электролиз. В то же время было открыто явление магнетизма, разработан электрический двигатель, электромагнит, сформулированы закон Ома, закон Био – Савара – Лапласа, электролиз, электромагнитная индукция, самоиндукция. На накопление знаний ушло 100 лет, а в 1831 году с момента изобретения Генри колебательного электродвигателя начался новый, второй, период, который мы назвали началом развития технологий. Этот первый электродвигатель послужил толчком к развитию электрических технологий, которые довольно скоро стали необходимыми человечеству.

В табл. 1 приведены следующие технологии: трансатлантический телеграф, телефон, электрическая лампа, генераторы постоянного тока, двух- и трехфазные двигатели переменного тока, струйная турбина, многоступенчатая турбина, первые ЛЭП, чувствительный приемник радиоволн (когерер). Из табл. 1 видно, что потребовалось еще около ста лет исследований, чтобы открытия в области электричества привели к развитию технологий на их основе.

После 1930 года, когда практически все основные открытия в электричестве уже совершились, развитие технологий продолжалось на основе прикладных, в основном технических, уточнений. К этому времени физическая картина мира в ее электродинамической концепции

уже сформировалась в науке. Начался третий период цикла эволюции электродинамической картины мира – формирование информационно-технологической среды, в течение которого технологии информировали человечество о достижениях в электричестве, формируя адекватное мировоззрение у нового поколения. В это время в физике уже созрела новая концепция, обусловленная открытиями в области квантовых явлений. Что означает плавный переход физической картины мира как динамической системы в новое состояние, характеризующееся квантовой концепцией. Можно привести показательный пример – в 1930-е годы большая часть человечества представления не имела об электрическом токе, сегодня же средствами информационно-технологической среды знание о нем прочно вошло в нашу жизнь. Об электроны знают, а о нейтроне – вряд ли. В этой среде выросло новое поколение молодых ученых, пополнивших ряды исследователей в физике. Опосредованно через их деятельность устанавливается обратная связь между мировоззрением, сформированным под воздействием информационно-технологической среды, и научными достижениями – цикл эволюции картины мира с электродинамической концепцией завершился.

В наши дни завершается цикл эволюции картины мира с квантовой концепцией. В табл. 2 приведена хронологическая систематизация результатов квантовых исследований и технологий на их основе. Как и следовало ожидать, временные интервалы выделенных нами в табл. 1 периодов эволюции физической картины мира стали немного короче для новой кван-

товой концепции физической картины мира, которая, как уже отмечалось в начале статьи, трансформировалась в естественно-научную картину мира. Как видно из табл. 2, первый период современного цикла эволюции картины мира начался со становления квантовой теории в 80-х годах XIX века и длился 90 лет до начала развития технологии на ее основе, что лишь на 10 лет меньше длительности соответствующего периода предыдущего цикла. Второй период (начало развития технологий на основе достижений в квантовой физике) начался в 1940-х годах, когда были разработаны первые ядерный реактор и атомная бомба. Эти изобретения повлияли не столько на уровень жизни людей, сколько на психологический и политический статусы стран. В отличие от предыдущего цикла, где технологии начинались с безобидных динамо-машин и были направлены на усовершенствование условий жизни, первые технологии современного цикла связаны с милитаристскими целями. Мы не ставили целью выяснение причин такой перемены в предназначении науки, нашей задачей является экстраполяция хронологии современного цикла на предыдущую с целью установления в них общей закономерности и выполнения на ее основе весьма грубого временного прогноза дальнейшего развития естественно-научной картины мира.

Результаты сравнения соответствующих периодов двух циклов эволюции картины мира с электродинамической и квантовой концепциями по описанным выше хронологическим последовательностям сведены в табл. 3. Отме-

чена интересная закономерность. Окончание первого периода в первом цикле (1850-е годы) ознаменовалось началом исследований в новой области физики – квантовой механике. Уже в 1857 году Кирхгоф провел первый спектральный анализ. Окончание первого периода в современном цикле (1940-е годы) совпадает с исследованиями И. Пригожина в новой области физики – неравновесной термодинамике. Методы изучения открытых систем и статистической физики неравновесных процессов легли в основу описания биологических систем. Сегодня эти идеи нашли свое применение в социальных и гуманитарных исследованиях, например в психологии и экономике.

Предположим, что примерное совпадение интервала времени (120–90 лет) для первого периода эволюции картины мира в двух рассмотренных циклах, отличающихся разными концепциями картины мира, может проявиться и во втором периоде. Тогда примерное время окончания второго периода – 2030–2040 годы. В первом цикле окончание второго периода совпало с квантовой революцией в физике. Если совпадение допустимо, то мы находимся в преддверии научной революции естествознания и новой концепции картины мира.

Таким образом, в рамках приведенной модели естественно-научной картины мира в информационно-технологической среде определена цикличность эволюции картины мира. Установлены периоды циклов эволюции картины мира. Показано, что информационно-технологическая среда обуславливает установление обратной связи между мировоззрением пользователей технологий и научными достижениями, реали-

Таблица 3

Сравнение хронологических данных двух циклов эволюции картины мира

Наименование цикла эволюции картины мира	Периоды циклов эволюции				
	Научные исследования	Исследования новых областей	Технологии	Новые физические теории	Информационно-технологическая среда
1. Электродинамическая картина мира	1730–1850-е → 120 лет	Начало исследований квантовых явлений	1830–1930-е → 100 лет	Квантовая революция в физике	1930–1980-е 50 лет
2. Квантовая картина мира	1850–1940-е → 90 лет	Начало исследований неравновесной термодинамики	1940–2030-е? → 90 лет?	?	?

зация которой связана с приходом в науку представителей поколения с новым мировоззрением. Знания их базируются на научно подтвержденной информации, уже введенной в учебную литературу и ставшей очевидной. Сравнение хронологической последовательности периодов циклов позволило выполнить их приблизи-

тельную временную оценку, для чего интервалы времени периодов минувшего цикла экстраполируются на соответствующие периоды нынешнего цикла. Допуская возможность повторения сценария цикла, мы не исключаем наличие высокой степени вероятности грядущей научной революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аплеснин С.С., Кретинин В.В., Остапенко А.А., Галяс А.И., Янушкевич К.И.** Магнитоэлектрические свойства мультиферроиков $Nd_xBi_{1-x}FeO_3$ // Вестн. Сиб. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева. 2013. № 2 (48). С. 156–159.
2. **Гнитецкая Т.Н., Шутко Ю.Е., Иванова Е.Б.** Содержание курса физики в контексте методов физических исследований // Матер. Междунар. науч.-метод. конф. «Физико-математическое и технологическое образование: проблемы и перспективы развития». Ч. 1. М.: Изд-во МПГУ : «Onebook.ru», 2015. С. 16–18.
3. **Еременко Н.К., Додонов В.Г., Захаров Ю.А., Образцова И.И., Еременко А.Н.** Синтез и морфология биметаллических наночастиц Co/Au со структурой ядро – оболочка // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 189–194.
4. **Ефименко В.Ф.** Физическая картина мира и мировоззрение. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 230 с.
5. **Нейтронные** исследования структуры вещества фундаментальных свойств материи. Программа фундаментальных исследований Отд-ния физических исследований РАН. М., 2011. 8 с.
6. **Прохоров И.Ю., Акимов Г.Я.** От топливных ячеек к водородным элементам: твердые электролиты и нанозлектроды // Энергосбережение. Энергетика. Энергоаудит (ДФТИ им. А.А. Галкина НАН Украины). 2010. № 3 (73). С. 66–74.
7. **Серебров А.П.** Фундаментальные исследования с ультрахолодными нейтронами // Вестн. РАН. 2009. Т. 79. С. 23–36.
8. **Gnitetskaya T.N., Afremov L.L., Ivanova E.B. et al.** The Scientific Picture of the World as a Basis of Nanoelectronic Engineer's Professional Competence // Periodical of Advanced Materials and Researches. 2013. Vol. 655–657. Title Engineering Solutions for Manufacturing Processes. Pp. 2165–2169. Trans Tech Publications, Switzerland, doi: 10.4028. URL: www.scientific.net/AMM.655-657.2165.

ГНИТЕЦКАЯ Татьяна Николаевна — доктор педагогических наук, профессор Дальневосточного федерального университета.

Россия, 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8
e-mail: gnitetskaya.tn@dvfu.ru

РЕЗНИК Борис Львович — доктор физико-математических наук, профессор Дальневосточного федерального университета.

Россия, 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8
e-mail: gnitetskaya.tn@dvfu.ru

ШУТКО Юлия Евгеньевна — аспирант Дальневосточного федерального университета.

Россия, 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8
e-mail: yul_shutko@mail.ru

БЕЛОКОНЬ Валерий Иванович — доктор физико-математических наук, профессор Дальневосточного федерального университета.

Россия, 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8
e-mail: gnnts@dvgu.ru

ЧЕБОТАРЕВ Александр Юрьевич — доктор физико-математических наук, профессор Дальневосточного федерального университета.

Россия, 690950, Владивосток, ул. Суханова, 8
e-mail: gnnts@yahoo.com

T.N. Gnitetskaya, B.L. Reznik,
Yu.E. Shutko, V.I. Belokon, A.Yu. Chebotarev

INFORMATION-TECHNOLOGICAL ENVIRONMENT AND THE EVOLUTION OF THE PHYSICAL PICTURE OF THE WORD

This article examines the evolution of the physical picture of the world in the context of developed cyclic model of the natural science picture of the world in the information technology environment. It is shown that this environment makes feedback between outlook users of technologies and scientific achievements. The periods of evolution cycles were adjudge. On the basis of the chronology comparison of the same periods the electrodynamic and quantum evolution cycles, the relevant conclusions were made.

METHODOLOGY IN PHYSICS; EVOLUTION OF PICTURE OF THE WORLD; NATURAL-SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD; INFORMATION AND TECHNOLOGICAL ENVIRONMENT.

REFERENCES

1. Aplesnin S.S., Kretinin V.V., Ostapenko A.A., Galyas A.I., Yanushkevich K.I. [Magnetolectric multi-ferroic properties $\text{NdBi}_{1-x}\text{FeO}_3$]. *Herald Siberian State Aerospace University by akademik M.F. Reshetneva*, 2013, no. 2 (48), pp. 156–159. (In Russ.)
2. Gnitetskaya T.N., Shutko Yu.Ye., Ivanova Ye.B. [The content of the physics course in the context of physical research methods]. [*Proc. of the Int. Scientific Conf. "Physics-mathematics and technology education: problems and prospects"*]. Pt. 1. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., "Onebook.ru", 2015. Pp. 16–18. (In Russ.)
3. Yeremenko N.K., Dodonov V.G., Zakharov Yu.A., Obraztsova I.I., Yeremenko A.N. [Synthesis and Morphology of bimetallic nanoparticles Co/Au with the structure of the core – shell]. *Herald by Kemerovo State University*, 2014, no. 3 (59), vol. 3, pp. 189–194. (In Russ.)
4. Yefimenko V.F. *Fizicheskaya kartina mira i mirovozzrenie* [The physical picture of the world and world view]. Vladivostok: Publishing house of Far Eastern University, 1997. 230 p. (In Russ.)
5. Programma fundamentalnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk MA-2011-8 [Neutron studies of the structure of matter of the fundamental properties of matter]. Moscow, 2011. 8 p. (In Russ.)
6. Prokhorov I.Yu., Akimov G.Ya. [From fuel cells to hydrogen elements: solid electrolytes and nanoelectrodes]. *Energy Saving. Energy. Energy audit* (DFTI by A.A. Galkin, National Academy of Science of Ukraine), 2010, no. 3 (73), pp. 66–74. (In Russ.)
7. Serebrov A.P. [Basic Research into ultracold neutrons]. *Herald of Russian academy of sciences*, 2009, vol. 79, pp. 23–36. (In Russ.)
8. Gnitetskaya T.N., Afremov L.L., Ivanova E.B. et al. The Scientific Picture of the World as a Basis of Nanoelectronic Engineer's Professional Competence. *Periodical of Advanced Materials and Researches*, Vol. 655–657, 2013. Title Engineering Solutions for Manufacturing Processes. Pp. 2165–2169. Trans Tech Publications, Switzerland, doi: 10.4028. Available at: www.scientific.net/AMM.655-657.2165.

GNITETSKAYA Tatyana N. – Far Eastern Federal University.

Ul. Sukhanova, 8, Vladivostok, 690950, Russia
e-mail: gnitetskaya.tn@dvfu.ru

REZNIK Boris L. – Far Eastern Federal University.

Ul. Sukhanova, 8, Vladivostok, 690950, Russia
e-mail: gnitetskaya.tn@dvfu.ru

SHUTKO Yuliya E. – Far Eastern Federal University.

Ul. Sukhanova, 8, Vladivostok, 690950, Russia
e-mail: yul_shutko@mail.ru

BELOKON Valeriy I. – *Far Eastern Federal University.*

Ul. Sukhanova, 8, Vladivostok, 690950, Russia

e-mail: gnts@dvgu.ru

CHEBOTAREV Aleksandr Yu. – *Far Eastern Federal University.*

Ul. Sukhanova, 8, Vladivostok, 690950, Russia

e-mail: tgnts@yahoo.com

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

А.И. Дашкина, А.Я. Фёдорова

ПРИМЕНЕНИЕ НАСТАВНИЧЕСТВА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье описаны разработанные авторами этапы подготовки учащихся к исследовательской работе по направлениям «Лингводидактика» и «Перевод», на каждом из которых студенты участвуют в совместной учебно-познавательной деятельности. Некоторые этапы, такие как лексические и грамматические упражнения репродуктивного типа, творческие задания исследовательского характера, были апробированы на занятиях по иностранному языку среди студентов, обучающихся по лингвистическим направлениям. Совместная деятельность на начальных этапах подразумевала помощь, оказываемую студентами с высоким уровнем языковой подготовки учащимся с недостаточно высоким уровнем владения языком, в то время как на более продвинутом уровне она носила характер равноправного участия в научном исследовании. Предложенная схема подготовки студентов к научно-исследовательской деятельности была применена при обучении студентов-лингвистов на первых трех курсах. Исследовательское задание, выполненное учащимися с целью оценки эффективности предложенной схемы обучения, продемонстрировало, что в экспериментальной группе наблюдался значительный перевес в средних показателях, связанных с навыками научной деятельности.

СОТРУДНИЧЕСТВО; ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ; УПРАЖНЕНИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ТИПА; УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ.

Одной из основных задач высшего образования является формирование такой личностной характеристики учащихся, как способность к творческой деятельности, саморазвитию и самообразованию. Для решения указанной задачи необходимо постепенно вовлекать их в научно-исследовательский процесс. Формирование научных кадров целесообразно начинать с совместного выполнения заданий, поскольку совместная познавательная деятельность позволяет студентам приобрести навыки автономии. На всех этапах учащиеся должны не только получать знания в той или иной предметной области, но и формировать исследовательские умения и аналитическое мышление.

Основы совместной научно-исследовательской деятельности закладываются на младших курсах и формируются на каждом этапе обучения. Согласно классификации, предложенной И.А. Зимней, исследовательская деятельность подразделяется: на учебно-исследовательскую

деятельность, исследовательскую деятельность под руководством (с сопровождением), самостоятельную научно-исследовательскую деятельность студента бакалавриата и магистратуры и собственно научную деятельность магистра, кандидата и доктора наук [1, с. 11]. Предлагаемая нами классификация имеет много общего с этой классификацией, но мы делаем акцент на роль наставничества и совместной работы в постоянном процессе творческой эволюции учащихся. Постепенный, поэтапный переход студентов от познавательной деятельности к научному исследованию показан в табл. 1.

1. В ряде групп гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого *наставническая деятельность студентов*, обучающихся по направлению «Лингвистика», была введена в учебный процесс на 1-м курсе. Таким образом, подготовка учащихся к научно-исследовательской работе началась в самом начале обучения в вузе.

Таблица 1

**Поэтапный переход учащихся от познавательной деятельности к научному исследованию
 и формирование навыков совместной научно-исследовательской работы
 (на примере факультета иностранных языков)**

Курсы	Форма организации занятий	Типы заданий
1–2-й	Наставничество (первый этап)	Лексические и грамматические упражнения репродуктивного типа
2–3-й	Наставничество в учебно-познавательной деятельности (второй этап)	Переход от заданий репродуктивного типа к заданиям творческого характера
3–4-й	Равноправное сотрудничество студентов в учебно-познавательной деятельности (третий этап)	Задания творческого характера (поисковые задания, составление глоссариев, подбор текстов по определенной тематике и т. д.)
4–6-й	Научно-исследовательская деятельность (четвертый этап)	Задания исследовательского характера (изучение литературы, анализ результатов анкетирования, проведение эксперимента, написание научной публикации и т. д.)

Наставничество применялось по выполнению лексических или грамматических упражнений при парной работе или работе в малых группах. После объяснения материала преподавателем учащиеся переходили к совместной деятельности. Деление студентов на пары или группы проводилось в зависимости от уровня их владения иностранным языком. При этом учащиеся, владеющие языком на более высоком уровне, помогали учащимся с недостаточной языковой подготовкой выполнять задания и давали им разъяснения, выступая в роли наставников.

На первом этапе формирования навыков совместной научно-исследовательской работы, помимо таких традиционных заданий, как, например, выбор правильного варианта ответа, парам или группам учащихся было предложено самостоятельно подготовить инсценировки по фрагментам литературных произведений и выступить с ними на аудиторных занятиях. После этого другие учащиеся передавали их выступление в косвенной речи. Кроме того, студентам было предложено задание разыграть шарады в рамках пройденного лексического материала. Подготовка упражнений такого рода также осуществлялась в парах или малых группах с применением наставничества.

Внедрение наставничества с самого начала обучения в вузе является целесообразной формой работы на младших курсах, когда наблюдается неравномерность в уровне владения иностранным языком студентами, обусловленная

разным качеством школьной подготовки. Когда среди студентов с разным уровнем языковой подготовки был проведен опрос о том, какую пользу они получают от применения наставничества в учебном процессе, их ответы варьировались в зависимости от того, какая роль им отводилась при работе в парах или малых группах. Учащиеся с более сильной языковой подготовкой увидели преимущество в том, что им предоставляется возможность закрепить уже известный им лексико-грамматический материал в процессе работы в качестве наставников. Кроме того, для них одним из основных мотивирующих факторов является ответственность за качество знаний, которые они передают своим сверстникам. Студенты с низким уровнем владения языком указывали на более высокую эффективность усвоения материала, поскольку его объяснение ведется их сверстниками в индивидуализированном режиме. Указанные ответы на устный опрос позволяют сделать вывод, что в процессе работы с наставником студенты, недостаточно владеющие языком, выполняют главную задачу обучения – «формирование рациональных приемов познавательной деятельности» [2, с. 46].

Низкий языковой уровень некоторых студентов младших курсов часто объясняется тем, что в процессе обучения в школе они не владели рациональными приемами познавательной деятельности. Это указывает на то, что у них не была в достаточной мере сформирована учеб-

но-познавательная компетенция, определяемая как компетенция в сфере учебной деятельности, включающая в себя «постановку и решение познавательных задач, нестандартные решения, разрешение проблемных ситуаций, продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальную деятельность» [3, с. 52]. При работе в парах или малых группах учащиеся с более низким уровнем владения языком формировали учебно-познавательную компетенцию благодаря помощи студентов-наставников и постепенно начинали переходить от репродуктивного познания к научно-исследовательской деятельности, от решения познавательных задач к самостоятельному целеполаганию.

Еще одним фактором, обуславливающим высокую эффективность учебной деятельности студентов с более низким уровнем владения языком при работе с наставником, является осознание достижимости желаемого результата. Опрос, проведенный в указанных группах студентов, показал, что при проведении занятия педагогом 79 % учащихся ощущали огромное отличие своего уровня владения языком от уровня педагога. Они объяснили этот факт возрастным разрывом, а также намного более основательной языковой подготовкой преподавателя. При работе с наставниками учащиеся с низким уровнем владения языком ощущали большую уверенность в своих возможностях, поскольку, по их мнению, если их сверстники смогли в достаточной мере овладеть языком, это казалось выполнимым и для них. Именно по этой причине совместная учебная деятельность рассматривалась нами как первый этап в освоении студентами приемов научно-исследовательской работы.

Более высокая эффективность учебной деятельности с применением наставничества была проверена в ходе пилотного эксперимента, проведенного на занятиях по иностранному языку при обучении грамматике учащихся экономических направлений. В результате тестирования был выявлен 10-процентный перевес в экспериментальной группе, где применялось наставничество как форма организации аудиторной работы. Это доказывает целесообразность вовлечения студентов в процесс коллективного познания уже на раннем этапе обучения в вузе. Наставничество в парах или малых группах при выполнении заданий репродуктивного

характера является подготовкой студентов к более продвинутому этапу совместной учебно-познавательной деятельности.

Совместная учебная деятельность определяется как способ организации обучения, используя который, учащиеся обучают друг друга, контролируют результаты, оказывают помощь в усвоении и применении знаний [4]. Наставничество является одним из видов совместной учебной деятельности, при котором студент с более высоким уровнем знаний оказывает помощь в усвоении материала учащемуся, нуждающемуся в дополнительном объяснении. На данном этапе формирования навыков совместной научно-исследовательской деятельности студенты учатся работать в парах или малых группах, выполняя несложные задания репродуктивного характера. В отличие от способа организации обучения, описанного в вышеприведенном определении, наставничество на младших (1-м и 2-м) курсах не обязательно предполагает оказание помощи в применении знаний и контроль результатов: эти функции осуществляются педагогом.

2. Второй этап формирования навыков совместной научно-исследовательской работы определяется нами как *наставничество в процессе научно-познавательной деятельности*. Необходимо отметить, что учебно-познавательная деятельность отличается от обычной учебной деятельности. «Она носит поисковый характер, в ходе ее решаются несколько познавательных задач, ее результат – решение нескольких проблемных ситуаций» [5, с. 12]. Примерами учебно-познавательных заданий проблемного характера могут служить *Трежа хант* и *Сабдъект сэмпл*, предложенные П.В. Сыроевым. При выполнении заданий *Трежа хант* учащиеся получают ссылки на сайты по изучаемой теме, вопросы по содержанию сайта и один общий вопрос на целостное понимание темы. В *Сабдъект сэмпл* студенты также получают ссылки на интернет-ресурсы, но, в отличие от *Трежа хант*, они изучают фактический материал с целью последующего обсуждения злободневных проблемных тем [6].

На данном этапе учащиеся выполняли задания, предполагавшие изучение и анализ литературных источников и/или компьютерных ресурсов с целью получения ответа на определенные вопросы проблемного характера.

Например, студентам предлагалось подготовить политинформацию на английском языке по предложенным преподавателем темам (The Third World economic development, rise in cybercrime, traffic and congestion и т. д.). Каждая пара или малая группа учащихся освещала определенные события (в области экономики, политики и т. д.). Далее на аудиторном занятии проводилась дискуссия по каждой из рассмотренных проблем, и студенты предлагали возможные способы их решения.

Таким образом, на данном этапе студенты переходили к совместному решению творческих задач. Творчество определяется как «деятельность человека по созданию качественно нового, сознательно воспринимаемая им как порождаемая внутренним стремлением к самореализации или объективной потребностью человека» [7, с. 52]. Безусловно, сотрудничество студентов в совместной парной или групповой работе нельзя определить как равноправные партнерские отношения, поскольку на втором этапе (наставничества в учебно-познавательной деятельности) студенты-наставники продолжали оказывать помощь в обучении учащимся с недостаточным уровнем знаний. Однако в отличие от первого этапа наставническая деятельность не ограничивалась репродуктивными упражнениями. Примером творческого лексико-грамматического задания, выполняемого на данном этапе, может служить подбор функциональных фраз по заданной тематике. Кроме того, на втором этапе формирования навыков научно-исследовательской деятельности студентам предлагалось задание составить лексический минимум по определенной теме («Окружающая среда», «Медицина», «Спорт» и т. д.). Каждая малая группа или пара получала определенную часть задания. Например, при изучении темы «Окружающая среда» одни студенты подбирали лексику, касающуюся политических и экономических аспектов защиты окружающей среды, другие учащиеся составляли мини-словарь по климатическим изменениям, и в конечном итоге в результате совместной работы охватывалась вся тема.

Помимо подбора слов и словосочетаний учащимся предлагалось подобрать пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, выступить с фрагментами песен или стихов по определенной лексической или грамматической теме.

Пары или небольшие группы студентов также подготавливали кроссворды по пройденной лексике, которые впоследствии решались на аудиторном занятии. Кроме того, учащиеся подбирали отрывки из произведений художественной литературы по определенной тематике и демонстрировали их на занятии с помощью компьютерного проектора. На слайдах были представлены переводы отрывков, наглядные изображения, варианты сочетаемости отобранной лексики. Все студенты, находившиеся в аудитории, получали распечатку глоссария по демонстрируемым литературным отрывкам, и изучение этого лексического минимума выносилось в качестве домашнего задания. В целях закрепления этой лексики студенты подготавливали в парах или малых группах инсценировку указанных отрывков из литературных произведений.

Второй этап также предусматривал выполнение заданий, требующих от студентов поиска информации с помощью компьютерных средств и анализа полученной информации. Так, учащиеся, работающие в парах или группах, должны были проследить сочетаемость изученных на занятиях лексических единиц с помощью сайта Британского Национального корпуса (<http://info.ox.ac.uk/bnc>), который предоставляет пользователю 50 предложений, в состав которых входит одно и то же слово. Наставники помогали студентам с более низким уровнем владения языком перевести эти предложения, проанализировать разные значения слова (в случае полисемии). Далее каждая пара или группа выбирала и представляла для коллективного обсуждения словосочетания с определенным словом, наиболее целесообразные для запоминания.

Еще одним примером учебно-познавательной деятельности с применением наставничества на данном этапе был поиск однокоренных слов с помощью словаря Lingvo. Далее учащиеся, работавшие в парах или группах, составляли предложения с полученными однокоренными словами. Подводя итог, необходимо отметить, что целью второго этапа являлось формирование умения «синтезировать полученные знания в конкретном творческом проекте» [8, с. 18]. На данном этапе студенты уже не рассматривались как «пассивные получатели» информации, предоставляемой им педагогом, они сами

извлекали и анализировали информацию из различных источников.

3. На третьем этапе формирования навыков совместной научно-исследовательской работы *сотрудничество учащихся носило в большей степени равноправный характер*, чем на предыдущих этапах. Кроме того, учебно-познавательная деятельность студентов являлась конструктивной, т. е. была «обусловлена учебно-познавательной задачей, предполагающей создание *личностного иноязычного речевого продукта*» [9, с. 120]. Именно поэтому на данном этапе каждый участник пары или группы не только извлекал из существующих источников готовые знания, но и вносил свой вклад в создание такого *продукта*, который впоследствии мог бы применяться как педагогами, так и учащимися в дидактических или научных целях.

Примерами заданий на этапе равноправного сотрудничества студентов в учебно-познавательной деятельности являлся подбор текстов по определенной тематике и составление глоссариев на их основе с помощью компьютерных средств. Особый интерес для студентов, обучающихся по переводческому направлению, представляли глоссарии, содержащие терминологические словосочетания по новому направлению. Некоторые из глоссариев, составленных парами или группами студентов, впоследствии использовались в дидактических целях как на аудиторных занятиях, так и при самостоятельной работе.

На данном этапе учащиеся получали задания осуществить подборку текстов, соответствующих определенным стилям. Так, при изучении темы «Медицина» одна группа получала задание подобрать тексты в научном стиле, другая занималась поиском текстов в научно-публицистическом стиле, третья сосредоточивалась на нахождении текстов учебного подстиля. Далее пары или группы учащихся отбирали наиболее частотную лексику, характерную для определенного стиля. На этапе обсуждения результатов работы пары или группы объединяли отобранную частотную лексику в общий банк данных, объединяющий слова и словосочетания, характерные для разных стилей по определенной теме.

Еще один пример равноправного сотрудничества студентов в учебно-познавательной деятельности – подготовка и проведение фраг-

ментов занятия с применением учебного материала, разработанного в парах или группах. Учащиеся разрабатывали игровые задания, такие как кроссворды, отгадывание слова по определению, описанию или отдельным буквам, учебные викторины, посвященные фразеологизмам, и т. д. В указанных учебных играх использовался лексико-грамматический материал, разработанный в результате совместной деятельности студентов, что можно рассматривать как использование *личностного иноязычного речевого продукта* в дидактических целях. Это означает, что внешний результат учебно-познавательной деятельности можно увидеть, осмыслить, применить на практике и «внутренний результат – опыт деятельности – станет бесценным достоянием учащегося, соединяющим знания и умения, компетенции и ценности» [8, с. 5]. Таким образом, на третьем этапе студенты применяли на практике результаты своей творческой совместной работы. Кроме того, приобретенный учащимися опыт учебно-познавательной деятельности позволил им перейти непосредственно к научному исследованию.

4. Наука может определяться как «основная форма систематического знания, которое постоянно развивается, опираясь на практику познания объективных существенных связей действительности, что позволяет ей предвидеть события и тем самым создавать основу для целесообразной деятельности людей» [10, с. 10]. Действительно, на *научно-исследовательском этапе* (завершающем) учащиеся переходят к системному изучению целой совокупности явлений, научно доказывают выводы и обобщения, обогащают науку новыми знаниями, которые могут быть применены в человеческой деятельности.

Отличительными чертами этапа научного исследования являются неопределенность конечного результата, постановка гипотезы, самостоятельные наблюдения, проведение эксперимента и анализ его результатов. Данный этап может продолжаться не только на старших курсах, но и после окончания вуза, если выпускник выберет в качестве своей карьеры научную деятельность. Приобретенный опыт проведения научного исследования может быть применен учащимися как при написании ими бакалаврской или магистерской работы, так и при написании кандидатской диссертации. Представ-

ляется целесообразным предложить студентам старших курсов возможность провести научное исследование в парах или группах и описать его результаты в научных статьях. Они могут принять участие в конференциях молодых ученых как в СПбПУ, так и в других вузах и опубликовать свои статьи и тезисы.

Пары или небольшие группы студентов могут получить от педагога исследовательское задание по направлению «Перевод» или «Лингводидактика», ориентированное на их научные интересы. Например, одна группа или пара анализирует особенности перевода специальных терминов в определенном художественном произведении, другая изучает педагогические аспекты использования программ машинного перевода, тогда как некоторые учащиеся посвящают свое научное исследование изучению фразеологических единиц в современном английском языке. Далее каждая пара или группа публикует статью или тезисы и/или выступает на конференции по результатам своего исследования. Совместная деятельность студентов на четвертом этапе дает учащимся возможность подготовиться к защите бакалаврской или магистерской работы, а также к дальнейшей научной деятельности.

Нами были опробованы на практических занятиях первые три этапа исследования, поэтому динамика развития навыков исследовательской деятельности была прослежена только до 3-го курса (включительно). В конце 3-го курса студенты получили проверочное задание, выявляющее их готовность к участию в научно-исследовательской деятельности. Парам студентов было предложено изучить материалы на английском языке из трех устных (видеозаписи научных лекций) и трех письменных (научные

статьи) источников и подготовить 3-минутный доклад на одну из связанных с разделами разговорных курсов тем, которые изучались в течение трех лет. Это были темы по экологии (animals should be off the menu), образованию (the advantages of open-source learning), здоровью (the impact of obesity on human health) и т. д. Учащиеся должны были выступить с 3-минутной презентацией по своей теме, которая оценивалась по следующим критериям: раскрытие темы с содержательной точки зрения, обширность и разнообразие словарного запаса, правильное использование грамматических конструкций, качество связной монологической речи, умение ответить на вопросы по окончании выступления. Указанное задание выполняли студенты экспериментальной группы, прошедшие несколько этапов подготовки к исследовательской деятельности, и контрольной группы, в которой указанная подготовка не проводилась. Результаты представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, наибольший разрыв между контрольной и экспериментальной группами наблюдается в умении раскрыть содержание, ответить на вопросы слушателей, а также в навыках монологической речи и владении словарным запасом. Это объясняется тем, что при работе над заданиями в парах и малых группах в течение значительного промежутка времени происходит процесс коммуникации, в результате осуществляется обмен информацией между студентами как относительно источников информации, так и в плане изучения языка. В процессе групповых обсуждений студенты учатся более четко раскрывать тему сообщения, защищать свою точку зрения, использовать различные лексические средства для усиления выразительности высказывания.

Таблица 2

Результаты выполнения задания (презентации по заданной теме) в группах, средний балл (по 10-балльной шкале)

Группа	Критерии оценивания				
	Раскрытие темы с содержательной точки зрения	Обширность и разнообразие словарного запаса	Правильное использование грамматических конструкций	Качество связной монологической речи	Умение ответить на вопросы по окончании выступления
Контрольная	7.1	7.4	6.5	6.8	5.4
Экспериментальная	9.3	9.1	6.9	9.0	8.9

Тем не менее следует отметить, что не наблюдается значительного перевеса в экспериментальной группе в отношении правильности использования грамматических конструкций. Это объясняется тем, что грамматическим заданиям репродуктивного характера основное внимание уделялось на первом этапе совместной учебно-познавательной деятельности студентов, а на более поздних этапах грамматике уделялось недостаточно внимания. Результаты выполнения проверочного задания указывают на необходимость периодического повторения грамматики. Например, учащимся целесообразно выполнять в парах или малых группах грамматические задания, доступные онлайн.

Применение наставничества необходимо не только для улучшения качества обучения, но и для поиска новых преподавательских кадров из наставников старших курсов. Кроме того,

коллективная творческая деятельность ведет к формированию ряда личностных качеств, таких как ответственность, умение работать в группе и считаться с мнениями других людей.

Современный университет должен рассматриваться не только как научно-исследовательский центр, но как лаборатория по поиску и нахождению себя в мире науки. В процессе обучения в университете у студентов должен развиваться «культ познания – осознание значимости научной работы для профессионального становления, осознание связи познания с жизненными ценностями студента» [11, с. 13]. В результате коллективной деятельности на разных этапах обучения в вузе большее количество студентов будет рассматривать познание как одну из основных жизненных ценностей, и тогда университет будет оказывать формирующее воздействие на развитие их личностных качеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зимняя И.А.** Исследовательская деятельность студентов в вузе как объект проектирования в компетентностно-ориентированной ООП ВПО. Для программы повышения квалификации преподавателей вузов в области проектирования ООП, реализующих ФГОС ВПО. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2010. 40 с.
2. **Талызина Н.Ф.** Управление процессом усвоения знаний. М., 1984.
3. **Чернова Н.И.** Формирование лингвогуманитарной компетентности специалистов в системе высшего технического образования: моногр. М., 2007. 168 с.
4. **Педагогический словарь** / под ред. В.Н. Загвязинского, А.Ф. Закировой. М.: Академия, 2008. 352 с.
5. **Любимова Г.А.** Развитие познавательного интереса студентов в процессе опытно-поисковой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2005. 23 с.
6. **Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н.** Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных технологий: учеб.-метод. пособие для учителей, аспирантов и студентов. Ростов н/Д: Феникс; М.: Глосса-Пресс, 2010. 182 с. (Настольная книга преподавателя иностранных языков).
7. **Креативная педагогика.** Методология, теория, практика / под ред. В.В. Попова, Ю.Г. Круглова. 2-е изд., испр. и доп. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011. 319 с.
8. **Матяш Н.В.** Инновационные педагогические технологии. Проектное обучение: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. М.: Академия, 2011. 144 с.
9. **Алмазова Н.И., Рубцова А.В.** Учебно-познавательная компетенция как методологическая основа продуктивной иноязычной учебно-познавательной деятельности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1 (105). С. 117–121.
10. **Безуглов И.Г., Лебединский В.В., Безуглов А.И.** Основы научного исследования: учеб. пособие для аспирантов и студентов-дипломников. М.: Академ. проект, 2008. 194 с.
11. **Пассов Е.И.** Принципы подготовки учителя // Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Кузовлева Н.Е., Царькова В.Б. Мастерство и личность учителя: На примере преподавания иностранного языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта : Наука, 2001. С. 9–20.

ДАШКИНА Александра Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

ФЁДОРОВА Александра Яковлевна – старший преподаватель кафедры лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

A.I. Dashkina, A.Ya. Fyodorova

COLLABORATION ON VARIOUS STAGES OF PREPARING TRAINING LINGUISTICS MAJORS FOR DOING SCIENTIFIC RESEARCH

The stages of preparing undergraduates for conducting scientific research in the spheres of translation and foreign language teaching methodology are described in the article. On each stage students are involved in cooperative cognitive activities ranging from lexical and grammar reproductive exercises to scientific-research tasks. Some of these stages were tested in class and involved undergraduates studying linguistics. At entry-level stages the students who were fluent in English helped their groupmates with doing the assignments, whereas at the advanced level the activities could be described as equal participation in scientific research. The above mentioned technique of practising research activities was applied in teaching first-, second- and third-year linguistics majors. A research assignment done by the students so that the efficiency of the proposed technique could be checked, indicated that the average performance in research-related components was much higher in the experimental groups.

COLLABORATION; ORGANIZING STUDYNG PROCESS; REPRODUCTIVE EXERCISES; COGNITIVE ACTIVITY; SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITY; VOCABULARY TASKS.

REFERENCES

1. Zimnyaya I.A. Issledovatel'skaya deyatel'nost' studentov v vuze kak obyekt proyektirovaniya v kompetentnostno-orientirovannoy OOP VPO. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2010. 40 p. (In Russ.)
2. Talyzina N.F. Upravleniye protsessom usvoeniya znaniy. Moscow, 1984. (In Russ.)
3. Chernova N.I. Formirovaniye lingvogumanitarnoy kompetentnosti spetsialistov v sisteme vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya. Moscow, 2007. 168 p. (In Russ.)
4. Pedagogicheskiy slovar'. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 352 p. (In Russ.)
5. Lyubimova G.A. Razvitiye poznavatel'nogo interesa studentov v protsesse opytно-poiskovoy deyatel'nosti. [Abstr. cand. diss.]. Volgograd, 2005. 23 p. (In Russ.)
6. Sysoyev P.V., Yevstigneyev M.N. Metodika obucheniya inostrannomu yazyku s ispolzovaniyem novykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy. Rostov-na-Donu, Feniks; Moscow, Glossa-Press Publ., 2010. 182 p. (In Russ.)

7. Kreativnaya pedagogika. Metodologiya, teoriya, praktika. Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 2011. 319 p. (In Russ.)

8. Matyash N.V. Innovatsionnyye pedagogicheskiye tekhnologii. Proyektnoye obucheniye. Moscow, Akademiya Publ., 2011. 144 p. (In Russ.)

9. Almazova N.I., Rubtsova A.V. Uchebno-poznavatel'naya kompetentsiya kak metodologicheskaya osnova produktivnoy inoyazychnoy uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti. *St. Petersburg State Polytechnical Uni-*

versity Journal. Humanities and Social Sciences, 2010, no. 1 (105), pp. 117–121. (In Russ.)

10. Bezuglov I.G., Lebedinskiy V.V., Bezuglov A.I. Osnovy nauchnogo issledovaniya. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2008. 194 p. (In Russ.)

11. Passov Ye.I. Printsipy podgotovki uchitelya. *Passov Ye.I. et al. Masterstvo i lichnost' uchitelya: Na primere prepodavaniya inostrannogo yazyka*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2001. 240 p. (In Russ.)

DASHKINA Aleksandra I. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Ul. Politekhnicheskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

FYODOROVA Aleksandra Ya. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Ul. Politekhnicheskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: wildroverprodigy@yandex.ru

DOI 10.5862/JHSS.244.20
УДК 81'1

А.В. Хохлов, Л.П. Стычишина

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.И. МАКСИМОВА

Статья посвящена 90-летию со дня рождения профессора В.И. Максимова, отдавшего почти 50 лет своей жизни кафедре русского языка Политехнического института. Дан обзор основных научных и методических трудов ученого. Рассмотрены достижения профессора В.И. Максимова, отмечена их актуальность.

ПУТЬ В НАУКУ; ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ; НАУЧНОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ; ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

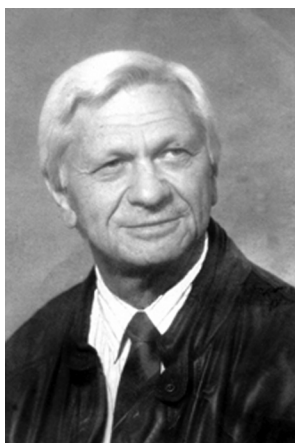
Доктору филологических наук, профессору Владимиру Ивановичу Максиму 11 июня 2016 года исполнилось бы 90 лет. Он оставил о себе память в науке как автор больших и серьезных монографических исследований, учебников по русскому языку, стилистике, культуре речи, как лексикограф, методист и как талантливый организатор научных исследований. Имя ученого известно не только в России, но и за рубежом. Информация о Владимире Ивановиче была включена в издания: «Энциклопедический справочник „Кто есть кто в мире”» (1980), изданный в США; «Лингвистический энциклопедический словарь» (2006), изданный в Москве; «Профессора Санкт-Петербургского государственного технического университета» (1999), «Кафедра русского языка: история и современность» (2000), энциклопедия «Биографии» (2006), изданные в Санкт-Петербурге.

Путь В.И. Максимова в науке поразительно последователен. Перед ним всегда был план,

задачи, стратегия их выполнения. Серьезность, основательность, трудолюбие, дисциплина отражались во всем, что он делал. Талантливый ученый с широким научным кругозором, способностью научного предвидения, он всегда обладал обостренным чувством времени.

Свой путь в науку В.И. Максимов начал с исследования по истории русского языка. Его первая научная работа «Лексика Псковской первой летописи» — диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук — была выполнена еще в 1958 году и имеет большое значение для истории русского языка, для исследователей языка древних летописей.

В 50-е годы XX века начинает зарождаться в качестве объекта систематического изучения, как в плане описания фактического материала, так и в теоретическом аспекте, диалектное словообразование. Этой теме посвящены многочисленные статьи В.И. Максимова. Большое значение имеют его докторская диссертация

«Суффиксальное словообразование существительных в русском языке» (1973) и монография на эту же тему, изданная в 1975 году.

В широкий круг научных интересов ученого наряду с проблемами словообразования попали вопросы, связанные с неологией и фразеологией. В своих работах по фразеологии он отмечает заметные подвижки во фразеологическом фонде русского языка, активность многих единиц, находившихся ранее на периферии, заметное пополнение русской фразеологии новыми фразеологическими единицами.

Из прикладных аспектов научной деятельности В.И. Максимов выбрал для себя важное и актуальное направление — лексикографическое. Он был прекрасным организатором и непосредственным участником создания словарей. Одним из первых и первым такого типа явился «Словарь перестройки» (1992). В 1994 году в Москве вышел в свет уникальный труд объемом в 90 учетно-издательских листов — «Иллюстрированный толковый словарь русской научной и технической лексики». В 1999 году появился «Словарь-справочник по грамматике русского языка» — первый опыт такого типа словарей. Всего же им подготовлено 10 словарей и справочников.

Еще один аспект — методологический вклад профессора В.И. Максимова в отечественную науку о языке. В последние 20 лет в нашей стране в технических вузах были созданы гуманитарные факультеты, где студенты овладевают такими специальностями, как «Связи с общественностью», «Технический перевод», «Издательское дело и редактирование», «Методика преподавания иностранного языка в техническом вузе» и «Методика преподавания русского языка как иностранного». Среди профилирующих курсов — «Современный русский язык», «Стилистика и литературное редактирование», «Культура речи». В.И. Максимов первым начал разработку программ, конспектов лекций, пособий и учебников. В 2004 году вышли учебники «Современный русский литературный язык» и «Стилистика и литературное редактирование», а в 2005 году — «Русский язык и культура речи».

Жизнь профессора В.И. Максимова сложилась так, что его научная деятельность почти 50 лет проходила в стенах Политехнического института. В 1961 году он пришел на кафедру

русского языка как иностранного, много лет работал заведующим кафедрой. Это было время, когда очевидным стало научное осмысление методики преподавания русского языка как иностранного. Молодой тогда еще ученый начал разработку программ по русскому языку для иностранных студентов-нефилологов, лексического и грамматического минимума, учебников. Опережая время, В.И. Максимов в середине 1980-х годов создал комплекс по русскому языку для студентов-иностранцев технических вузов, где базовым является учебник, а пособия дополняют его.

В.И. Максимов первым подготовил и методическое обеспечение спецкурса «Методика преподавания русского языка как иностранного». Это программа, конспекты лекций, учебно-методические пособия. В методическом наследии ученого есть и прекрасные пособия по русскому языку для иностранных школьников, например «Здравствуй, Москва!» (1985) и «Пишем друзьям» (1988).

Большой вклад внес В.И. Максимов в методическое обеспечение и развитие русского языка в своих зарубежных командировках. В 1965–1968 годах он работал в Монголии. Результаты его работы — написанные программы, лекции, учебники. Также плодотворной была работа Владимира Ивановича в Индии (1975–1977), где он принимал активное участие в создании центра по изучению русского языка в Институте английского и иностранных языков в г. Хайдерабад. Этот Центр известен сегодня научными разработками, региональными конференциями МАПРЯЛ, своими студентами, которые защитили диссертации и продолжают дело своих учителей. А одним из первых учителей и наставников был профессор В.И. Максимов. Он разработал научную концепцию преподавания русского языка в этом Центре, программы и планы, лекционные курсы по русскому языку. Это была важная и ответственная работа — подготовка национальных кадров, преподавателей русского языка для Индии. За работу в Монголии и Индии В.И. Максимов был награжден медалью и дипломом.

Где бы ни работал, что бы ни писал В.И. Максимов, он всегда оставался Учителем.

Перечислять написанные ученым статьи, учебники, учебные пособия, словари и справочники можно бесконечно долго — их более 300, и

среди них 5 монографий, более 40 учебников и учебных пособий, 10 словарей и справочников. Почетные награды были присвоены многим его работам. За монографию «Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке» и учебный комплекс «Здравствуй, Москва!» В.И. Максимов получил две бронзовые медали ВДНХ (1980, 1986). Первая премия Госкомитета СССР по народному образованию была присуждена его учебнику для национальных групп неязыковых вузов «Практический курс русского языка». В 1994 году первую премию Ученого совета Политехнического университета получил «Иллюстрированный толковый словарь русской научной и технической лексики». В 2003 году Ассоциация книгоиздателей России наградила дипломом «Книга года» учебник и практикум «Русский язык и культура речи».

Работы В.И. Максимова получили широкое признание, они общеизвестны в кругу лингвистов, методистов и часто используются

как в исследовательской работе, так и в преподавании. За последние 10 лет в ведущих издательствах страны вышли в свет его учебники по русскому языку и культуре речи для первого и второго курсов средних специальных учебных заведений, учебник по русскому языку и культуре речи для технических вузов. Переиздаются написанные В.И. Максимовым учебники по современному русскому литературному языку, по стилистике и литературному редактированию, по культуре речи, монографии «Структура и членение слова», «Занимательная фонетика». Все эти книги актуальны и нужны в российских вузах.

Владимир Иванович Максимов любил и умел работать. Он сумел реализовать свой научный, профессиональный и педагогический потенциал. В нашей памяти он остается не только крупным ученым, но и человеком светлым, обаятельным, дружелюбным, человеком, опережавшим время.

ХОХЛОВ Александр Викторович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой прикладной филологии Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: umkaav@mail.ru

СТЫЧИШИНА Людмила Павловна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: stychishina@mail.ru

A.V. Khokhlov, L.P. Stychishina

TO THE 90 ANNIVERSARY SINCE THE BIRTH OF V.I. MAXIMOV

The article is devoted to the 90th anniversary of birth of Professor V.I. Maksimov. The article provides a brief overview of Professor V.I. Maksimov's main scientific and methodological works. The authors considers achievements of Professor V.I. Maksimov. Many of his works are still valid in our days.

PATH IN SCIENCE; A TALENTED SCIENTIST; SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL HERITAGE; APPLIED ASPECTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY.

KHOKHLOV Aleksandr V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Ul. Politekhnicheskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: umkaav@mail.ru

STYCHISHINA Lyudmila P. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*

Ul. Politekhnicheskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: stychishina@mail.ru

© Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, 2016

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки
St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences**

№ 2 (244) 2016

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция

д-р филос. наук, профессор *Д.И. Кузнецов* – главный редактор
д-р филос. наук, профессор *О.Д. Шипунова* – зам. главного редактора
Л.Д. Чернухо – редактор, корректор
А.А. Мельниченко – технический секретарь

Телефон редакции (812) 294-47-72

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка – Н.А. Дубовская

Лицензия ЛР № 020593 от 7 августа 1997 г.

Подписано в печать 22.06.2016 г. Формат 60×84 1/8. Бум. тип. № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,87. Уч.-изд. л. 20,87. Тираж 1000. Заказ

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Отпечатано в типографии Издательства Политехнического университета:
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Он зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) и распространяется по подписке Объединенного каталога «Пресса России» (индекс 80634).

Журнал с 2002 года входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ; ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ; ПЕДАГОГИКА; ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Объем статей докторов наук, профессоров, докторантов, соискателей ученой степени доктора наук, как правило, 12–20 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать четырех, таблиц – трех, литературных источников – пятнадцати.

2. Объем статей преподавателей, сотрудников, соискателей ученой степени кандидата наук, как правило, 8–15 страниц формата А4, объем статей аспирантов – 8 страниц формата А4. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух, литературных источников – десяти.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть (постановка и описание задачи, изложение и суть основных результатов); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы), список литературы (оформление по ГОСТ 7.05-2008).

4. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

5. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

Шрифт – TNR, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5, таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2 см, текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

Вместе с материалами статьи должны быть обязательно представлены:

- номер УДК в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- аннотация (2–3 предложения) на русском и английском языках;
- ключевые слова (5–7) на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках: ФИО, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- аспиранты представляют документ отдела аспирантуры, заверенный печатью;
- рецензия на имя зам. главного редактора, подписанная специалистом, имеющим ученую степень доктора наук и/или ученое звание профессора. Рецензия должна быть ОБЯЗАТЕЛЬНО заверена в отделе кадров. Рецензент несет ответственность за содержание статьи, достоверность представленных материалов.

Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через личный кабинет ЭЛЕКТРОННОЙ РЕДАКЦИИ по адресу <http://journals.spbstu.ru>.

2.3. Рассмотрение материалов

Представленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Публикация материалов аспирантов очной бюджетной формы обучения осуществляется бесплатно в соответствии с очередностью.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться ДОСРОЧНО.

Более подробную информацию можно получить по телефону/факсу редакции:

(812) 294-47-72 с 10⁰⁰ до 14⁰⁰ – Алексей Анатольевич

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru